

*Мария Козакова достойно продолжает
знаменитую актерскую династию
своих дедушек и мамы*

Автопортрет

*О жизни и творчестве художника Джорджо де Кирико
читайте на странице 70.*

Из российской истории

Денис Логинов **Екатерина Малая** 4

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Талант, помноженный на эпоху** 20

Чтобы помнили

Альберт Лиханов **Юлиан. Прикосновение** 30

Рассказ

Светлана Савицкая **Дырка от гвоздя** 42

Мир науки

Евгения Гордиенко **«Совесть нации» родом из Петербурга** 51

Уголки России

Дмитрий Зелов **Ладожские шхеры** 56

Зеленая панацея

Степан Кащеев **В огороде бузина** 60

Замечательные современники

Елена Воробьева **Мария Козакова: «Хочу сниматься всегда»** 65

Олег Дуленин **Сергей Урсуляк: «Творчество — это всегда процесс с непредсказуемым результатом»** 102

Судьбы

Ирина Опимах **Раиса Гуревич и Джорджо де Кирико** 70

Мир увлечений

Елена Чулкова **Берестяница из рода Васнецовых** 78

Неизвестное об известном

Алла Зубкова **Жорж Сименон. Тот, кто дал жизнь комиссару Мегрэ** 89

Посмеемся вместе

Дмитрий Васильев **Упорство** 97

Эссе

Виктор Ом **«Донбассу жить!..»** 116

Детектив

Андрей Дышев **Бухта Дьявола** 128

Кроссворд. Эрудит

188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актриса театра и кино
Мария Козакова.
Фото Лидии Марковой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ПАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8700

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.08.2021

«Выдающийся русский писатель и гражданин Владимир Галактионович Короленко, почетный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности, он заслужил широкую известность и своей правозащитной деятельностью. Это был очень добрый и мягкий человек, к которому люди тянулись отовсюду, и каждого он оделял теплом и лаской. Максим Горький говорил о нем: «В.Г.Короленко стоит для меня где-то в стороне от всех, в своей особой позиции, значение которой до сего дня недостаточно оценено. Мне лично этот писатель сказал о русском народе многое, что до него никто не умел сказать... Он сказал это тихим голосом мудреца, который знает, что всякая мудрость относительна и вечной правды — нет... Это был человек с большим и сильным сердцем...»

Юрий **Осипов** «Писатель с сильным сердцем»

«Федор Иванович Толстой был личностью далеко не однозначной. Участник первого русского кругосветного путешествия и сибарит, знаток изысканной кухни и изящной словесности, отважный офицер и герой Бородина, человек неукротимого нрава, дуэлянт, картежный шулер и добряк, готовый отдать последнюю копейку, чтобы помочь человеку, попавшему в беду. Неудивительно, что такой колоритный персонаж стал прототипом многих литературных героев, созданных гением Пушкина, Грибоедова, Льва Толстого и Тургенева.

Алла **Зубкова** «Этот удивительный граф»

«В ноябре 2020-го года ушла из жизни женщина удивительной судьбы, певица Марина Вещицкая. Она прожила долгую жизнь и не скрывала секрет своей молодости, говоря, что стремление к радости и счастью неразрывно связано с желанием петь. Это главный витамин долголетия, вечный двигатель души и тела. Марина, которую близкие называли Малинкой, утверждала, что время стирает печали, страдания, радости, а песни — никогда. Ее жизненным девизом были слова: «Проснись и пой! Когда душа поет, она сильна и светла».

Людмила **Маршезан** «Жизнь и песнь Марины Вещицкой»

«Афанасия Никитина издавна считают героем-первопроходцем, открывшим для россиян богатую и загадочную страну — Индию. Он сделал это за четверть века до знаменитого Васко де Гама, о котором знала вся Европа. А вот о путешествии купца Никитина знали очень немногие, так как сам он считал его «грешным» и никому не показывал свои записки. Только триста лет спустя их заново открыл знаменитый историк и писатель Николай Карамзин в своем монументальном труде «История государства Российского». Россия ахнула от изумления и объявила купца-путешественника национальным героем.

Денис **Логинов** «Герой или грешник?»

«Мистическая повесть Дарьи **Булатниковой** «Разбойничий камень»

Денис Логинов

Екатерина Малая

Женщина — олицетворение просвещенного века. Нет, речь пойдет не об императрице Екатерине II, вошедшей в историю России как Екатерина Великая, а об ее тезке, которая некоторое время была ближайшей подругой императрицы, а впоследствии стала единственной женщиной в мировой истории, которая встала во главе Академии наук и весьма преуспела на этом посту.

Некоторые называли ее красавицей. Преувеличивали. Красивой она никогда не была, но умела нравиться. Правда, никогда не пользовалась этим оружием, чтобы добиться успеха. Достаточно было ее незаурядного ума и сильного характера.

В вихре событий екатерининской эпохи Екатерина Дашкова не затерялась. Напротив, она была вовлечена чуть ли не во все заговоры и придворные интриги. С юности вошла в круг избранных людей императрицы. А наука стала для нее духовной опорой. Правда, она хотела признания в ином — практическом влиянии на государственные дела. Но, по мнению своей царственной подруги, данных для этого не имела, и потому должна была довольствоваться вторыми ролями.

И тем не менее...

В девичестве она была Екатериной Романовной Воронцовой, принадлежала к одному из самых древних дворянских родов России. Отец — граф Роман Илларионович Воронцов — дослужился до генерал-аншефа и сенатора, а мать, Марфа Ивановна Сурмина, была обладательницей крупнейшего состояния, подругой Елизаветы Петровны, которой даже помогала деньгами, пока та не стала императрицей.

Младшая дочь Екатерина у четы Воронцовых родилась 28 марта 1743 года. Однако мать скончалась спустя некоторое время после родов, и маленькую девочку отдали на воспитание в семью дяди, Ми-

хаила Илларионовича Воронцова, будущего канцлера Российской империи.

Еще при жизни матери старшие дочери, Мария и Елизавета Воронцовы, были фрейлинами во дворце, а сыновья, Александр и Семен, находились на государственной должности и прославились как «стойкие государственные деятели».

С самого раннего детства Екатерину окружали лесть и богатство, но это почти не испортило не по годам развитую девочку. Она любила книги, перечитала всю библиотеку дядюшки и собрала свою — около 900 книг. Уникальное для того времени явление. Надо заме-

Екатерина Дашкова (Воронцова)

тить, что страсть эта осталась у нее на всю жизнь.

К пятнадцати годам девушка свободно владела четырьмя языками, хорошо пела, играла на музыкальных инструментах и могла поддержать любую беседу.

Позже она вспоминала, что ее истинное воспитание началось в деревне, куда ее, заболевшую корью, отправили.

— Барышни, — рассуждал Михаил Илларионович, — больше будут пребывать в благодости, если пред собою смогут лицезреть природное великолепие.

Ну, насчет благодости вопрос спорный. Зато вдали от городской суеты девочка в совершенстве овладела верховой ездой, фехтованием, запоем читала труды Гельвеция,

Бейля, Буало, Монтескье, Дидро и Вольтера.

В загородном имении дяди часто собирались дипломаты, литераторы и политики, и выздоровевшая юная графиня Воронцова уже тогда активно принимала участие в беседах с ними.

Екатерина не принадлежала к тем барышням, которые чуть ли не с колыбели мечтают о женихах. Мужчины ее не интересовали, на балах она откровенно скучала, поскольку искала интересных собеседников. А их не было. Но судьба распорядилась так, что она очень рано вышла замуж: ей только исполнилось пятнадцать лет.

«...вечером я возвращалась из гостей, и погода настолько была хороша, что захотелось пройти пешком в сопровождении сестры Самариной. Едва мы отошли несколько шагов, как перед нами очутилась высокая фигура мужчины, под влиянием лунного света рослый молодой человек поразил мое воображение, и я спросила сестру, кто он, в ответ услышала — князь Михаил Дашков — дальний родственник Петра I. И тут я почувствовала, что мы предназначены друг другу» — пи-

сала позже в своих «Записках» Екатерина.

Влюбившись без памяти в красавца-поручика, князя Михаила Ивановича Дашкова, она смогла «взять его в плен».

Великосветские сплетники Петербурга на всех вечерах обсуждали новость, будто бы на балу, когда Дашков неосторожно рассыпался в комплиментах перед молоденькой графиней, та не растерялась, позвала дядюшку-канцлера и сказала:

«Дядюшка, князь Дашков делает мне честь, просит моей руки».

Молодому князю, поручику Преображенского полка, красавцу и сердцееду, отступить было некуда. В мае 1759 года состоялась их свадьба. Дашков не переставал и после нее волочиться за всеми хорошенькими женщинами, но его юная жена все равно считала свой брак счастливым.

Размышления о Вольтере и Монтене отошли на задний план, когда перед нею встали в полный рост заботы о дорогом муже и появившихся детях. В феврале 1759 года родилась дочь Анастасия, еще через год — сын Михаил, про-

Екатерина II в молодости

живший совсем недолго, и затем сын Павел.

Екатерина так сильно любила своего мужа, что, когда он немного захворал и остался на ночь у тетки, примчалась к нему, несмотря на начинающиеся схватки. Не прошло и часа после приезда, как она родила своего второго ребенка — долгожданного сына.

Примерно в это время она подружилась с великой княгиней Екатериной Алексеевной, ставшей впоследствии российской императрицей. На светском приеме у канцлера будущая Екатерина II обронила веер, который подобрала Дашкова. Молодые женщины вскоре сблизились, рассказывали друг другу секреты, разговаривали про мужчин и обсуждали свое будущее.

По воспоминаниям Дашковой, «Очарование, исходившее от великой княгини, особенно когда она хотела привлечь кого-нибудь, было слишком могущественным, чтобы подросток, которому не было пятнадцати лет, мог ему противиться», и она навсегда отдала ей свое сердце.

Обе женщины были по-своему уникальны, сближала их любовь к чтению, к беседам о философии и государственном устройстве, а также

ненавидела за нелюбовь к православию и насаждение прусских порядков в армии.

Петр мечтал взять в жены свою фаворитку — графиню Елизавету Воронцову, родную сестру Дашковой. Екатерина переживала, что после смерти стареющей Елизаветы Петровны ее подругу могут просто сослать в дальний скит. Дашкова развила бурную деятельность по вербовке в сторонники великой княгини

На светском приеме у канцлера великая княгиня Екатерина Алексеевна, ставшая впоследствии российской императрицей, обронила веер, который подобрала Дашкова. Так произошло их знакомство и сближение. Молодые женщины делились друг с другом своими секретами, обсуждали свое будущее. Обе были по-своему уникальны, сближала их любовь к чтению, к беседам о философии и государственном устройстве, а также склонность к авантюрам

склонность к авантюрам. Дашкова написала Екатерине II полторы сотни писем, из которых расчетливая правительница сохранила лишь 46, самых безобидных. Остальные были сожжены как нежелательные улики.

Декабрь 1761 года стал роковым для империи — Елизавета Петровна угасала от болезней. Петр III готовился принять трон, не осознавая того, что в глазах большинства он был сплошным недоразумением: неумен, горяч и несдержан, пьяница и ловелас, открыто изменявший своей жене. К тому же гвардия его

нужных государственных деятелей и вельмож. В их число попали и ее муж, и офицеры Измайловского полка, и многие другие влиятельные люди.

Во время переворота 28 июня 1762 года Дашкова оказалась среди тех, кто поддержал будущую Екатерину II. 19-летняя Екатерина Романовна вместе с Екатериной Алексеевной в мундирах Преображенского полка принимали присягу войск. Затея с переворотом оказалась успешной, и страна получила новую императрицу. Екатерина Дашкова получила 24 тысячи рублей, орден

*Княгиня
Дашкова
в мундире*

Святой Екатерины и титул статс-дамы.

Но победные дни быстро завершились. Младшая Екатерина узнала о связи своей царственной подруги с Григорием Орловым и была потрясена тем, что ее долгое время держали в неведении. Новоиспеченную же императрицу раздражало, что Дашкова пыталась приписать себе основные заслуги в совершении переворота.

— И мы пахали, говорила муха на рогах вола, — иронически заметила она в одной из бесед с фаворитом.

Тот не замедлил оповестить об этой фразе как можно больше людей. Над Дашковой стали смеяться, а этого самолюбивая молодая женщина не могла перенести. Дружба, казавшаяся такой крепкой, постепенно сошла на «нет». Остались только отношения государыни и верноподданной, что безмерно огорчало Дашкову, но очень устраивало императрицу Екатерину.

Как потом писал А.И. Герцен, «Императрица Екатерина хотела царить не только властью, но всем на свете — гением, красотой; она хотела

Муж — Михаил Иванович Дашков

одна обращать на себя внимание, у нее было ненасытное желание нравиться. Она была в полном блеске своей красоты, но ей уже исполнилось тридцать лет. Женщину слабую, потерянную в лучах ее славы, молящуюся ей, не очень красивую, не очень умную, вероятно, умела бы удержать при себе. Но энергичную Дашкову, говорившую о своей славе, с ее умом, с ее огнем и с ее девятнадцатью годами, она просто не могла вынести возле себя».

Правда, в своих «Записках» Дашкова решила взять на себя все нити заговора, однако большинство исторических данных свидетельствует, что ее роль была скорей эффектна, чем значима. Гордая, тщеславная, осознающая свое умственное превосходство, Дашкова действовала практически всегда са-

мостоятельно, хотя и достаточно успешно.

Екатерину Романовну ждал еще один (увы, не последний) удар судьбы. Обожаемый муж скоропостижно скончался. В двадцать один год она осталась вдовой с двумя маленькими детьми на руках и больше замуж не вышла, несмотря на уговоры родни.

После похорон выяснилось, что князь оставил множество долгов. Уплатив их, Дашкова осталась практически нищей и была вынуждена с двумя маленькими детьми переехать в имение Троицкое, где, жестко экономя на всем, кроме воспитания детей, провела несколько лет. Спасли ее прагматичность и неожиданно проявившиеся административные способности — имение начало приносить доход.

Она продала практически все свои драгоценности, справедливо рассуждая об их ненужности в данное время. «Если бы мне сказали до моего замужества, что я, воспитанная в роскоши и расточительности, сумею в течение нескольких лет... лишать себя всего и носить самую скромную одежду, я бы этому не поверила», — на-

писала потом Дашкова в своих «Записках».

Большое разочарование она испытала, узнав о том, что Петр III был задушен, Иоанн VI (бывший император) убит, пойманная княжна Тараканова умерла в крепости. Дашкова понимала, что Екатерина тщательно освобождает себя от любых претендентов на престол. Императрица больше не прощала ни смелых высказываний, ни желаний Дашковой участвовать в государственных делах.

Но в целом события развивались в благоприятном для княгини направлении. На смену братьям Орловым пришел умный и дальновидный Григорий Потемкин. Под его влиянием императрица стала вести себя более дружелюбно. Дашковой было разрешено отправиться с детьми за границу для продолжения их образования.

Поездка оказалась очень продуктивной. За границей Екатерина Романовна встречалась и подружилась с Руссо, Вольтером, Дидро, австрийским канцлером фон Кауницем. И везде, где она бывала, рассказывала об императрице Екатерине только в превосходной степени. Находясь в Европе, она приобрела славу умной и превосходно образованной женщины, ее называли «Северной медведицей».

Однажды Дидро коснулся в их разговорах вопроса рабства русских крестьян. Дашкова ответила: что касается ее, то она в своих имениях устроила такое управление, которое ограждает крестьян от огра-

блений мелкими чиновниками. В ее имениях постоянно происходит рост благосостояния крепостных, и она не сумасшедшая, чтобы жестокостью иссушить источник доходов. Екатерина Романовна заинтересовала Дидро страной, и он в 1773 году приехал в Петербург, но их встреча в России не состоялась, так как Дашкова была еще в опале.

В Данциге, остановившись в одной из гостиниц, она обнаружила два монументальных полотна, на которых раненые и умирающие русские солдаты просили пощады у победителей-пруссиков. Возмущенная княгиня распорядилась купить краски и, заперев все двери после ужина, перекрасила мундиры на картинах, превращая победителей в побежденных. Теперь уже пруссаки умоляли русских о пощаде. Наутро, оглядывая дело рук своих, она с удовлетворением смотрела на удивленное лицо хозяина гостиницы, потрясенного сделанным.

А еще Дашкова успела осмотреть различные мануфактуры, соборы, музеи и театры городов, в которых побывала. В 1772 году она вернулась на родину, но в российской столице не задержалась, через год переехала в Москву. Там княгиня много и успешно занималась хозяйством, а также переводила и готовила к изданию труды великих просветителей.

В 1775 году Екатерина Романовна вновь уехала за границу. На этот раз поездка продлилась семь лет. Задачу перед собой она поставила благородную — закончить образо-

вание детей. Пока сын учился в Эдинбургском университете, княгиня продолжала путешествовать по Англии, Голландии, Бельгии, Франции, Италии. Среди ее знакомых были физик Д. Блейк, знаменитый экономист Адам Смит, историки У. Робертсон и А. Фергюсон.

Обо всех своих наблюдениях и знакомствах Дашкова сообщала императрице, а в 1782 году была, наконец, приглашена в Петербург. Встреча двух Екатерин была теплой, и княгиня получила в подарок поместье и дома в обеих столицах, а сы-

ну была предложена престижная должность.

Но, к сожалению, ни материнская забота, ни жертвенность Дашковой не помогли ей воспитать достойных наследников — танцы, музыка, рисование, театры, верховая езда, уроки фехтования, балы для молодежи не принесли нужных результатов. Дети выросли на редкость ничемными и бестолковыми.

«Простак и пьяница», — так охарактеризовала Павла Дашкова его крестная мать — императрица. Ну а скандальные истории, в которые

попадала горбатая Анастасия, поражая общество своей сумасбродностью, на все лады обсуждал весь великосветский Петербург.

Екатерина Романовна утешалась сочинением музыки, в чем весьма преуспела. Сложные полифонические произведения, исполняемые хором, которым дирижировала княгиня, повергали публику в восхищение. Первая женщина-композитор в мире, а не только в России. Но, увы, быстро и незаслуженно забытая.

«Кажется, Россия есть страна, где отношения обоих полов поставлены совершенно на выворот: женщины тут стоят во главе правления, председательствуют в ученых учреждениях, заведуют государственной администрацией и высшею политикой. Здесь стране недостает одной только вещи, а этим татарским красоткам — одного лишь преимущества, именно: чтобы они командовали войсками».

Зимним утром 1783 года состоялось первое заседание Академии.

Благодаря репутации, приобретенной в просвещенной Европе, Екатерина Романовна получила от императрицы предложение возглавить Академию наук. До сих пор княгиня остается единственной женщиной, занимавшей этот пост, в России такого никогда не было. 12 лет Дашкова управляла Академией наук и успела сделать очень многое

Правда, на карьере Дашковой неудачи в личной жизни пока никак не сказывались. Возможно, благодаря репутации, приобретенной ею в просвещенной Европе, Екатерина Романовна получила от императрицы предложение возглавить Академию наук. До сих пор княгиня остается единственной женщиной, когда-либо занимавшей этот высокий пост. Этого в истории России никогда не было! Свободолюбивая Европа и та была изумлена. Джованни Казанова писал в своих «Мемуарах»:

Дашкова попросила знаменитого математика Леонарда Эйлера представить ее уважаемым ученым мужам. Придирчивая академическая публика с первых минут увидела в Дашковой справедливого и мудрого директора: заметив, что на место рядом с ней пытается пробраться бездарный ученый, она властным жестом остановила проныру, обратившись к старцу Эйлеру:

— Сядьте, где вам угодно. Какое бы место вы ни избрали, оно станет первым с той минуты, как вы его займете.

Дашкова с присущей ей энергичностью начала заниматься новым для себя делом. За 12 лет управления Академией наук Екатерина Романовна успела сделать очень много. Было построено новое здание, начала снова работать типография. Ее светлость не ограничилась приведением в порядок только хозяйственной части, она наладила и научно-просветительскую деятельность. Например, ввела новые правила, по которым открытия и научные разработки, сделанные российскими учеными, не уходили сразу за границу, а приносили пользу родному отечеству. Именно по ее просьбе Академией впервые были изданы сочинения Ломоносова.

За годы руководства Дашкова упрочила академическое хозяйство, уплатила долги, пополнила библиотеку, улучшила работу типографии, наладила составление карт губерний, организовала экспедиции в различные края. Была налажена издательская деятельность, опубликованы следующие труды:

Полное собрание сочинений М.В. Ломоносова.

«Описание земли Камчатки».

«Записки путешественников».

«Академические известия».

«Собеседник любителей русского слова».

Русский словарь и грамматика.

Главное достижение Дашковой, создание русского словаря и грамматики, по мнению Пушкина, является «величайшим вкладом в русскую культуру», по мнению Карамзина,

«полный словарь, разработанный коллективом профессоров во главе с Дашковой и изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивит внимательных иноземцев, зреет не веками, а десятилетиями».

Именно при директоре-княгине статус науки, знания поднялся в русском обществе на недостижимую высоту. Заботясь об интересах страны, она запретила раз и навсегда сообщать открытия отечественных ученых за границей, «пока Академия не извлекла из них славу для себя путем печати, и пока государство не воспользовалось ими».

«За время моего директорствования, — писала Дашкова Екатерине, — из этого учреждения вышло большое число лиц, которые находятся на службе Вашего Императорского Величества, где они приносят пользу Отечеству, поощряются различными званиями».

Железный характер княгини давал свои плоды на государственной ниве: профессора получали завидное жалованье, лучшие студенты отправлялись на стажировку в Европу.

Вообще-то официальным президентом Академии в то время считался граф К.Г. Разумовский. На этот высокий пост его назначила царица Елизавета Петровна, уважение к памяти которой Екатерина II всячески подчеркивала, чувствуя свою вину в смерти Петра III. А еще Разумовский был шефом-командиром Измайловского полка и поддерживал Екатерину во время переворота

1762 года. Таких услуг, как известно, правителям нельзя забывать. Поэтому лишить графа высокого поста царица не решалась, придумав для Дашковой должность директора Академии.

Побывав на одном из заседаний Академии, вальяжный Разумовский, окруженный сонмом придворных женщин, сумел быстро понять: дело Академии находится в цепких руках талантливой женщины. Этим он не замедлил поделиться с императрицей за картами на одном из ночных куртагов, расстроившись, когда очередная горсть проигранных бриллиантов аккуратно перекочевала на сторону его покровительницы:

— Ваше величество, намерен был я в Академии, так нашел все в исправности, да более того, нахожу, что как бы там и не нужен, раз уж дело княгиня поставила.

— Не думаю так. И ты не спеши, — ответила императрица, — за делом любым приглядывать всегда нужно. А то, что умна, я и без тебя знаю. Пусть себе там хозяйничает. Все при заботах будет и да лишнего не сделает. Нужно будет, я ей еще работы найду, — завершила свою мысль Екатерина.

Но чем лучше обстояли дела Дашковой в академическом президентстве, тем печальнее складывалась ее частная жизнь. В семье блестящие деловые качества Екатерины Романовны превратились в настоящий деспотизм, так осуждавшийся ее любимыми просветителями. Своим неусыпным надзором она до того

подавила характер сына Павла, что он превратился в никчемного человека и алкоголика. Всесторонне образованный, он мог, учитывая положение матери, занять высокий пост, однако волю имел слабую, отдавать приказы другим не умел, да и, по чести сказать, не желал. Первой и последней его попыткой вырваться из под крыла властной маменьки было тайное венчание с дочерью купца Алферова. Подробности Екатерина Романовна не уточняла — это было ниже ее достоинства.

И все же проблемы с сыном были лишь «цветочками» по сравнению с теми неурядицами, которые создавала Дашковой ее дочь Анастасия. Судьба дочери тоже не радовала: публичные скандалы с мужем, огромные долги, в итоге — надзор полиции и удаление из завещания матери. «Железная барыня» Дашкова запретила непутевой дочке подходить к ней даже после смерти к гробу. Все чаще она подумывала о самоубийстве. Можно было только удивляться, отчего у такой умной матери выросла девочка странная, ограниченная, да к тому же с физическим недостатком — горбом.

Екатерина Романовна поторопилась выдать незавидную пятнадцатилетнюю дочь за меланхоличного, безвольного Щербинина. Страдая тягой к «зеленому змию», он «купился» на богатство и знатность Дашковых. Муж, естественно, с первых же дней супружества пренебрег уродливой женой, уехал за границу,

а Екатерине Романовне пришлось опекать непутевую дочку.

Но вскоре Анастасия повзрослела и решила отомстить за собственную несостоятельность не в меру заботливой матери. Дашкова была готова сгореть со стыда — за ее дочью возник и потянулся длинный шлейф скандальных историй. Легкая на общение Анастасия завела знакомства с сомнительными личностями, растратила деньги, влезла в долги и, расставшись с мужем, пустилась в загул. Сумасшедшие выходки довели ее до того, что она попала под надзор полиции. Екатерине Романовне приходилось писать униженные прошения, поручаться за непутевую дочь, освобождать ее под залог.

Мать уже не могла повлиять на Анастасию. Они перестали понимать друг друга, и это перерастало в непримиримую ненависть. Что могла переживать женщина, если она потеряла отношения с детьми, которым посвятила всю свою жизнь? Ради них она пожертвовала своей личной, женской судьбой, но их судьба стала настоящим крахом всех ее ценностей.

Не радовало и то, что за два года существования журнала «Собеседник» самой Дашковой были опубликованы десять статей. Но публикация сочинения Княжнина «Вадим Новгородский» вызвало сильное раздражение Екатерины II, боявшейся за свой трон. Кроме того, гнев императрицы вызывала дружба Екатерины Романовны с Бенджамином Франклиным, как с одним из руководи-

лей освободительной войны американских колоний против английского короля, которая нашла большую поддержку и сочувствие всех передовых людей Европы и России.

После французской революции отношение у власти к печатному слову изменилось. Под суд попал Александр Радищев, а брат княгини, Александр Воронцов, кровителемствовавший Радищеву, был вынужден уйти в отставку. В опалу попала и Екатерина Романовна, которой ставили в вину публикацию поэмы «Вадим Новгородский». Поэтизировать восстание против власти не приветствовалось.

Дашкова впала в депрессию, ее часто посещали мысли о смерти, но вера в Бога спасла ее от рокового шага.

В результате в 1794 году Екатерина Романовна попрощалась с Академией и уехала в свое Троицкое, где с болью встретила в 1796 году известие о смерти Екатерины, которую она в свое время провозгласила Великой.

После смерти императрицы закатилась и звезда самой Дашковой. Император Павел ненавидел свою мать и стал расправляться с ее приближенными. По его указу московский генерал-губернатор лично явился к Дашковой и объявил:

«Государь приказал вам покинуть Москву, ехать в деревню и припомнить там 1762 год!»

Дашкова была выслана в дальнюю и самую бедную деревеньку своего мужа в Новгородской губернии. Не сопротивляясь, полуболь-

ная, она по приказу императора Павла отправилась в зимние морозы в ссылку коротать дни в крестьянской избе, лишенной всяких удобств. И только в 1798 году, по просьбе ее сына Павла Михайловича Дашкова, император разрешил Екатерине Романовне поселиться в имении Калужской губернии.

Только при Александре I Дашкова снова вернулась в Петербург, но уже старалась не бывать при дворе и не участвовать в работе Академии, а все свободное время посвятила написанию мемуаров.

Писала она свои «Записки» на одном дыхании, писала по памяти, излагала быстро, почти ничего не поправляла. Ее целью было *«...не сохранить для потомства эпизоды ее удивительной жизни, а показать, как опасно плыть на одном корабле с сильными мира сего... и как придворная атмосфера душит развитие самых энергичных натур...»*

1807 год стал для нее еще одним страшным испытанием — в Москве после болезни скончался сын Павел. Дашкова при его жизни не признавала неравный брак и смирилась

*Дашкова Екатерина Романовна.
Фрагмент памятника
Екатерине Великой*

с ним только после его смерти. Состоялась трогательная встреча двух несчастных женщин, и они заливались слезами от горя потери. Детей у сына не было, и Екатерина Романовна нашла наследника из семьи Воронцовых — Ивана Илларионовича, внучатого племянника, которого опекала с самого рождения.

Иван Илларионович был единственным сыном родителей, после ранней смерти отца воспитывался матерью, а позже, благодаря влиянию знаменитой тетки, получил бле-

стящее европейское образование. Оказавшись после смерти сына Павла без наследника, княгиня сделала выбор: этот внучатый племянник был достоин носить фамилию Дашковой. (Так появилась новая династия графов Воронцовых-Дашковых, которые преданно служили отечеству и продолжили традиции знаменитой Екатерины Романовны Дашковой, занимаясь просвещением.)

На похоронах сына разыгралась безобразная сцена между матерью и дочерью. Ссора была такой громкой, что священнику даже пришлось приостановить отпевание в церкви. Дочь билась в истерике, пытаясь оттеснить мать от гроба. А причина была до обидного проста — Анастасия опасалась, что наследство матери перейдет к воспитаннице Дашковой — мисс Вильмонт, приехавшей из Англии, чтобы скрасить старость княгини.

По правде сказать, Екатерина Романовна даже хотела удочерить Мэри и оставить ее навсегда возле себя. Она подарила Мэри на память о счастливых годах, проведенных в имении Троицкое, опал шведской королевы, воеер Екатерины Великой и главную драгоценность своей жизни — рукопись «Записок». Но в душе мисс Вильмонт, похоже, тяготилась обществом навязчивой состарившейся княгини. И однажды, за два года до смерти княгини, стремясь избежать драматического прощания, Мэри, чисто по-английски, не прощаясь, ночью покинула дом сво-

ей опекунши. На таможене России Мэри учинили препятствия, искали опасные бумаги и отобрали рукопись, но ее утешило то, что копия предусмотрительно была уже послана за пределы России.

После смерти Дашковой Мэри, выполняя волю своей «русской матери», сохраненную копию подготовила к печати. Но ей препятствовал родной брат Екатерины Романовны Дашков Семен Романович. Он не хотел допустить появления книги, в ко-

торая: «Какая женщина! Какое сильное и богатое существование!»

Последние годы Дашкова доживала в имении Троицкое в окружении своих помощниц и крестьян. «В заключение я могу сказать со спокойной совестью, что сделала все добро, какое было в моей власти, и никогда никому не сделала зла. Я отомстила забвением и презрением за несправедливости, интриги и клеветы, направленные против меня. Я исполни-

И з-за неудач в личной жизни

Екатерина Романовна впала в депрессию, в результате чего попрощалась с Академией и уехала в свое Троицкое, где с болью встретила известие о смерти Екатерины, которую она в свое время провозгласила Великой. После этого закатилась звезда и самой Дашковой. Взошедший на престол Павел стал расправляться с приближенными покойной матери, и Дашкова была выслана в дальнюю и бедную деревеньку своего мужа в Новгородской губернии.

Лишь при Александре I ей разрешили вернуться в Петербург

торой приводилось описание закулисных подробностей переворота, обсуждались проблемы крепостничества и другие вопросы, не утратившие своей остроты в годы правления Александра I.

Поэтому первое издание на английском языке появилось только в 1840 году. А.И. Герцен стал крестным отцом русского перевода «Записок», которые с его предисловием были изданы в 1859 году. Он называл Дашкову своей фавориткой, го-

ла свой долг по мере сил и понимания. Со своим чистым сердцем и честными намерениями я вынесла много жгучего горя, которое вследствие моей слишком большой чувствительности свело бы меня в могилу, если бы меня не поддерживала моя совесть, свидетельствующая о чистоте моей жизни. Я без страха и тревоги, бестрепетно и спокойно смотрю в глаза приближающейся смерти», — написала она незадолго до своей кончины в 1810 году. □

ТАЛАНТ, ПОМНОЖЕННЫЙ НА ЭПОХУ

Жизненный и творческий путь Виктора Шкловского прекрасно укладывается в сюжетную канву приключенческого фильма. Видный филолог и писатель, кинодраматург, киновед и эссеист, он в Первую мировую вел за собой полк, прятался от обысков, а потом бежал от большевиков по льду Финского залива... Вернулся, чтобы занять почетное место в советской гуманитарной науке и литературе. Виктор Борисович умудрился вместить в свою бурную судьбу почти весь XX век, будучи при этом не просто наблюдателем, но активным участником происходивших событий.

Валентин Каверин сделал его героем своего известного романа о советской интеллигенции 20-х годов «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». Шкловского впоследствии нередко так и величали «Скандалист с Васильевского острова». А еще — «талант, помноженный на эпоху».

Парадоксальность этого человека поражала даже таких сногшибательных личностей, как Мандельштам, который писал, что «его голова напоминает мудрый череп младенца или философа. Это смеющаяся и мыслящая тыква... Мысль бьет изо рта, из ноздрей, из ушей, непрерывно обновляющаяся и равная себе. Улыбка

Шкловского говорит: все пройдет, но я не иссякну, потому что мысль — проточная вода...»

Личность Шкловского вдохновила немало писателей. Есть предположения, что он явился прототипом Остапа Бендера, подсказал типаж, который появляется у Ильи Эренбурга в романе «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», у Юрия Олеши — в «Зависти», а у Исаака Бабеля — в «Одесских рассказах». Ну и, понятное дело, каверинский «Скандалист» плюс демонический Шполянский в романе Михаила Булгакова «Белая гвардия». Причем саботаж, устроенный Шполянским в отношении гетманских броневиков перед временным захватом Киева Петлюрой в декабре 18-го, в точности повторяет рассказанную Шкловским ЕГО реальную историю в автобиографической книге «Сентиментальное путешествие» (отсылка названия — к любимому им роману Стерна).

Виктор Борисович Шкловский родился в январе 1893 года в Петербурге в семье преподавателя математики, впоследствии профессора Высших артиллерийских курсов Бориса Владимировича Шкловского, крещеного еврея, и его жены Варвары Карловны, урожденной Бундель, русско-немецкого происхождения.

Старший брат Виктора, Владимир, — тоже человек исключительно примечательный. Талантливый филолог, знавший 14 языков, преподаватель французского языка в Санкт-Петербургской духовной академии, он после революции входил в Совет православных братств Петрограда (существовал, оказывается, тогда и такой!), неоднократно

арестовывался и был расстрелян в 37-м. Не избежал той же печальной участи и младший брат Шкловского, Николай, правый эсер, расстрелянный в 1918 году. Их сестра, Женя, умерла в Петрограде годом позже.

На детской фотографии все четверо, ясноглазые и веселые, сняты по тогдашней моде в матросских костюмчиках, вместе с их затейливыми резными кроватками и ласковыми руками кормилиц, ставшими символом ушедшей эпохи. Виктор уцелел в ее смертоносном вихре, хотя и не раз играл с судьбой в «орлянку». В 32-м, когда Владимир отбывал очередной срок в лагере на строительстве Беломорканала, Виктор Борисович

приехал к нему, чтобы попытаться как-то облегчить его участь. Взамен чекисты потребовали от Шкловского хвалебный очерк о каторжной стройке. Причем один из сотрудников Дзержинского еще издевательски поинтересовался, как он, мол, себя здесь чувствует. «Как живая лиса в меховом магазине», — последовал ответ. Но требуемый очерк о «перековке» лагерников трудом был им все же написан...

Ему не раз приходилось отрекаться от идеалов и свершений своей юности. Однажды он написал внуку: *«Все погибли или умерли, и сложно жить, когда все, с кем ты спал в одной детской, исчезли».*

Юность Шкловского была бурной. В 1913 году он с серебряной медалью окончил частную гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где читали лекции прославленные академики Крачковский и Бодуэн де Куртенэ. На формирование оригинального лапидарного стиля Шкловского повлияли книги замечательного философа В. Розанова.

Начало литературной деятельности, будущего писателя и теоретика, которой он предавался еще гимназистом в журнале «Весна», прервала Первая мировая война. Виктор добровольцем пошел на фронт и проявил нешуточный героизм, овладев несколькими военными специально-

стями. В результате оказался офицером броневого дивизиона и стал с этой диковиной в ту пору техникой «на ты».

Приняв активное участие в Февральской революции, он был избран членом комитета петроградского броневого дивизиона и в качестве его представителя делегирован в городской Совет. А затем помощником комиссара Временного правительства Шкловского направили на Юго-Западный фронт, где в июле 17-го он лично возглавил атаку одного из полков.

Вот запись в приказе о награждении: *«Стоя в окопах, он под сильным орудийным и пулеметным огнем противника подбадривал полк. Когда настало время атаковать противника, он первым выпрыгнул из окопов и увлек за собой полк. Идя все время впереди полка, Шкловский прошел 4 ряда проволочных заграждений, 2 ряда окопов и переправился через реку под действительным ружейным, пулеметным и орудийным огнем, ведя все время за собой полк... Будучи ранен у последнего проволочного заграждения в живот навывлет и видя, что полк дрогнул и хочет отступить, он встал и отдал приказ окапываться».*

Георгиевский крест 4-й степени из рук самого Корнилова стал ему заслуженной наградой. Он и дальше оказался достоин ее и еще не раз проявлял спокойное мужество в боевой обстановке. Выйдя из госпита-

ля, получил назначение в Отдельный Кавказский кавалерийский корпус в Персии и организовывал там эвакуацию российских войск, с которыми в январе 18-го и вернулся уже в большевистский Петроград.

Ему бы затихнуть, успокоиться, получив «хлебное место» в Художественной комиссии Зимнего дворца, а он вместо этого активно участвовал в подготовке антибольшевистского заговора левых эсеров... После раскрытия заговора бежал в

написано в булгаковской «Белой гвардии» и в мемуарной «Повести о жизни» Константина Паустовского.

Суровое воинское дело, тревожное революционное время, вроде бы, не совместимы с филологическими занятиями. Но, вообразите, именно тогда Шкловский с группой единомышленников, в которую включился и О.Брик, муж будущей возлюбленной Маяковского, готовил пер-

С

уровое воинское дело, тревожное революционное время вроде бы не совместимы с филологическими занятиями. Но именно тогда Шкловский с группой единомышленников готовил первый и второй выпуски «Сборников по теории поэтического языка», куда вошли ставшие затем хрестоматийными работы самого Шкловского «О поэзии и заумном языке» и «Искусство как прием»

Саратов, жил там по поддельному паспорту, некоторое время скрывался в психиатрической лечебнице и продолжал при этом работать над теорией прозы!

Далее судьба занесет его в Киев. С автопанцирным дивизионом, куда его как специалиста с боевым опытом охотно приняли старшим офицером, неугомонный Виктор Борисович примкнет к отчаянной, но неудачной попытке верхушки русского офицерства в Киеве свергнуть марионеточного гетмана Скоропадского, о чем столь проникновенно

вый и второй выпуски «Сборников по теории поэтического языка», куда вошли ставшие затем хрестоматийные работы самого Шкловского «О поэзии и заумном языке» и «Искусство как прием». Тогда же он выступил зачинателем Общества по изучению поэтического языка (знаменитый ОПОЯЗ), объединившего теоретиков формальной школы.

«Время было очень голодным, время революции, — писал Шкловский в книге «О теории прозы». — Мы топили книгами печки, сидели перед "буржуйками". Читали книги

как бы в последний раз, отрывая страницы. Оторванными страницами топили печь. И писали книги. Свои». Среди этого нищенского голодного быта литература превращалась в единственную пищу, пусть и духовную.

В своей программной статье «Искусство как прием» (1917) Шкловский впервые ввел знаменитый термин «остранение», смысл которого в том, чтобы лишить человеческое восприятие привычного автоматизма, показать предмет изображения в новом, непривычном свете. В качестве примера автор приводит цитаты из Гоголя, Толстого, Гамсуна. Шкловский крутил и перетряхивал филологию, и из того, что он предлагал году в 20-м, выкристаллизовались впоследствии структурализм и семиотика, формальный метод изучения литературы. В Советском же Союзе одно только слово «формализм» надолго стало ругательным.

В Петроград Шкловский повторно вернулся в начале 19-го, переболел желтухой и подружился с Горьким. Художница В. Ходасевич в своей книге «Портреты словами» вспоминала, что Шкловский часто заходил в гости к Горькому на Каменноостровский проспект. Рассказывал о фронтовых испытаниях, о том, как однажды в руках у него разорвалась граната, потому что он в этот мо-

мент отвлекся, задумался. «Идешь и думаешь о своем, — говорил он. — Об ОПОЯЗЕ. Думаешь и становишься рассеянным».

Врачи извлекли из его тела только самые крупные осколки разорвавшейся гранаты, сказав, что остальные выйдут сами. И они выходили годами, бескровно, но болезненно. К счастью, столь же бескровно оканчивались его смертельно опасные похождения в годы Гражданской войны и первых послевоенных лет.

...С крупной суммой денег, которую он взялся доставить в Петроград по просьбе одной знакомой, Шкловский отбыл тогда, в 19-м, из Киева, почти добрался до Москвы, но был опознан агентом ЧК и, спасаясь от ареста, на ходу выпрыгнул с поезда. Затем все-таки достиг столицы и просил защиты у Горького. Тот ходатайствовал за него перед Яковом Свердловым, вторым человеком в партии. Свердлов выдал Шкловскому индульгенцию на бланке ВЦИК, прекращавшую его преследование.

Завязав с политической деятельностью, Виктор Борисович уже легально обосновался на берегах Невы и начал преподавать в студии Художественного перевода при петроградском издательстве «Всемирная литература», затеянном Горьким. Совсем маленького роста, с бритым наголо черепом и неизменной тростью в руке, прихрамывающей, но

быстрой походкой он по-прежнему бесстрашно стремился навстречу приключениям и оставался традиционным возмутителем спокойствия всюду, где появлялся.

Весной 1920-го он неожиданно по какому-то мелкому поводу стрелялся на дуэли (!) и отбыл на юг искать жену, художницу Василису Корди, которая в его отсутствие уехала из Петрограда на Украину, спасаясь от голода. Ну а там, на этом «полигоне Гражданской войны», Шкловский вступил в ряды Красной армии и участвовал в боях при Александровске, Херсоне и Каховке.

После возвращения в Питер он был избран профессором Российского института истории искусств, печатался в журналах «Петербург», «Дом искусств», «Книжный угол», опубликовал мемуарную книгу «Революция и фронт», помогал созданию литературной группы «Серрапионовы братья» и вошел в правление Петроградского отделения Всероссийского союза писателей.

*Виктор Шкловский.
Акварель Ю. Анненкова. 1919 г.*

Увы, вся эта плодотворная и многообразная литературная и общественная деятельность не защитила его от новых гонений. Весной 1922 года начались аресты бывших эсеров, и Шкловский, не дожидаясь ареста, бежал в Финляндию. Василису же взяли в качестве заложницы и держали некоторое время в заключении.

Более года Виктор Борисович жил в Берлине, все такой же деятельный и неумный. Организовал научно-литературный журнал «Беседа», ставивший целью информировать советских читателей о «состоянии литературы и науки в Европе и Америке». Издал свое «Сентиментальное путешествие» и безответно вклю-

бился в очаровательную Эльзу Триоле, сестру Лили Брик и будущую жену Луи Арагона.

Частично реальная, частично выдуманная переписка с ней составила основу содержания книги Виктора Шкловского «Зоо, или Письма не о любви». Однако эта книга не только о любви к женщине, она еще о любви к России. Оказавшись в Берлине, Шкловский встал перед выбором: родина и несвобода или свобода и эмиграция. Он выбрал первое.

пыль карбида, берлинская тоска, — писал он в этой книге. — ... Я поднимаю руки и сдаюсь. Впустите в Россию меня и весь мой нехитрый багаж шесть рубашек (три у меня, три в стирке), желтые сапоги, по ошибке начищенные черной ваксой, и старые брюки, на которых я тщетно пытался нагладить складку».

В сентябре 1923 года Виктор Борисович приехал в Москву и первые месяцы жил в подмосковной усадь-

Ж

изнь Виктора Борисовича складывалась нелегко. В 37-м был расстрелян его брат, отбывавший срок в лагере при строительстве Беломорканала, в марте 45-го погиб на фронте его сын Никита. Постепенно уходили люди из его близкого окружения, менялось время, он не поспевал за ним, не находил в нем себя, неотвратимо соскальзывая в прошлое. Проявлением этого в творчестве стали его исторические повести «Матвей Комаров, житель города Москвы» и «Минин и Пожарский»

Горький, прочитавший полувымышленные письма Эльзы Триоле в книге, посоветовал ей стать писательницей, и она с успехом последовала совету мэтра. Ну а автор нашумевшего произведения с конца 1922 года начал ходатайствовать все через того же Горького о возвращении в РСФСР.

«Я не могу жить в Берлине. Всем бытом, всеми навыками я связан с сегодняшней Россией. Горька, как

бе Покровское-Стрешнево. Пребывание там отразилось в его книге «Третья фабрика», которую он впоследствии сам называл текстом для себя непонятным. «Я хотел в ней капитулировать перед временем, — признавался писатель, — причем капитулировать, переведя свои войска на другую сторону. Признать современность».

Началась новая жизнь, жизнь официально признанного советско-

го писателя. Его дальнейшая судьба довольно типична для талантливого литератора в СССР эпохи сталинизма. Те, кто не был тогда уничтожен физически, вот так же поднимали руки и сдавались.

Шкловский предпочел гибели активное, пусть и частично зажатое цензурными рамками, творчество, стараясь по мере сил сохранять в нем честность. В 1928 году он опубликовал написанный в 24-м сборник статей «Гамбургский счет», благодаря которому выражение «по гамбургскому счету» сделалось общепринятым.

В Москве Виктор Борисович близко сошелся с Маяковским и его другом-футуристом А. Крученых. Сохранилась фотография, на которой Шкловский и Маяковский сидят спиной к спине летом на пляже в забавных купальных костюмах того времени. Комната великого поэта в Гендриковском переулке и его главное пристанище в квартире у Бриков на Лубянском проезде были для Шкловского вторым домом.

Он становится одним из лидеров созданной Маяковским группы ЛЕФ («Левый фронт искусств»), подвергаясь вместе с ним нападкам рапповцев (членов Российской Ассоциации пролетарских писателей). Со свойственным ему темпераментом Шкловский включился в литературную полемику двадцатых годов, которая сопровождалась публичными

дискуссиями в переполненных залах Политехнического музея и Дворца искусств на Поварской. Живейший интерес Шкловского вызывал также новый советский кинематограф, и он выступал соавтором сценариев ряда известных фильмов того времени. Приверженности к кинодраматургии он не изменил и в поздние годы жизни. Мальчишкой я запомнил, как очень пожилой, но на редкость бодрый Виктор Борисович у нас в квартире работал с моим отцом над сценарием художественного фильма «Баллада о Беринге и его друзьях», который вышел на экраны в 1970 году и был тепло встречен публикой.

Расплатой за упрочившееся положение в писательском сообществе Страны Советов стал отказ от авангардных идей формализма в художественной литературе и покаянная статья «Памятник научной ошибке». Из теоретика, прокладывавшего новые пути в отечественном литературоведении, Шкловский вынужден был превратиться в критика текущей прозы с социально-исторических позиций. Отводил он душу в мемуаристике, тем более уж ему-то было что вспомнить. Яркими московскими впечатлениями автора наполнены его книги «О Маяковском», «Встречи», «Жили-были» и другие, дающие объемное представление о жизни творческой интеллигенции столицы в 20-е годы.

Жизнь самого Виктора Борисовича между тем складывалась нелегко. В 37-м был расстрелян брат, пытаться спасти которого он ездил в лагерь на строительстве Беломорканала и, наступив на горло собственной песне, воспел страшную гулаговскую стройку на страницах коллективно-го писательского сборника. В марте 45-го погиб на фронте сын Шкловского, Никита. Уходили постепенно люди из его близкого окружения, менялось время; он не поспевал за ним, не находил в нем себя, неотвратимо соскальзывая в прошлое. Проявлением этого в творчестве еще раньше оказались любопытные исторические повести Шкловского «Матвей Комаров, житель города Москвы» (1929) и «Минин и Пожарский» (1939). Вот как начинается эта повесть:

«...Смоленск не сдавался. Крепкие его стены выдерживали огонь польских орудий. Наконец рижские пушки расшатали стены города. Польские войска пошли в атаку. Но русские били поляков во фланг из уцелевших башен крепости. Атака была отбита. В пороховом дыму стояла крепость, а в лагере поляков московское посольство вело переговоры с королем».

В 1956 году Виктор Борисович расстался с первой женой и женился вторично на Серафиме Густавовне Суок, которая до этого была гражданской женой Юрия Олеси и

послужила в его знаменитой сказке «Три толстяка» прототипом маленькой героини, носящей, как мы помним, то же волшебное имя (Олеша затем женился на ее сестре Ольге). До встречи с Олешей Серафима успела побывать женой известного дореволюционного писателя, литературного критика и поэта-акмеиста В. Нарбута. А уйдя от него, вышла замуж за не менее известного писателя, историка литературы, текстолога и коллекционера Н. Харджиева. Со Шкловским она сблизилась во время эвакуации в Алма-Ате и весьма нелюбезно выведена в книге воспоминаний Валентина Катаева «Алмазный мой венец» под двусмысленным псевдонимом «дружок».

Можно ли приписать влиянию Серафимы состоявшийся через два года после женитьбы на ней его весьма неблагоприятный поступок, судить трудно. Так или иначе, но из песни, как говорится, слов не выкинешь. В разгар травли Пастернака осенью 1958 года за переданный им на Запад и впервые опубликованный там роман «Доктор Живаго» Виктор Борисович, отдохавший в Крыму, по собственной инициативе явился в редакцию «Курортной газеты» со статьей о том, что *«отрыв от писательского коллектива, от советского народа привел Пастернака в лагерь оголтелой империалистической реакции, на подачки которой он польстился».*

Шкловский постоянно находился в плену различных ограничений, работая в кино и на телевидении. Масштаб написанного им велик. «Я хочу изменяться, потому что не устал расти, — писал он в замечательном двухтомнике «Повести о прозе». — ...Зимы легли на зимы, как страницы на страницы в уже прочитанной, закрываемой книге... Для пишущих и мыслящих и для идущих нет отре-

Розанова, Шкловский разработал оригинальный эссеистический стиль письма — «отрывистые короткие фразы, связанные неявными ассоциациями, фрагментарность и экспрессивность, ирония и полемический пафос».

Он был удостоен трех орденов Трудового Красного Знамени, ордена Дружбы народов, Государственной премии. И все равно второй по-

Весной 1922 года начались аресты бывших эсеров, и Шкловский, не дожидаясь ареста, бежал в Финляндию, а оттуда позже отправился в Берлин. Более года Виктор Борисович жил в берлине, все такой же деятельный и неуемный, но при этом очень скучал по России и, не выдержав, начал хлопотать через Горького о возвращении в РСФСР, куда и вернулся в 1923 году. Он писал: «Горька, как пыль карбида, берлинская тоска... Я поднимаю руки и сдаюсь. Впустите в Россию меня и весь мой нехитрый багаж...»

чения, но они отрицают то место, откуда ушли».

В 60-е и 70-е годы на Западе к работам Шкловского возник устойчивый интерес. А он в тот период разрабатывал теорию кинематографа, писал парадоксальные книги, посвященные Эйзенштейну и Льву Толстому, выступал увлекательным рассказчиком в многосерийных телепередачах. Об идеях формальной школы, которые произвели революцию в науке, он старался не думать...

Творчески переосмысливая художественное наследие Стерна и

ловине его жизни присущ глубоко трагический подтекст. Как, впрочем, многим другим талантливым отечественным деятелям литературы и искусства той эпохи.

Виктор Борисович умер в Москве в 1984-м на 92-м году жизни и похоронен на Кунцевском кладбище. Вместо памятника на могиле его поместили продолговатый каменный валун с высеченными датами жизни. Собственно, таким вот весомым «каменным валуном» остался в литературе и в науке о ней и сам Шкловский. □

Август 1973 года... По вечерам Москва буквально замирала: улицы были практически пусты, так как все спешили домой к телевизионным экранам, чтобы посмотреть очередную серию телефильма «Семнадцать мгновений весны» режиссера Татьяны Лиозновой, снятого по одноименному роману тогда уже известного писателя Юлиана Семенова.

Юлиан Семенович был не только прекрасным прозаиком, но и сценаристом, публицистом, поэтом и педагогом. Именно благодаря ему детектив (особенно политический) из «легкого чтива» превратился в серьезный литературный жанр. Одно из высказываний Семенова можно считать его кредо как личности и гражданина: «Я писал свои книги, чтобы люди поняли: в мире нет безысходности, всегда есть выход, только надо надеяться на свои силы и во всем уметь видеть красоту».

Наверное, нет в России человека, который, если даже не читал, то хотя бы по фильмам и телесериалам не знает таких романов и повестей, как «Бриллианты для диктатуры пролетариата», «Бомба для председателя», «Приказано выжить», «Петровка, 38», «Огарева, 6», «Противостояние», «ТАСС уполномочен заявить...» и другие.

Юлиан Семенов родился 8 октября 1931 года, и в этом году ему бы исполнилось 90 лет. К этой юбилейной дате мы решили опубликовать воспоминания Альберта Лиханова, с которым Юлиан Семенович тесно общался, об их знакомстве и встречах. А познакомились они в «Смене», где в начале 70-х Альберт Анатольевич работал ответственным секретарем, а Юлиан Семенов был постоянным автором журнала. Кстати, первая публикация «Майора Вихря» состоялась именно в «Смене», чем мы до сих пор очень гордимся.

Альберт Лиханов

Юлиан. Прикосновение

Юлиан Семенов сравним с организацией, предприятием, учреждением. С большим заводом, наконец, или крупным конструкторским бю-

ро — вот, пожалуй, самое точное сравнение. Один-единственный человек, и невероятное число им придуманных — и осуществленных —

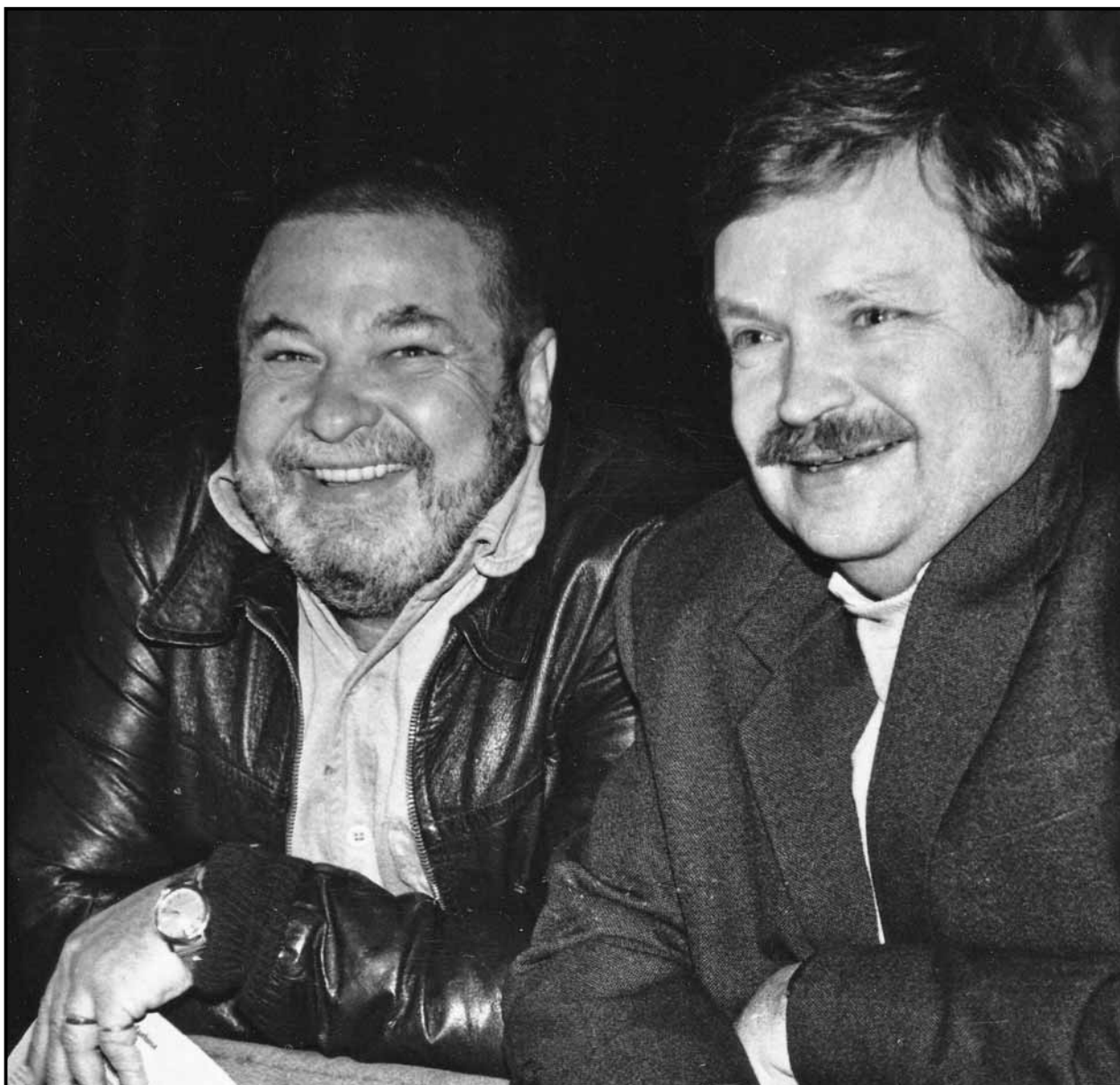

Фото из личного архива автора

Юлиан Семенов и Альберт Лиханов

дел, самых разных по своему замыслу и исполнению.

В фундаменте, конечно, литература. Но литература Семенова строилась на его невероятно разнообразных знаниях, которые напоминают корни могучего дерева. Тут и корень его востоковедения, может, один из самых выстрадавших, а потому, в ответ страданиям, основа-

тельных: ведь по пути к этому знанию было исключение из института — за отца! — которого он не бросил после его несправедливого ареста, а поддерживал и любил не только как верный сын, но и как человек, верующий в собственные понятия чести; тут и освоение редких умений, которым не перестаю поражаться, — освоение языка пушту

и даже его преподавание — неужели, думаю очень задним числом, он хотел тут и остаться — в радостях этого восточного яства?

Я помню, как еще студентом купил в книжном магазине одну из первых его книжек — про шахтеров, как они оказались в заваленной шахте, и как, по минутам, приходило к ним освобождение. Повесть небольшая, но в ней впервые в тогдашней литературе применялся репортажный хронометраж, придавая экспрессию и тексту, и авторской идее. С тех пор я и запомнил имя Юлиана.

Разумеется, жизнь его, человека, пробивающего себе дорогу, не могла не петлять. Однако его «Петровка, 38» стала не только популярным, одним из самых читабельных сочинений, но и, безусловно, взятой высотой. Начиная с нее, Юлиан не мог опускаться ниже и на самом достойном уровне захватил новые высоты — даже не литературы, но всеобщего интереса — когда читатель ждет всякой новой вещи, хватается за журналы, которые состязаются за каждую публикацию, а потом стоит в очередях, когда книжные магазины выбрасывают новый роман отдельной книгой.

Я не буду перечислять все произведения Юлиана Семенова, которые я и сам читал почти непрерывно хотя бы потому, что Исаев, будущий Штирлиц, уже появился в литературе и приближался к невероятным книжным тиражам, чтобы потом «от-

литься» в фильме Лиозновой с Вячеславом Тихоновым в главной роли и веером иных блистательных имен. Ведь целый сериал писательских романов с одним героем — особая ойкумена.

А теперь, пожалуй, стоит отвлечься на личное. Признаюсь без особого удивления: я не помню, когда познакомился с Юлианом. Легко сказать, что был — по моим сегодняшним ощущениям — знаком с ним всегда, — и признать это вовсе не грех, потому что таков Юлик. Он вел себя так, что, подойдя к группе людей на съезде в блистающем дворце или зайдя в редакционную комнату и пожимая руки, автоматически становился знакомым со всеми, и не требовалось никакой церемонии представления, не нужно было даже называть себя — он сразу становился знакомым, а, точнее, приятелем — для этого надо было всего лишь употребить пару фраз.

И все же я припоминаю, что мы познакомились с Юлианом в «Смене», журнале, любимом как авторами — за достойные гонорары, так и читателями — за частоту издания (два раза в месяц, что позволяло печатать остросюжетные сочинения с продолжением) и большой тираж (в ту пору — 1 млн 200 тысяч экземпляров). Юлик в «Смене» печатался немало, при разных редакторах. До той нашей (предполагаемой) встречи «Смена» гордилась первой публикацией «Майора Вихря», а название этой повести обладало нарицатель-

ными свойствами. Итак, редактором «Смены» в ту пору работал Владилен Иванович Самохин, в комсомоле, которому принадлежала «Смена», лидером был Сергей Павлович Павлов, а страной правил Никита Сергеевич Хрущев. И ничего особенного не произошло. Я, ответственный секретарь «Смены», зашел к Самохину, а там был Юлиан Семенов, мы пожали руки, и я сказал, что читал его повестушку о шахтерах. Он засмеялся, махнул рукой, и жизнь потекла дальше.

Юликино умение выдумывать свою жизнь не могло не удивлять. Через несколько дней после той встречи я увидел, кажется, в «Правде», его текст то ли из Австрии, то ли из Германии, где стояло ни к чему не обязывающее «специальный корреспондент», ибо им, не одну командировку в 10 дней, мог стать любой инициативный, конечно же, и хорошо, ясное дело, пишущий литератор, не обремененный постоянной службой. Но за границу выехать мог только человек, которому та же «Правда» безоговорочно доверяла.

Среди множества зарубежных вояжей Юлиана были настолько вольные по тем временам, что он мог брать в аренду автомобиль и катал без лишнего шума по разновеликим странам Европы, проходя там за своего, тем более что свободно владел, по крайней мере, немецким.

Некоторое время Юлиан работал даже собкором «Литературки» в Бонне, но я как-то запомнил его восторженные рассказы о том, что

он нашел, наконец-таки, «янтарную комнату», и теперь дело лишь за малыми деталями. Увы, эти детали не обнаружились...

Ну а вообще, чаще всего дороги пересекались не в «Смене», а в ЦДЛ, но не в ресторане, а на разнообразных тусовках по литературным делам, которых в советские времена там было хоть отбавляй.

В 1973-м я тяжело заболел, а в феврале следующего, 1974-го, меня положили в 1-ю Градскую больницу на операцию. Чувствовал я себя дурно, уже потом выяснилось, что у меня внутреннее кровотечение, а это всегда слабость и дикая усталость. Перед госпитализацией я по какому-то неотложному делу зашел в ЦДЛ и в нижнем фойе столкнулся с Юлианом.

— О! — воскликнул он. — Ты как спелое яблочко, хорошо выглядишь!

Я даже содрогнулся, но вежливо кивнул, мы о чем-то поболтали, разошлись, а я подошел к зеркалу и глянул на себя: щеки, действительно, розовые, но лицо-то желтое, наверное, обескровленное. Чуть ли не на другой день уехал в больницу, где перед операцией меня всячески обследовали и объявили моей Лиле, что у меня онкология.

Может, по этой причине я так долго, можно сказать, навсегда, запомнил эту мизансценку в ЦДЛ и фразу улыбающегося Юлиана, ничего, конечно, не знавшего. Как, впрочем, и сам я.

Господь меня спас, руками Виктора Сергеевича Савельева, «нового

Пирогова», как говаривали тогда. К тому же я оказался под его скальпелем первым после избрания его накануне академиком Академии медицинских наук. Было мне в ту пору 38 лет, и судьба распорядилась оставить меня. Я выкарабкался без последствий и почти 15 лет не знал о своем диагнозе, который моя жена «прятала» от меня, опасаясь, что я могу согнуться душой.

Удивительное дело, 18 лет спустя, в 1992 году, я рассказал эту историю Юлиану, стараясь его ободрить, да еще в присутствии его мамы Галины Николаевны, жены Екатерины и дочери Ольги.

Было это в Красной Пахре, у него на даче, после того, как он перенес инсульт 1990 года, и после него — спустя два года. Меня пригласили повидаться с ним и пообедать после моих настойчивых просьб, потому что эти годы, эти 18 лет, вылились для нас обоих в огромные труды, у каждого — свои, и мы сблизились душевно, да и, в каком-то смысле, организационно, потому что ходили одними дорогами и стремились к похожим целям.

Во время того обеда я столкнулся с непростой душевной задачей. Не считаю себя говоруном, но вот ведь беда — Юлиан молчал в силу своего состояния, не мог говорить, его родные не очень знали меня, и я понял, что разговаривать и произносить утешительные слова мне придется лишь одному, цепляясь буквально за каждый поворот общего настроения.

Юлиан не мог даже смеяться, хотя это было его любимое занятие, он лишь улыбался, и эта улыбка была для моих изощрений спасительной соломинкой.

Что ж, наверное, спустя столько лет настала пора признаться, что и тогда, и сегодня, я окаймляю нашу с Юлианом не дружбу, не соратничество — а нежность, что ли, взаимное понимание тех душеподъемных устремлений, в которые вкладывался каждый из нас. Правда, по-своему, но с похожей страстью, желанием победы, достижения истины — без всегда ожидаемого, но такого недосягаемого — умиротворения. Мы прекрасно понимали, что стремления наши незавершенны, что все, что грядет, нам не одолеть, — и сочувствовали друг другу в стремлении удачи.

Пожалуй, самое верное слово, которое можно назвать ключевым и которое сближало нас, было — сочувствие. Сочувствие к похожим трудам, сочувствие к неодолимости, сочувственное понимание этого и исходящая из всего сего нежность к трудам, делам, поражениям и победам друг друга.

Но отчего до сих пор ушедшие в небытие слова и чувства странным образом сопрягаются во мне — восклицание Юлиана в фойе ЦДЛ и мой пересказ того давнего моего испытания при нашей последней встрече, и совсем иного рода муки Юлиана после его трагедии?

Теперь знаю — я просто хотел утешить и его, и его близких, и ни-

чего иного, как собственное испытание, даже и в голову прийти не могло.

А Юлиан улыбался. Как будто знал что-то другое, мне пока недоступное. Может, улыбался, жалея меня, неблагоприятного утешителя?

Но что я не пытаюсь сделать с собственным сознанием — эти две сцены как бы окольцовывают то, что было с нами между этими вехами, а это — светлая память.

После моей операции я почти восемь месяцев жил в отпуске без содержания. Был под крылом стареющих родителей. Яростно писал, закончив «Мой генерал», который жив почти полвека и непрерывно переиздается — вот только что получил сигнальный экземпляр перевода на сингальский язык из Шри-Ланки, постарому, Цейлона, где, оказывается, по сей день любят советскую литературу и читают ее: дивиться можно!

А после возвращения в Москву меня назначили главным редактором «Смены», что Юлиан приветствовал бурно и сердечно — ведь он был классическим автором этого журнала. После болезни мне писалось, «Юность» печатала мои повести одна за другой. Летом 1977-го я закончил повесть «Солнечное затмение», Юлик прочитал ее с опозданием, а, прочитав, позвонил, оценил восторженно и напечатал рецензию в «Литературке».

Пользуясь случаем и понимая, что рецензию эту никто не перепечатает, я решаюсь включить ее пол-

ностью в это воспоминание о Юлике. Да и разве эта перепечатка не есть лучшее воспоминание?

ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

О чем же новая повесть Альберта Лиханова «Солнечное затмение»!

О горькой судьбе парализованной девочки! О том, как страшно жить под одной крышей с отцом-алкоголиком по кличке «Американец»!

Или это повесть о первой любви!

Или о том, как горестное ощущение безвозвратности времени приходит к человеку и подвигает его на борьбу с самим собою! Причем не столько за себя, сколько за сына своего Федьку, несчастного бедолагу — голубятника, маленького рыцаря прекрасной четырнадцатилетней дамы, прикованной к каталке — на всю жизнь!

Или же это горестный рассказ о том, как живут дети, лишенные возможности двигаться! «...Все у них было там по-своему, своя жизнь, где никто никому не кажется уродцем, а все равноправные люди... У них там была необычная жизнь, в которой колени и костыли, парализованные руки и ноги, уродство и красота не играют абсолютно никакой роли... и мера ценностей взвешивается на иных весах — на весах сердечности, любви и души...»

Прочитав «Солнечное затмение», я так и не смог ответить себе: о чем же она — эта чистая и добрая повесть! Мы подчас грешим излишней однолинейностью, которая всегда

жестока. Воистину, о чем сказка Сент-Экзюпери «Маленький принц»? Попробуйте ответить однозначно. Не получится ведь. Книги, которые живут долго, таят в себе множество планов, потому-то и выходят на читательское множество.

Сдается, что удача Лиханова заключена в абсолютнейшем отсутствии писательского спокойствия, разве что в первой главе он описателен, однако это прием, некая форма монтажа, который все более и более доказывает свою надобность в век 19, и кинематографа, ибо истинный монтаж — это стыковка разностей, которая вызывает чувство соприсутствия. Повесть напрочь лишена велеречивости, авторских подсказок; очевидная жестокость сюжета (именно так!) не есть самоцель, но средство вылепить характеры двух маленьких наших граждан трудной и горькой судьбы.

Я глубоко убежден, что новая повесть Альберта Лиханова будет прочитана и подростками, и взрослыми, его повесть — в самом высоком, не декларативном смысле — воспитательна.

Работа эта так и просится на экран, причем, убежден, на экран ТВ. Мне очень нужно увидеть это произведение в новом измерении; оно, однако, обязано быть столь же целостным и правдивым (без всяких успокоительных утеплений, которыми, увы, подчас грешит наш голубой экран), какой стала проза Лиханова.

Повесть «Солнечное затмение» — произведение светлое и доброе, оно

учит читателей вере в людскую солидарность, умению найти в человеке хорошее и, что самое главное, исследует взаимоотношения взрослых и подростков, которые порой бывают очень сложными.

Есть ли у меня претензии к повести? Есть, конечно же. Я бы, прежде всего, посоветовал Лиханову быть менее категоричным: он слишком зримо любит одних и чересчур явственно противостоит другим.

К прозе надо относиться по главному счету: вышло или нет! Перехватило у тебя, читавшего, горло, или ты был спокоен! Если мерить новую повесть Альберта Лиханова такого рода меркой, ответ очевиден — получилось. Очень правильно поступила «Юность», решив напечатать эту горькую и чистую повесть — она учит добру и милосердию.

Юлиан СЕМЕНОВ

Шли годы, грянула перестройка, и в 1987 году, 14 октября, родился Советский детский фонд имени В.И. Ленина. Судьба повернулась ко мне, меня позвал в Кремль Николай Иванович Рыжков — и слушал меня вместе со своей женой Людмилой Сергеевной аж три часа сорок минут. Много лет спустя признался мне, на мой об этом вопрос, что никого и никогда не слушал так долго. Но это стоило того: в страну возвращалась благотворительность, бывшая под запретом 70 лет, и возникал фонд, который немало принес доброго страждущему детству.

Ника Турбина, Юлиан Семенов, Альберт Лиханов

Перестройка, при всей ее конечной несуразности, расковала некоторые возможности, позволила приоткрыть некоторые запертые прежде двери.

Где-то, опять же, случайно, на каком-то перекрестке возле ЦДЛ, Юлиан сообщил мне, что учреждает газету «Совершенно секретно», а вместе с ней издательский дом и международную ассоциацию. Сказал, что установил себе зарплату в 1 рубль, чтобы злые языки пообсохли.

Детский фонд тогда тоже получил свою газету — еженедельник «Семья», который скоро достиг четырехмиллионного тиража. Но мы с Юлианом встретились еще до этих

тиражей, в прихожей перед залом, где проводились Секретариаты ЦК КПСС. Предмет, по которому нас призвали на высокое заседание, теперь выглядит и смешным, и непонятным: нашим изданиям утверждали розничную цену.

Вел секретариат Лигачев, и первого подняли меня вопросом, какой я вижу цену одного номера «Семьи». Расчеты у нас, конечно, имелись, и я ответил, что речь идет о газете для семьи, о воспитании детей, поэтому не стоит цену на газету задирать — достаточно 15 копеек. Обсуждения не было, со мной согласились, и я сел. А Юлиан как раз стал задирать цену, пояснял, что само название

«Совершенно секретно» стоит того, чтобы за секреты-то и заплатить чуть больше. Его тоже слышали.

Уходили мы из зала достаточно радостные, может, нам казалось, что и дальше нас будут спрашивать о самых даже небольших проблемах. Увы, увы...

Но некоторая эйфория продолжилась. В 1989 году меня избрали народным депутатом и членом Верховного Совета СССР. Фонд привлекал к себе внимание острыми темами и оперативным участием в разнообразных народных бедах — например, в армянском землетрясении, в железнодорожной катастрофе Уфа — Челябинск, в организации операций на открытом сердце в США...

Может, наивно полагаю до сих пор, что именно поэтому я был «приближен» к власти и дважды, при правлении Горбачева, отдыхал вместе с женой в санатории «Южный», построенном неподалеку от Фороса, где была крымская резиденция генсека. А относительно «приближенности» — или «благоклонности» — можно судить по «детали»: оба раза Горбачевы были на своей даче, а в «Южном» жила команда сопровождения — ближайшие руководители и помощники. Один раз мы лежали на пляже рядом с Бирюковой, зампредом председателя Совета Министров СССР по социалке, не один раз и подолгу беседовали с Шахназаровым, помощником генерального, дружески общались с Николаем

Кручиной, управляющим делами ЦК партии, с которым позже рассчитаются до сих пор неведомые враги, выбросив ночью с балкона его квартиры. Или он сам выбросился? С Борей Пуго, — в скором будущем министром внутренних дел, примкнувшим к ГКЧП и покончившим и с собой, и с женой, когда команда приехала брать его за мнимое предательство, — мы играли в боулинг, купались в теплом бассейне, потягивали пивко — и все вместе собирались на обед в комфортной столовой.

Въезд в «Южный» был, конечно, ограничен, но Юлик приехал к нам, минуя все преграды, и предложил мне принять участие в персональном концерте Ники Турбиной, маленькой девочки, сочинявшей гениальные стихи. Я согласился, и мы с Лилей были на этом концерте, и оба, вместе с Юликом, восхищались юным дарованием — сохранились наши общие фотоснимки.

И в первый, и во второй приезд в «Южный» мы общались с бабушкой Ники — очень настойчивой и энергичной женщиной, никакой ни старушкой, и я был, ясное дело, открыт для дружбы и помощи. Ведь кроме божьего дара, как казалось тогда, несомненного, девочку эту открыл Юлиан Семенов, а его рекомендация больше того, яростный напор в пользу Ники, сомнений в пользе не вызывал.

Отвлекусь: вскоре мама Ники вышла замуж и переехала в Москву, Нике Турбиной мы назначили еже-

месячную стипендию с названием «Мы верим в тебя» и выплачивали до ее совершеннолетия. А еще издали ее книгу — в твердом переплете и десятитысячном тиражом, что даже в те времена для поэзии было открытым признанием. Фонд устроил презентацию книги Ники в своем историческом здании — родительской усадьбе Федора Ивановича Тютчева... И за всем этим стоял, хотя и не присутствовал, Юлик — первооткрыватель юного дарования.

Не стану рассказывать о продолжении наших отношений с Никой, которую, по моему разумению, сломала чрезмерная слава, павшая на ее некрепкое чело. Как-то, отодвинув приоритет Семенова, на первую роль в ее судьбе вышел Евгений Евтушенко, добился для нее итальянского «Золотого льва», который, как оказалось со временем, был слеплен из гипса, но красиво раскрашен. Замужество мамы и пребывание в Москве сделало Нику вздорной, чрезмерно привередливой ко всему, что для нее делали. Вышла замуж за иностранного старика и сбежала от него. Словом, девочка, не отказывавшая себе ни в чем, увлеклась вольной самостоятельностью, сомнительными нравами, и у нее перестали получаться стихи. Упала из окна и погибла. Одна немаловажная подробность: ее тело несколько дней лежало в морге невостребованным, потому что не на что было ее хоронить. Раздался звонок нам. Мы немедленно дали день-

ги на эту печальную необходимость. Ее кремировали, а прах разместили в колумбарии... кладбища. По моей просьбе рядом с прахом положили ее главную книжку, изданную Детским фондом.

Следует оговориться: Юлиан, Евтушенко, Алена Галич, которая очень много сделала для Ники, устроив ее учиться в институт культуры, на роль в одном из фильмов и вообще принявшая на себя опеку о девочке, уже девушке, женщине, вынужденно отошли от жизни Ники Турбиной. При всем уважении к таланту, этот талант может и должен построить свое бытие сам. Как ни помогай, чужую жизнь за владельца этой жизни не проживешь.

Конечно же, мы с Юлианом не раз возвращались к судьбе Ники Турбиной, вспоминали других вундеркиндов в самых разных сферах жизни и пришли к такому согласию: если ранний расцвет личности носит бурный, в чем-то генетический, наследственный характер, то дар проявляется громко и ярко, но быстро выдыхается. И человек исчезает. Способности же в других областях, например, в точных дисциплинах, со временем выравниваются с другими, поначалу не яркими талантами, и если те, сперва отстающие, упорны в своих трудах, то они догоняют тех, кто их обгонял, и даже перегоняют их. Происходит как бы выравнивание талантов.

Впрочем, это лишь одна из строчек жизни Юлиана Семенова. Глав-

ным всегда оставался текст, проза, книга, часто переходящая в кинематограф. Я помню, как яростно «пахал» Юлиан сценарий «Семнадцать мгновений весны». И как здорово все удалось благодаря волевой, убежденной Татьяне Лиозновой, режиссеру этого фильма. Ну а как прогремел Тихонов — Штирлиц, живой и непобежденный герой великой державы, до сих пор приковывающий миллионы сердец во время повторов фильма, и говорить не надо — это очевидное всем признание. И признательность.

Но вот тут-то и зарыта неприятная неожиданность. Уже спустя долгое время после премьеры генсек Леонид Ильич Брежнев посмотрел Штирлица у себя на даче. Пришел в восторг от Тихонова, которым действительно нельзя не восхититься, и тут же подписал указ о присвоении ему Героя социалистического труда. Чем-то, но помельче, наградили Лиознову и еще несколько участников фильма. Но в списке не оказалось «родителя» — и романа, и сценария! Семенова!

В любые времена искать истины в таких вот дворцовых подвохах — бессмысленно. С указами не спорят, а лишь безмолвно тоскуют. Я позвонил Юлиану, мы обменялись парой дерзких фраз — но мне-то можно лишь сочувствовать, а каково ему?

Я долго-долго ждал исправления ошибки, но так и не дождался. Правда, Юлику дали Государственную премию РСФСР в области кинема-

тографии имени братьев Васильевых. Она стала как бы компенсацией. Но именно, что — как бы...

Вообще, несправедливость власти к настоящим дарованиям не могла, не может не удивлять. Ведь речь-то идет о поощрении, во-первых, истинного дара, а, во-вторых, дара, признанного народом. Что же, почтенные властители, вы не торопитесь воздать должное не кому-нибудь, а творцу, укрепляющему правду и нужность этой правды всем?

Старшие ныне поколения, к которым отношу и себя, превосходно помнят, как прогремел по стране фильм «Председатель» с Михаилом Ульяновым во главе, и он получил за эту роль Ленинскую премию. А вот Юрию Нагибину, истинному классику русской литературы и автору блистательного сценария, показали шиш с маслом. Где тут мера истины? Про справедливость и толковать не стоит. Таких примеров в нашей, так сказать, культуре более чем достаточно. Конечно, и Юлиан Семенов, и Юрий Нагибин — были крепкие мужики. Но глупо думать, что они плюнули на эти удары, да и растерли. Такое не проходит бесследно. И меняет людей. Далее — вопросы психологии...

Опять я отвлекся от прямых воспоминаний. Ведь и концерт Ники Турбиной, и рассуждение о несправедливости к создателю Штирлица — лишь события крупного, конечно, масштаба. А между ними лежало

еще что-то. Для меня с моей женой Лилей это были визиты в Мухалатку, крымское селение, где окопался Юлиан. Несколько раз за два-три года наших отпусков в «Южном» он приезжал за нами, и мы отправлялись в его домик, прилепившийся к желтоватым скалам крымских гор. Всегда принимал нас со своей мамой Галиной Николаевной, и это были за-кадычные посиделки, где все пере-мешивалось — наши взгляды, наши жизни, суждения, споры, касающиеся, разумеется, той эпохи, в которой мы оказывались.

Сильное впечатление произвели на меня скалы, к которым мы вышли по лесенкам, ведущим из домика. Юлиан рассказывал, что иногда тут охотится, но мне просто хотелось любоваться этим диким миром без украшений, молчаливым могуществом, нависавшим над нами.

А еще я был поражен кабинетом Юлика. Прямо перед главной стеной, мне кажется, глухой, без окон, стоял старый компьютер, а на полу под столом лежала огромная картонная коробка. Длинная бумажная лента с перфорациями по бокам тянулась из компьютера, неразделенные листки складывались, будучи заполненными, один на другой, и в коробке оказывалась рукопись! Почти книга. Выходило, Юлик настукивал в коробку целый роман! Далее ее можно было запечатывать и отправлять! Кому? Не важно! Редактору, издателю, самому себе на обычный стол, чтобы править и менять текст обычной

ручкой — но рукопись лежала в коробке! И это меня поразило! Я относился — да и до сих пор отношусь — к писателям пера и ручки, хотя и компьютером, вроде, владею малость.

И здесь я хочу поклониться дочерям Юлиана — Оле и Даше. Они не дают забыть людям о своем отце. В Мухалатке закончили новый дом, задуманный еще Юлианом, а в старом устроили чудесный музей, во мне всегда вызывающий внутреннюю дрожь. Кажется, вот сейчас Юлик выйдет из своего кабинета, сойдет по лесенке вниз от подножий крымских гор... Есть там и моя фотография, где мы с Юликом и Никой Турбиной на ее многообещающем персональном вечере. Все было, все, кажется, ушло.

Уйдем все мы — таковы правила бытия. Но что останется?

У Юлиана Семенова — огромное наследство — это и книги, и фильмы, и дочери, и сын Оли по имени Юлиан, потрясающий пианист, готовый, как мне кажется, к большим концертам. Он уже солировал однажды для благотворительного концерта Детского фонда — без милости, мне кажется, не может существовать истинный художник.

Словом, продолжение следует...

А Юлик стоит, как и его прекрасный памятник в Ялте, состоявшимся, законченным, признанным фактом не ушедшей, а существующей и грядущей русской культуры. □

Дырка от гвоздя

Провалившись в космос компьютерной игры, мозг вершил великие подвиги. В абсолютной черноте трассировали пули. Сверкали молниями мечи. Алик становился потихоньку супер-героем. И сердце наполнялось гордостью и могуществом. Но что-то мешало. Сначала назойливо мягко. Потом все настойчивее. И, наконец, оглушило внезапным визгом циркулярной пилы.

— Разобью твой ящик, балбесина! — орала мать так противно-звонко, что до Алика дошло, наконец, что она гоняла эту фразу уже раз пятьдесят: — Жрать иди!

Он оторвался от компьютера невероятно обозленный:

— Че орать-то? Не видишь, я играю!

Мать тем временем уже резко продвигалась к окну, цепляясь о падающие на пути предметы — книги, рюкзак, тапки... Отдернула шторы. Солнечный свет заполонил пространство, также по-матерински назойливо обозначив все, что было некстати — вездесущую пыль и бардак «берлоги» геймера. Алик зажмурился, пытаясь закрыть спиной компьютер, чтобы его не засветило. Мизинец правой руки, «уставший» от управления мышью, непривычно заныл.

— Вот приедет отец, расскажу, как ты над матерью изгаляешься! Ни гвоздинки за полгода не прибил! Ни ведра не вынес! Живешь, как трутень! Радости никакой!

Алик дернулся. Стремительно выскочил в коридор. Демонстративно распахнул дверцы встроенного шкафа, где у отца хранились инструменты, выхватил молоток, десяток гвоздей и начал безжалостно забивать их в дверной косяк.

— Ты что? Сдурел совсем? — Мать пыталась отнять молоток и гвозди, но у нее это плохо получалось. — Ах ты, негодник! Ах ты, разбойник! Отдай гвоздь, сказала!

— На тебе твои гвозди! — швырнул Алик на пол гвозди и молоток подалее от себя, чтобы выиграть пару секунд. И пока мать подбирала то и другое, вытащил из-под раковины ведро.

— Куда? Куда ты его потащил, паразит?

Алик, не обращая внимания на визги родительницы, открыл окно и выбросил содержимое ведра на головы прохожих.

— Иди сейчас же подбирай! — все еще хорохорилась мать. Но ее нижняя губа начала подрагивать от обиды и беспомощности.

На плите подпрыгнула крышка над забытым борщом. Вспыхнули огнем обуглившиеся мгновенно специи.

— Ах, ты сволочь! — обругала мать в сердцах кастрюлю, сдвинула рукой дрожащую от пара крышку. Обожглась.

Алику стало больно за мать. За ее ожог, за то, что так ее разозлил. Но и уступать не хотелось. Поэтому он, набычившись, замер, большой и нелепый, посередине вязаного круга половичка.

— Руки мой. Садись за стол. На второе — курица в панском соусе. — Мать, сдерживая слезы, которым никогда не давала пролиться до конца, продолжала укрощать сына короткими командами.

И Алик пошел мыть руки.

Намыливая лицо и чистя зубы, он утешал себя тем, что это все-таки мать. Вот если бы из-за Пашки «жизнь» потерял, или там, Ленка даром его бонусы спустила, он бы им показал... Подумать только, на третьем этапе так обложаться!

Мать была довольна, что ее «разбойник» сдался, и подзуживала из кухни, наливая в тарелки первое:

— Вот отец приедет, все ему расскажу! Выдумал тоже! Ведра в окна опрокидывать!

— А не надо было меня от гейма отрывать! — отозвался Алик. Он знал, что отец ушел в другую семью и возвращаться не собирается, но больно матери делать не хотелось.

— Как же тебя не отрывать? Ты же с голодудохнешь за своим компотом! Зеленый вон весь. Садись. Ешь, наконец!

— А компот?

— На тебе компот! — Мать присела рядом и уже помягче сказала: — Это же не ты в игрушку играешь! Это же она играет в тебя! Как же ты этого понять не можешь, балбесина! Люди не спят, не жрут, только и думают,

как тебя из нормальной жизни вырвать и в компьютерный мир завлечь. Они на тебе тупо деньги зарабатывают. А ты им потворствуешь!

— А когда, — огрызнулся Алик, набив рот хлебом и заглатывая с аппетитом первую ложку любимого кушанья, — ты сама меня просила тебе программу поставить? Забыла? Тогда балбесиной не обзывалась!

— Это другое, — строго возразила мать, — совсем другое. Ты полезное делал.

— Кому я помешал? У меня каникулы. Год я закончил тебе без троек.

— Это ты себе закончил без троек. Ты для себя учишься, а не для меня.

— Мне это не надо.

— А что тебе надо?

Алик замолчал. Он и сам не знал ответа на вопрос. И мать замолчала. Ведь сын вырос. И методы, которыми она воспитывала его, пока отец Алика жил с ними, совершенно не подходили для воспитания теперь, когда его больше рядом нет.

— Погляди, сынок. Вот окно. Вот дверь. Мы же не пускаем чужих людей. А вдруг они окажутся враждебными? Почему же ты так легко заходишь в Интернет? Ты сам распахиваешь окно нашего дома для самого отвратительного и ужасного — для компьютерных игр!

— Мать, ну ты даешь! — захохотал Алик. — Прямо детский сад! Игры — самое ужасно на свете... хорошо, ребята не слышат.

— Я серьезно, сынок. Самое ужасное на свете — ненависть к тем людям, которые тебя любят. Вспомни, как ты на меня озлобленно рявкнул: «Я играю!» Как будто демон твоими устами говорил, а не мой сын!

— А два кусочка можно? — поднялся Алик вместе с тарелкой, чтобы сделать маме приятное.

Она вдруг улыбнулась, моментально помолодев, и, встав на цыпочки, достала с холодильника конверт с фотографиями.

— Да ешь все. Я тебе приготовила. Смотри! — гордо сказала она Алику. — Какая славная компания получилась.

Алик эти снимки знал наизусть, поэтому и бровью не шевельнул. На фото мать пристраивалась к разным звездам. А он «чистил» в фотошопе случайно оказавшихся в кадре других людей. Глядя на снимки, можно было решить, что его матушка важная персона, раз с нею рядом множество знаменитых лиц, часто мелькающих на телеэкране.

Алик немного стыдился ее работы массовика-затейника. Впрочем, мать называла себя «режиссером» и «диджеем», иногда «директором программ», «сшибала копейки», как она выражалась, на случайных заработках, проводя от случая к случаю мероприятия и концерты...

— У меня мобильник сдох, — вспомнил Алик о стодолларовой бумажке, которую мать «заначила» под вазу на столе, — аккумулятор только два часа держит. Надо новый покупать.

— Денег нет! — отрубилась она.

После обеда Алик оделся по-спортивному. Накинул рюкзак и крикнул с порога, чтобы мать не помешала его планам:

— Ма! Я с ночевой к Пашке. Шашлыки жарить будем!

— Хорошо! — отозвалась она.

Но Алик и не собирался к Пашке. В Интернете он увидел объявление, что для ремонта «жигуленка» требуются некоторые детали. А ведь он видел вчера такого брошенного «жигуля» на Ленинском проспекте, в переулке среди пятиэтажек, когда мотался к Ленке. — «Вопрос — фигня! — решил Алик. — Залезу в машину, сниму детали и продам. Все равно он давно брошенный и никому не нужен. А я куплю новую мобилу».

До точки добрался без проблем. Еще пару часов болтался вокруг, пока народ не рассосался по домам, и Москву не залила чернота ночи. Умолкли дорожные звуки. Пора.

Алик, осторожно оглядываясь, приблизился к «жигулю». Вскрыл дверь ножом-«бабочкой», который отец пару лет назад привез с гастролей, кажется, из Китая, и быстро забрался внутрь. Но тут из-за угла ослепительнее солнца загорелись вдруг фары полицейской машины.

— Стоять! — донеслось до Алика, и сердце его бухнуло куда-то вниз. Он и не подозревал, что машина являлась приманкой для таких, как он...

Тем временем Вера, методично разложив новые фотографии по файлам в портфолио, забралась в ванну и, наконец, расслабилась. Надо же, какой тяжелый день! Алик совсем от рук отбилась! Может, Ромке позвонить? Нет, не стоит. Еще подумает, паразит, что она алименты потребует. Или официального развода. Или что Вера снова ревнует его к молодой жене. Черт с ним! Надоело! Пусть делает, что хочет.

Вера опустила голову в воду. Уши погрузились в мир потусторонних загадочных звуков. Блаженство! Она представила себя русалкой на дне морском. «Завтра разморожу креветки и побалую сына темпурой. Да, именно темпурой. А после обеда можно будет разменять значку и купить ему новый мобильник...»

Сквозь водяную толщу послышались вдруг слабые гудки — звонил домашний телефон. Вера вынырнула, вылезла из ванны и через полуоткрытую дверь глянула на часы. Полпервого ночи. Какой идиот звонит?

— Вера Иванова? — раздалось в трубке.

— Да.

— Сержант полиции Антон Степнов, — представился вызывающе незнакомец. — Мы задержали преступника. Паспорта у него нет. Но он утверждает, что ваш сын.

— Что случилось?!

— Он был задержан при попытке угона и ограбления автомобиля. Сейчас он вам сам все расскажет.

— Мама! — всхлипнул в трубку Алик. — Мама, приезжай, пожалуйста, мама! Мы здесь, мы в машине, в полицейской. Тебя ждем. Мы на Ленинском проспекте.

— А как же шашлыки?

— Я прошу тебя, мама, приезжай!

Трубку снова взял сержант:

— При вашем сыне обнаружен нож. Дело очень серьезное. Он задержан при попытке к бегству...

— О Господи! Сейчас буду!

Вера, как ошпаренная, забегала по комнате. По волосам стекала вода. На мокрое тело она натянула джинсы. Но, вспомнив, что денег нет даже на такси, вернулась к телефону и набрала знакомый номер:

— Рома! Мне нужна машина! Срочно приезжай! У нас серьезные проблемы!

— Слушай! — процедил сквозь зубы законный супруг. — Я тебе не раз говорил. Все кончено! И больше не долбись на этот номер! Все, Вера! Все — это значит все и больше ничего. Поняла? — И короткие гудки оборвали разговор.

Но Вера снова набрала номер.

— Абонент отключен или временно недоступен, — ответила трубка.

Она заметалась по комнате. Ее компьютерного заморыша обозвали преступником. Бред какой-то! А если не бред?

Так. Соображай. Быстро. Если они не увезли Алика в «обезьянник», значит, что-то не так гладко, где-то есть у них прокол. Где? Хотят денег? Ну, конечно, хотят денег. Сто баксов — сумма ничтожная, но помочь может. Где на такси денег взять? Где? Где? Где?

Вера вытряхнула содержимое одной сумочки, и другой, и третьей. Мелкие бумажки и монеты не покрыли бы услуг такси в ночное время.

Стоп! Копилка!

Старая керамическая свинья была брошена на пол кухни незамедлительно.

Через пять минут Вера ловила попутку на шоссе, обрядившись в высоченные шпильки и закутавшись в ярко-розовый плащ.

— У меня проблемы, мужик. Вот, это все деньги. Сын попал в беду. Помоги! Если ты сам отец, помоги! Пожалуйста! — ошарашила она случайно остановившегося водителя серебряной «хонды».

В дороге Вера, глядя в боковое зеркало, уложила волосы в мокрую прическу, .закрепила лаком и надела шляпку. Подвела над глазами стрелки. Густо накарсила губы. Встрепенулась, точно тренируясь в незнакомой роли.

Еще полчаса. И за поворотом пустого ночного Ленинского проспекта она увидела брошенный «жигуль» и рядом с ним полицейскую машину.

Когда Вера уверенно вышла из машины, выглядела она настолько элегантно, что Алик даже не узнал ее.

— Добрый вечер, господа. Что случилось? — приветливо улыбнулась она полицейским.

— Добрый вечер, если он добрый, — взял под козырек сержант и вышел из машины. — Предъявите документы, пожалуйста.

— Пожалуйста, но думаю, что это лишнее. Вы разве не бывали на моих спектаклях? Я — Вера Иванова! А это мой артдиректор, — указала она на водителя «хонды».

— Мы его поймали с поличным... — начал, было, сержант.

— Он что-то украл?

— Нет. Он ничего не украл. Но он залез в чужой...

— Ох уж, эти мальчишки! — делано произнесла Вера, взбивая выбившийся из-под шляпы завиток. — Отец — полярный летчик. Сами понимаете, все по командировкам. Вот его фото... — Вера достала фото Романа в форме. Достала свидетельство о браке. — А вот, кстати, я с Шарлем Азнавуром. Помните, он приезжал в Москву? Мы вместе ставили «Шербургские зонтики»...

Вера так непосредственно показывала сержанту фотографии со звездами, как будто он был ее приятелем. Ее портфолио произвело впечатление.

Из машины вышел второй полицейский, водитель. В руках он держал нож-«бабочку».

— Кстати, этот нож муж привез из Чечни... — Выдумывая на ходу, она жеманно взяла в руки ножик. — Удобная вещица. Отдай мне его, сынок.

— Это артефакт, — еще сопротивлялся сержант.

Но «бабочка» уже была в сумочке Веры. И даже инквизиторскими клещами ее оттуда не позволила бы вытащить эта женщина.

— Да какой артефакт?! Мальчик из дома от компьютера не отходит. Отлично учится. Маме помогает. Гвозди заколачивает. Ведра исправно

выносит. Ну, залез в заброшенную, никому не нужную машину из любопытства. А вы? Вместо того чтобы настоящих преступников ловить, сцапали эту балбесину.

Разговор длился в таком ключе минут десять.

— Давайте, ребятки, разойдемся по-хорошему. У меня, к сожалению, с собой только одна контрамарка на мой спектакль в Театр киноактера. Я там играю мадам Шляпкину. И так и быть, оставлю вам свой автограф. А еще думаю, я смогу компенсировать вам покупку второго билета. — С этими словами Вера многозначительно вложила стодолларовую купюру в контрамарку и витиевато расписалась. — Пойдем, балбесина. Сейчас я тебе всыплю как следует! Давно ремень по тебе плачет! — открыла она дверь полицейской машины, вытащила за руку заплаканного Алика и, кокетливо помахав блюстителям порядка, повела его к «хонде».

Водитель, видя, что мать с сыном приближаются, заранее завел двигатель. И не успели все опомниться, как автомобиль уверенно вырулил на Ленинский проспект.

— Я тоже уважаю полярников, — сказал водитель, чтобы пугающая Алика тишина не превратилась в материнскую нахлобучку.

Вера ничего не ответила. Она моментально состарилась лет на двадцать. Стерла с лица грим. Сняла шляпку и шпильки. И стала такой, какой Алик привык ее видеть в последнее время.

— Спасибо, мужик, — сказала она, выходя босиком из машины. — Нет у меня денег, чтобы рассчитаться с тобой, но однажды Бог простит тебе за это твой самый большой грех...

Лифт почему-то не работал, и Вере с Аликом пришлось подниматься пешком. Потом она мучительно долго открывала двери.

Алик уже не плакал. Он нервно ждал, что мать или начнет его бить, или, оказавшись в квартире наедине, устроит расследование и выскажет ему все претензии за утренние гвозди, за мусорное ведро... Но при этом интуитивно понимал, что его миновало что-то страшное в виде колонии для малолетних преступников или тюрьмы.. Мать нашла в себе силы спасти его от черной беды. Она, та, которая запрещала лгать, сегодня лгала на его глазах самим блюстителям закона, действуя на грани фола!

— Мама, — произнес Алик дрожащим голосом, — я все объясню...

— Сынок, — устало перебила его Вера, — сядь. И слушай.

Она глубоко вздохнула, ища слова и, наверное, не находя их, так как не знала, о чем говорить с сыном. Ведь он вырос. В этой взрослой его стране, новой для обоих, Вера была новичком, но понимала, что она в ней не особенно-то нужна. Как, может быть, не нужна в мужской жизни своего мужа Романа.

— Я люблю тебя, сынок, — осторожно начала Вера, — может быть, не бог весть, какой подарок — моя любовь, но пойми. Ты — единственное, что у меня есть. Я не воспитатель. Я никогда не знала, как правильно воспитывать детей. У меня другая профессия. Вернее, у меня вообще нет никакой профессии. И никакой жизни. Единственно, чем я горжусь — что ты учишься лучше всех в классе. И рада, что быстро осваиваешь компьютер. Я постараюсь сделать так, чтобы ты обрел специальность. Ты красивее меня. Сильнее. И умнее. Прав ты или не прав — мне не интересно, потому что ты — мой сын. Если у меня будет один шанс из тысячи выволить тебя из беды — я всегда помогу тебе, даже если для этого придется нарушить какие-то устоявшиеся законы или правила. Я никогда не буду ругать тебя. Потому что ты уже большой. Знаешь? Я обманула тебя сегодня утром, когда грозила, что отец придет и разберется с тобой. Он не придет. Отец бросил меня. Да ты и сам знаешь. Это значит, что теперь ты — глава семьи. Поэтому я прошу тебя, сынок, прошу. Скажи себе то, что ты сказал бы своему сыну, если бы он оказался в такой ситуации. И сидел бы вот так перед тобой, как ты сидишь передо мною сейчас.

Она легонько поцеловала сына в щеку и удалилась в свою комнату.

Ошарашенный Алик долго сидел, глядя в одну точку. Потом обернулся в ту сторону, куда ушла мать. Заметил утренний гвоздь в косяке двери. Встал. С невероятным усилием вытащил его. Взвесил на ладони. Тяжелый. А дырка от гвоздя осталась. Алик закрыл ее ладонью. А на следующий день замазал мастикой и закрасил белой краской...

Прошло время. Теперь он — ведущий специалист-технолог по продаже и установке автодеталей. У него прекрасная семья и трое занятых ребятишек.

Но каждый раз, когда Алик делает что-то не то в жизни, он оборачивается на косяк двери, как будто дырка от гвоздя все еще там. □

«СОВЕСТЬ НАЦИИ»

родом из Петербурга

Мало кому из русских ученых удавалось прожить такую долгую и наполненную событиями — и весьма тяжелыми событиями — жизнь.

Мало кому удавалось ни разу не поступиться порядочностью и чувством долга.

И никого, кроме нашего сегодняшнего героя, не называли после смерти «совестью нации».

Дмитрий Сергеевич Лихачев родился в Санкт-Петербурге 27 ноября 1906 года в семье Сергея Михайловича Лихачева, главного инженера Печатного двора, и его супруги Веры. Семья не была богата, но могла себе позволить регулярно посещать Мариинский театр, куда с четырехлетнего возраста стали брать с собой и сына. Лето же семейство проводило в знаменитой Куоккале, которая своим духом твор-

чества напитала Дмитрия на всю оставшуюся жизнь.

В восьмилетнем возрасте его отдали в гимназию. Надо понимать, что это был 1914 год, и ученику пришлось впоследствии сменить несколько школ, так как система образования то и дело менялась. В 1915 году ребенка забрали из гимназии и перевели на домашнее обучение. Даже наняли репетитора — поль-

скую девушку-беженку. Обедала она в доме Лихачевых и за столом казалась особенно маленькой — из жалости к ней отец Дмитрия Сергеевича подпилит ножки стола, чтобы он стал ниже. Потом этот стол всегда приходилось ставить на стеклянные подножки от рояля, чтобы вернуть ему прежнюю высоту.

В 1923 году Дмитрий поступил в Петроградский университет, сразу определившись, чем планирует заниматься всю жизнь: он выбрал этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук, где параллельно учился в романо-германской и славяно-русской секциях.

Студенческая жизнь в те годы была бурной, и Дмитрий стал членом кружка «Космическая академия наук», участники которого делали доклады на научные темы и обсуждали их между собой. Каждый возглавлял какую-нибудь кафедру: изящной психологии, изящной химии, изящного богословия. Лихачеву же досталась меланхолическая филология. Но к 1928 году все изящество закончилось, и Дмитрий, как член кружка, был арестован и осужден на 5 лет «за контрреволюционную деятельность». Деятельность эта состояла, в частности, в том, что дома у Лихачевых была обнаружена книга Генри Форда «Международное еврейство», а также в том, что один из членов кружка послал другому шуточную телеграмму от имени «папы римского», что весьма заинтересовало людей в кожаных куртках.

Пока шло следствие, Дмитрий сидел сначала в камере на троих, затем в общей — «библиотечной». Так ее называли потому, что большей частью арестантами были интеллигенты, дворяне, духовенство. В камере было принято развлекать друг друга докладами на самые разнообразные темы. После следствия, которое длилось 9 месяцев, будущий ученый был отправлен на Соловки.

Дмитрий Сергеевич, поистине, был уникальной личностью, и, прежде всего, — ученым. Кто, как не ученый, такой страшный опыт, как лагерь, мог назвать «вторым и главным университетом» своей жизни? На Соловках ему приходилось работать и пильщиком дров на электростанции, и грузчиком в порту, и электромонтером на заводе, и рабочим в лисьем питомнике, и коровником в сельхозе, и в криминологической лаборатории, и организатором досуга трудных подростков. Последнее он ценил особенно: *«Из всей этой передряги я вышел с новым знанием жизни и с новым душевным состоянием. То добро, которое мне удалось сделать сотням подростков, сохранив им жизнь, да и многим другим людям, добро, полученное от самих солагерников, опыт всего виденного создали во мне какое-то очень глубоко залегающее во мне спокойствие и душевное здоровье»*. Значилась в его трудовой биографии также должность «вридла» — временно исполняющего должность лошади, то есть человека, которого запрягали в упряжку нагруженных саней.

Там же, в лагере, Лихачев опубли-

ковал свой первый научный труд: «Картежные игры уголовников». Ученый всегда найдет объект для исследования, где бы ни находился...

Удивительным образом он был освобожден из лагеря досрочно, в 1932 году. Еще более удивительно,

дидлись дочери-близняшки — Вера и Людмила. (К сожалению, в 1981 году Вера погибла в автокатастрофе.)

Войну семье пришлось частично пережить в блокадном Ленинграде, но в 1942 году их эвакуировали в Казань. На фронт Дмитрий Сергеевич призы-

После войны Лихачев сразу вернулся к работе. Главной темой для него всегда оставалась древнерусская литература. С 1954 года он возглавлял соответствующий сектор Пушкинского дома, собрав вокруг себя лучших ученых в этой области. Под его руководством были подготовлены к изданию «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве». Именно стараниями Дмитрия Сергеевича древнерусская литература перестала быть лишь предметом интереса специалистов, став доступной широкому кругу читателей

что он, имевший судимость, мог теперь жить где угодно благодаря удостоверению «с красной полосой». Это удостоверение выдавалось строителям Беломоро-Балтийского канала.

После лагеря Дмитрий Сергеевич вернулся в родной Ленинград. Поначалу он работал корректором в Академии наук, потом, когда с него стараниями руководства была снята судимость, перешел в Институт русской литературы (Пушкинский дом). Перед самой войной он защитил кандидатскую диссертацию — «Новгородские летописные своды XII века», а докторскую — уже после окончания войны.

По возвращении из лагеря Дмитрий Лихачев женился на Зинаиде Макаровой, с которой познакомился в издательстве Академии наук, где она работала. В 1937 году у них ро-

ву не подлежал, сказалось пребывание в лагере и подорванное здоровье. Юмор — пусть и черноватый — никогда не оставлял Лихачева. Он писал о тех голодных временах: *«Многие научные сотрудники бессмысленно погибли в Кировской добровольной дивизии, необученной и безоружной. Еще больше погибло от бессмысленных увольнений. Вымерли все этнографы. Сильно пострадали библиотекари, умерло много математиков. Но зоологи сохранились — многие умели охотиться»*. Истощенному Дмитрию Сергеевичу в какой-то момент пришлось даже лечь в стационар для дистрофиков. В это время жена и дети могли получать еду по его карточкам. Там же, в стационаре, он писал книгу «Оборона древнерусских городов», которую издали уже

осенью 1942 года. Ученый вспоминал: «Писалось хорошо. Дистрофия на работе мозга не сказывалась».

После войны Лихачев вернулся к работе. Главной темой для него всегда оставалась древнерусская литература. С 1954 года он возглавлял соответствующий сектор Пушкинского дома, собирая вокруг себя лучших ученых в этой области. Под его научным руководством были подготовлены к изданию «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве».

Именно стараниями Дмитрия Сергеевича древнерусская литература

принимать любовь, красоту, природу, в состоянии только искусство».

Именно Лихачеву принадлежит новое слово в мировой медиевистике: для установления подлинности текста он сосредоточивался не на самом тексте, а на его авторе. Он писал: «*Чтобы восстановить историю текста того или иного произведения, надо вообразить за ним древнерусского книжника, надо знать, как он работал, знать его цели, идеологические устремления, знать "механизм" ошибок. Понять историю создания текста — это и значит понять текст».*

«Совестью нации» Дмитрий Сергеевич становился постепенно. Он выступал за охрану памятников культуры — как материальных, так и нематериальных, его ценили представители самых разных профессий и взглядов. Именно он ввел в оборот понятие «экология культуры», призывающее сохранить среду, созданную культурой предков

перестала быть лишь предметом интереса специалистов, став доступной широкому кругу читателей.

Он категорически не принимал подход к построению большинства школьных и вузовских учебников по истории: когда при изучении того или иного периода сначала подробно изучаются экономика и политика, а потом, в конце раздела — культура, часто поданная как сухой перечень отдельных достижений. «*Экономика — не самоцель, — писал Лихачев. — Культура может быть целью. Сделать человека порядочным, счастливым, способным вос-*

«Совестью нации» Дмитрий Сергеевич становился постепенно. Он выступал за охрану памятников культуры — как материальных, так и нематериальных, его ценили представители самых разных профессий и взглядов. Именно он ввел в оборот понятие «экология культуры», призывающее сохранить среду, созданную культурой предков.

В 1975 году за отказ подписать письмо против Сахарова 68-летнего Лихачева избili в подъезде собственного дома. Он собирался на выступление в ЛГУ, где должен был прочитать доклад по «Слову о полку Иго-

реве». Именно доклад и спас его от смертельного удара в сердце, позволив «отделаться» сломанными ребрами. Несмотря на травму, Дмитрий Сергеевич позвонил в милицию, после чего отправился делать доклад.

Будучи не только научным, но и общественным деятелем, Лихачев не проигнорировал ни одного письма из тех сотен и тысяч, что приходили в его адрес. Он понимал, что пишут люди неравнодушные, поэтому считал своим долгом отвечать на все послания.

Власть признала заслуги академика, когда ему было уже далеко за восемьдесят. Перестройка стала его временем, в мгновение ока он перестал быть в опале. По словам Даниила Гранина, с которым Лихачев дружил много лет, «он стал министром той культуры, которой власть не занимается».

«Все мои статьи имеют не проповедническую цель, — писал Дмитрий Сергеевич всего за год до смерти, — а являются определенными поступками в борьбе за сохранение культуры, не только русской, а культуры в целом. Перечислю бегло объекты моей озабоченности: это Невский проспект в Петербурге, Кремль в Соловках, подмосковные усадьбы (в первую очередь Мураново и Шахматово), фрески в Новгороде, Воронцовский дворец в Алушке, парки в Петергофе, Пушкине, Гатчине, Павловске, Выборге, озеро Байкал, научные библиотеки, рукописные собрания, состояние запасников музеев, средних школ и высших учебных

заведений. Не могу сказать, что мои усилия не дали результатов. Напротив, большинство моих акций оказались успешными». «Беглый» список интересов 92-летнего ученого, конечно, поражает.

В сентябре 1999 года Дмитрия Сергеевича госпитализировали в Боткинскую больницу Санкт-Петербурга с онкологией. Операция, вопреки надеждам врачей, не улучшила состояния академика, и 30 сентября его не стало. Ему было 93 года. Похоронен Дмитрий Сергеевич Лихачев на кладбище поселка Комарово. □

Ладожские шхеры

Северное и северо-западное побережье Ладоги изобилует невероятно красивыми и манящими к себе шхерами: разбросанными по прибрежной акватории небольшими скалистыми островами, отделенными друг от друга узкими и извилистыми проливами с живописными бухточками. Большая часть островов необитаема, но таит в себе немало тайн и загадок.

СЕВЕРНЫЙ РАЙ

На Ладогу едут зарядиться энергией. Если ваши жизненные силы на исходе, а «внутренние батарейки» почти

разрядились, значит, вам самое время обратить свои взоры на шхерные островки Ладожского озера. Прогулка по водной глади озера навсегда оставит след в вашей памяти.

Озеро постоянно разное: то величавое и спокойное, то начинает волноваться, и его поверхность покрывается сначала рябью, а затем уже одна волна сменяет другую. К счастью, островки не дают ей особо сильно разгуляться, гася неукротимую энергию мощной стихии. Впрочем, шутить с Ладогой не следует и ради собственного же блага лучше всегда быть начеку.

Ладожские шхеры — именно так незатейливо и называется национальный парк площадью 122 008,3 га (в том числе 52 854,3 га акватории), расположившийся в Лахденпохском, Сортавальском и Питкярантском

например, в пределах парка «Ладожские шхеры» обитает 19 видов млекопитающих, 23 вида пернатых, 78 видов сосудистых растений, 32 — мхов и 61 — лишайников. И это лишь только виды, внесенные в Красные книги Российской Федерации и Республики Карелия.

Ладожское озеро уникально само по себе — ведь это крупнейший пресный водоем Европы. Только здесь водится ладожский подвид кольчатой нерпы, внесенной в Красную книгу. Но увидеть ее — большая удача, так как размножаться и нагуливать жир нерпа предпочитает в укромных бухточках ладожских шхер.

районах республики Карелия. В пределах национального парка территория характеризуется самым высоким в Карелии уровнем биоразнообразия и природоохранной значимости. Так,

КАМЕННЫЕ РОССЫПИ В ЗЕРКАЛЕ ВОДЫ

Подступающие к самой воде отвесные скалы карельских остров-

ков, изрезанные и заросшие лесом живописные бухточки, манящие в глубь своего чрева, настоенный на разнотравье упоительно-ароматный воздух, который, кажется, можно даже потрогать на ощупь — все это и есть аура шхер, действующая на туристов магическим образом. В мире шхер царствует ти-

ским фьордам. Взять хотя бы остров Койонсаари с его многочисленными уютными бухточками и необычными для Ладоги песчаными пляжами. Или, например, залив Кирьявалахти в окрестностях Сортавалы: с высоты древних гранитных скал, обрамляющих подступы к его краям, он невероятно схож с се-

шина, нарушаемая лишь криками птиц да шумом воды. В эти удивительные места с давних времен устремлялись люди, ищущие уединения, погружения в мир природы и в собственный «микрокосм».

По живописности многие из ладожских шхер ничуть не уступают знаменитым на весь мир норвеж-

верным скандинавским фьордам. Сходство просто потрясающее! Под скалой расположился живописный дом аптекаря Яскеляйнена, в котором сейчас находится Дом отдыха композиторов, от которого по крутому склону горы взбегает тропа. По ней можно подняться на вершину «Горы художников», с ко-

торой писали свои знаменитые этюды на пленэре Николай Рерих и Борис Смирнов-Русецкий.

СТРЕЛЕЦКИЙ ОСТРОГ

В поселке Березово на берегу Ладоги разместился современный музей живой истории «Стрелец-

притягательной и захватывающей эпохи.

....Говорят, на многих из островов шхерной части Ладожского озера сохранились остатки древних капищ и вавилонов-лабиринтов. Любители всего загадочного и таинственного пытаются отыскать древние

кий острог». Здесь, в полноразмерном макете старинного острога XVI–XVII веков, входящего в состав туристического комплекса «Драйв Парк Ладога», посетителей ждет полный интерактив — увлекательное погружение в наше прошлое с облачением в исторические костюмы далекой, но столь

магические валуны, дарящие любовь и удачу, счастье и везение. Ищут многие, но находят лишь избранные. Недаром же говорится: ищите и обряцете! Впрочем, ничего случайного на свете не бывает. Чудеса случаются с теми, кто в них верит. Даже самые невероятные и невозможные. Помните об этом. □

Степан Кащеев

в огороде БУЗИНА

Большинство из нас просто проходит мимо этого весьма распространенного в России растения с большими и красивыми красными или черными ягодами. Да и воспринимают бузину (которая, в зависимости от вида, может быть травой, кустарником или даже деревом), преимущественно как декоративное растение, украшающее скверы, сады и парки. Ведь ее ягоды, говорят, совсем несъедобны и даже ядовиты! Но вот так ли это на самом деле? И почему тогда в магии бузину именуют... деревом Судьбы?!

В России произрастает множество видов бузины, но наиболее известны и распространены из них три: собственно бузина травянистая или вонючая, названная так из-за своего резкого и сильного запаха, а также древовидные кустарники — бузина красная и черная, — достигающие в высоту от 3 до 10 метров. Ствол бузины обладает очень интересной особенностью — он необычайно легкий, что нашло свое применение в бузиновых шариках. Их выпиливают из сердцевины ствола и используют в опытах по электростатике. За счет того, что клетки бузины мертвы, хотя и сухи, даже весьма небольшого электрического заряда на бузином шарике достаточно для того, чтобы наглядно продемонстрировать электрическое притяжение или отталкивание.

Относительно сильной ядовитости бузины обычно ходит очень много противоречивых и взаимоисключающих слухов. Давайте разбираться, что к чему. Бузина действительно может быть весьма ядовитой и опасной для человека, но при этом одновременно съедобной и очень полезной! Как? А вот так!

К любому растению надо подходить с разумной осторожностью, тогда польза будет максимальной, а возможный вред минимальным. И бузина здесь не исключение. Для человека весьма опасно использование в пищу незрелых цветков, плодов или же листьев бузины. Ибо в этом случае действительно возмож-

но весьма сильное отравление. Зато в народной медицине дошедшие до кондиции листья и соцветия бузины с успехом используют в качестве разнообразных отваров и настоев, примочек и припарок; в качестве потогонного, мочегонного и вяжущего средства. А вот зрелые, правильным образом приготовленные ягоды бузины весьма приятны на вкус, более того — очень полезны.

В ряде северных стран Европы (прежде всего речь идет о Скандина-

вии) черная бузина весьма популярна не только как красивое декоративное растение. Ягоды бузины едят сырыми, заваривают в качестве целебного чая, гонят из плодов бузины разнообразные настойки и напитки, варят варенье, повидло и кисели,

делают вино, сиропы и лимонады и даже активно используют в кулинарии. Освежающие напитки из черной бузины пользуются устойчивым спросом в Великобритании и Германии, Швеции и Швейцарии. Вспомним также известную сказку великого датчанина Андерсена «Бузинная матушка», в которой, помимо всего прочего, упоминается и целебный чай из черной бузины.

Вот простой в приготовлении, но очень эффективный в применении рецепт для приготовления настойки из черной бузины в домашних условиях. Возьмем 1 столовую ложку цветков бузины черной и зальем ее стаканом горячей воды. Смесь доводим до кипения и томим на медленном огне в течение 15 минут. Затем ее охлаждаем, отжимаем и используем в теплом виде по половине стакана 2–3 раза в день перед едой. Такое лекарственное средство великолепно помогает при артрите, подагре, ревматизме.

Очень целебны и листья черной бузины. Как и соцветия, они обладают жаропонижающим, мочегонным, вяжущим, успокаивающим и потогонным действием. Прикладывание распаренных листьев прекрасно снимает воспаление, вот почему в народной медицине с давних пор их с успехом применяют при опрелостях, ожогах, воспалении геморроидальных узлов, фурункулезе.

Народная косметология знает и лосьон из черной бузины. Для приготовления лосьона необходимо взять с десяток соцветий и залить их пол-литром кипятка. Далее оставляем на сутки настаиваться. Затем отфильтровываем и храним в прохладном месте. Такой лосьон наносят на лицо каждое утро и вечер: он отлично тонизирует кожу и делает ее моложе.

В средние века черную бузину активно использовали для окраски шелка в насыщенный черный цвет. Смешанный с квасцами, сок бузины давал синюю краску. А при добавлении в эту смесь уксуса получали чернила. Кстати, соком бузины боролись и с досаждавшими клопами, не выносящими ее запаха. Использовали черную бузину и для приготовления мыла. Обладая приятным ароматом, мощное средство из бузины не только прекрасно дезинфицирует, но и отлично смягчает и успокаивает кожу. Кстати, в стародавние времена

именно из ствола бузины, который великолепно полируется, часто делали корпуса для надежных массивных часов, а также почти невесомые дудочки-свирели, которыми народные музыканты услаждали слух окружающих. Цветками из черной бузины издавна обкладывают яблоки при хранении: так они долго не портятся и сохраняют свой аромат. Если вас мучает бессонница, то положите в подушку высушенные ягоды бузины, и ваш сон станет легок и крепок.

С давних пор нашла свое применение в народном хозяйстве и медицине и красная бузина. Считается, что из-за своего сильного и резкого запаха она отпугивает из дома грызунов, в первую очередь мышей. Поэтому веточки красной бузины многие хозяйки держат в доме. Любят красную бузину и пчеловоды: ветви этого кустарника они кладут на зиму в улья в качестве надежной

защиты от серых хвостатых вредителей. Свежие плоды красной бузины используются для очистки медной посуды от темного налета, а мыло из красной бузины способно очистить практически любые загрязнения.

Красная бузина как целебное растение была внесена в один из самых первых европейских травников — труд немецкого ботаника Иеронимуса Бока (Трагуса), опубликованный в далеком 1546 году. Настои из цветков красной бузины используют наружно в качестве полосканий при всевозможных тонзиллитах (ангинах), а при лечении простудных заболеваний, разнообразных головных болях и ревматизме пьют цветочный отвар из красной бузины. В качестве слабительного средства рекомендуется употреблять кисель из плодов красной бузины.

В России в наши дни употребление бузины в пищу или в парфюме-

рии распространено пока еще слабо. Но народные традиции имеют свойство возрождаться: в экомгазинах за последние годы стало появляться и мыло из бузины ручной работы, и разнообразные настойки из этого растения. А теперь давайте узнаем, как и зачем собирают бузину травники.

Время цветения бузины (в зависимости от широты произрастания) — с мая по июль, а плодоношения соответственно — с августа по сентябрь. Сбор цветков бузины и хранение их требуют особой тщательности, поскольку они весьма чувствительны к влаге, быстро изменяют свою окраску и портятся. Хорошего качества сухие цветы получаются, если они собраны в солнечную погоду, в 2 или 3 часа дня, но не после дождя. Обрезанные кисти цветов освобождаются от листьев и толстых черешков, затем раскладываются тонким слоем и высушиваются на воздухе в тени. Сушеные цветы бузины хранят в сухом, хорошо проветриваемом помещении, срок годности цветков составляет 2–3 года, тогда как сушеных ягод — всего лишь 6 месяцев.

В эзотерике именно бузина считается растением-переходом, проводником в потусторонний мир. Поэтому ее и называли деревом Судьбы! По этой же причине ее никогда не сжигали в домашнем очаге или на костре — чтобы ненароком не навлечь на себя беду и не вызвать раньше времени хранителей Време-

ни, вершащих человеческие судьбы. Отношение к бузине было настороженно-почтительное. Недаром же в средневековье существовало поверье, что в кустах бузины обитают духи, а ведьмы летают на колдовских метлах, сделанных именно из прутьев бузины. Это, конечно же, не так, но вот то, что подвешенные над окнами и дверями веточки бузины защищают дом от невидимых человеческому взору злых духов — совершенно точно. Оберег из бузины — великолепная, а главное надежная защита от воздействия злых сил.

Бузину используют для энергетического очищения пространства, защиты и исцеления, и этому в некотором роде есть даже научные подтверждения! Клиническими исследованиями было доказано, что бузина блокирует способность большинства вирусов к размножению. Использование сиропа из черной бузины резко ускоряет процесс выздоровления заболевших простудными недугами, включая коварный грипп. А в ряде случаев бузина оказывается даже эффективней при лечении, чем новомодные разрекламированные лекарства. И уж тем более совершенно точно многократно более полезной.

Так что не поленитесь и высадите на своем приусадебном участке бузину. По поверьям, она приносит своим хозяевам счастье, удачу и процветание. Бузина весьма неприхотлива в уходе, зато обязательно и многократно отблагодарит вас за заботу о ней сторицей! Будьте здоровы! □

Мария Козакова — молодая талантливая актриса театра и кино. На съемочной площадке она с самого детства, а на сегодняшний день в ее арсенале 24 актерские киноработы. Среди них: «Дурная кровь», «Укус волчицы», «Презумпция невиновности», «Спасская» «Я знаю твои секреты» и другие. Мария — выпускница Щукинского училища, где училась на курсе Павла Евгеньевича Любимцева. После окончания училища ее сразу пригласили в театр Сатиры, где она занята в спектаклях «Лисистрата», «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Роковое влечение», «Муж и жена снимут квартиру», «Дон Джованни». Мария достойно продолжает знаменитую актерскую династию: ее дедушки — известные актеры Юрий Яковлев и Михаил Козаков, а мама — актриса Алена Яковлева.

Мария Козакова

Фото Лидии Марковой

«Хочу сниматься всегда!»

Фото из личного архива

— **Мария, какая из последних творческих работ для вас наиболее значима сегодня?**

— Спектакль «Лес» по мотивам одноименной классической пьесы

драматурга Александра Николаевича Островского. Выпустили спектакль мы в декабре 2020 года, сам творческий процесс был очень интересным, захватывающим, и я

с нетерпением ждала каждой репетиции.

В этой постановке я играю Аксиною, а моя мама (прим. редакции — народная артистка РФ Алена Яковлева) — Раису Павловну Гурмыжскую.

Прекрасная режиссура Антона Яковлева, и говорю это абсолютно объективно, а не потому, что режиссер приходится мне дядей.

В спектакле есть и острая сатира, и человеческая пронзительная драма, и сама пьеса очень современна, несмотря на то, что написана Островским в 1870 году. Его можно считать победой театра, так как он идет с большим успехом.

— В каких еще спектаклях вас можно увидеть в театре Сатиры ?

— В комедии Рэя Куни «Слишком женатый таксист», в постановке Александра Анатольевича Шир-

виндта, играю уже семь лет роль Мэри Смит.

Участвую также в постановках: «Дамское счастье», «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Дороги, которые нас выбирают»...

Раньше шел спектакль «Роковое влечение», в котором я играла с Верой Кузьминичной Васильевой, сейчас, к сожалению, он не идет в силу определенных причин.

На Малой сцене играю в спектакле «Муж и жена снимут комнату» — это бытовая советская история по пьесе драматурга Михаила Рощина.

Недавно в театре выпустили спектакль «Убить папашу!» — комедия по пьесе ирландского драматурга Джона Синга «Удалой молодец — гордость Запада» — режиссер Дмитрий Астрахан.

— А в антрепризных спектаклях вы играете?

— В антрепризе «Внимание на меня!» Даниил Спиваковский, Андрей Ильин и я играем любовный треугольник.

— Мария, вы с юных лет снимаетесь в кино, вам нравится съемочный процесс?

— Хочу сниматься всегда! Очень люблю работать в кино, и сейчас мне этого очень не хватает. Хотелось бы сегодня уже начать работу.

— Кто ваши учителя в профессии?

— Я окончила театральный институт имени Щукина и не могу сказать, что весь период обучения был безоблачным и счастливым. К сожалению, всегда в любом вузе есть такие преподаватели, которые любят самоутверждаться на учениках, а особенно, если у студента известные или знаменитые родственники. Мне это не понятно. Но, безусловно, есть педагоги, которым очень благодарна, они помогли в постижении профессии: Наталья Николаевна Павленкова, Елена Ласковая, Наталья Юрьевна Щукина...

Александр Анатольевич Ширвиндт делал со мной дипломный спектакль и взял меня по окончании института в Театр сатиры. Он тоже является моим учителем в профессии.

Мама всегда помогает советом, мой дедушка — Юрий Яковлев — смотрел мои работы, ходил на спектакли, слушал мои отрывки, интересовался мною и, конечно, чему-то меня тоже научил.

Есть артисты, у которых можно бесконечно учиться, когда смотришь фильмы с их участием, например, Мерил Стрип, Джулия Робертс... Когда видишь таких личностей на экране, то анализируешь игру и думаешь, а как они это делают? Пытаешься что-то для себя взять.

Почему у женщин? Потому что у мужчин совсем другая актерская структура, другие «манки».

Любимых актеров очень много и всех не перечислишь. Евгений Евстигнеев, Юрий Яковлев — гениальные артисты... у Юрия Яковлева уникальная актерская природа, он мог сыграть любую роль, ему было подвластно все... Роберт Де Ниро, Аль Пачино — великие актеры...

— Вы любите книги? Какую литературу вы читали последнее время и что можете порекомендовать?

— Книги читаю всегда, из прочитанного недавно большое впечатление на меня произвел роман-антиутопия британского писателя Джорджа Оруэлла «1984». В подростковом возрасте моей любимой книгой был роман Этель-Лилиан Войнич «Овод», всегда нравилось перечиты-

вать «Поющие в терновнике» Коллин Маккалоу, «Альпийскую балладу» Василя Быкова.

По психологии порекомендую интересную книгу Дейла Карнеги «Как перестать беспокоиться и начать жить».

Понравилась «Магия утра» современного американского писателя Хэла Элрода — прекрасная книга, очень помогает организовать себя.

Интересна для прочтения «Магическая уборка. Японское искусство наведения порядка дома и в жизни¹», это бестселлер японской писательницы Мари Кондо, ее первая книга, которая была опубликована более чем в тридцати странах. Книги Мари Кондо продаются по всему миру миллионными тиражами.

«Магическая уборка» поможет вам распределить пространство вокруг себя, чтобы жить комфортно и счастливо.

Из «легкой» литературы, например, в отпуске, можно почитать детектив Донато Карризи «Девушка в тумане», кстати, Карризи экранизировал свою книгу, он выступил режиссером и сценаристом картины «Девушка в тумане» в 2017 году.

Вообще, хорошие и любимые книги можно перечислять бесконечно.

— Вы любите путешествовать, удается ли это при такой занятости в театре и в кино?

— Путешествия для меня — одно из главных удовольствий в жизни.

Это источник вдохновения. Сегодня очень хотелось бы вернуться в Париж, нравится Лондон — много музеев, красивые парки... Люблю Испанию, Италию, в период жуткой усталости и перезагруженности хотелось возвращаться на Бали, в Таиланд.

— Какие качества в людях вам импонируют?

— Честность и порядочность, искренность, ценю доброту, глубину, целеустремленность, ценю смелость, ее мне самой иногда не хватает, чувство юмора, умение услышать другого человека.

Прекрасно, когда люди умеют радоваться жизни.

Не приемлю снобизм, высокомерное отношение к людям.

— Что для вас означает театр?

— Театр — это возможность получить профессиональный опыт, вознести добро, попытаться изменить наш мир в лучшую сторону. Для меня как для зрителя театр — это источник вдохновения, радости, эмоций.

Всем читателям «Смены» и зрителям, которые придут в театр, хочется пожелать быть верными самим себе, идти вперед к своей цели, и тогда в жизни у вас точно все получится. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Фото Сергея Милитского

Ирина Опимах

Раиса Гуревич

Она, эта прелестная женщина, живет на многих картинах Джорджо де Кирико. Это и «Римские женщины», и «L'espirit de domination», и другие...

Ее зовут Раиса Гуревич. Она была женой художника, но осталась в истории культуры не только как одна из жен выдающегося итальянского живописца XX века, но и как известный итальянский археолог, основательница музея Остии, много сделавшая для увековечивания памятников Античного Рима, автор научных работ, кавалер высоких государственных наград.

РАИСА ГУРЕВИЧ И ДЖОРДЖО ДЕ КИРИКО

*Джорджо де Кирико.
Автопортрет*

Раиса Гуревич родилась в Одессе, в семье вполне процветающей и ни в чем не нуждавшейся — родители Раисы, Самуил Гуревич и Берта Гер-

зенштейн, владели большими поместьями в Польше, недалеко от Брест-Литовска, и в Финляндии, в Тервусе. Самуил Гуревич был очень деловым

человеком, но при этом отличался большой культурой. Вокруг него всегда были интересные люди. Раисе ни в чем не отказывали, и она жила то в родительских поместьях, то в Петербурге: изучала иностранные языки, ходила в театры, на концерты... А еще много путешествовала — ведь это лучший способ получить представление о мировой культуре, о том, как и чем живет мир. Кстати, в Сан-Ремо она жила в доме Г. Плеханова (в Сан-Ремо у супруги Плеханова Розалии Марковны Богорад был частный санаторий для легочных больных, где лечился и сам Плеханов, имевший слабые легкие). Плеханов давал Раисе уроки истории, и можно представить себе, что это были за уроки! Наверное, многие бы мечтали иметь такого учителя. «Помню мое первое впечатление от Плеханова. Я была с мамой, мы спустились к морю и увидели мужчину, сидящего спиной к солнцу. Это настолько поразило меня! Потому что русские ищут солнца, а он повернулся к нему спиной», — спустя годы вспоминала Раиса.

Отец Раисы был страстным балетоманом. Он и приобщил к балету свою дочь. В результате она захотела стать балериной и поехала в Москву, где ей давала уроки танца балерина Императорского театра, благо, у родителей были деньги оплачивать эти уроки. Девушка явно обладала всеми данными, чтобы стать настоящей балериной. Она — хорошенькая, хоть и не красавица, милая, живая, очень неглупая.

Вокруг нее всегда было много друзей и приятелей, и она многим юношам нравилась, однако до некоторой поры не проявляла ни к кому особых симпатий. Но однажды, во время одной из многочисленных вечеринок, Раиса познакомилась с молодым режиссером, очень способным учеником Всеволода Мейерхольда Георгием Кролем, влюбилась и — вышла за него замуж.

Революция застала Раису и Георгия в Тервусе. А недалеко в своем поместье доживал последние дни Леонид Андреев. В своем дневнике он рассказывает о щедрости Самуила Гуревича, поддерживающего его издательские проекты, и о молодых супругах Кроль, устраивающих всяческие театральные действия. Ему было тепло с этими людьми, живыми, творческими, щедрыми и на деньги, а на всяческие выдумки. В сентябре 1919 года Андреев умер, и Кроль присутствовал на его похоронах.

А потом Георгий и Раиса отправились в Европу — сначала в Италию, в Рим, затем в Берлин. В Риме они ходили на выставки Балла, Климта, Шилле, Де Кирико и других художников, представляющих самые новые направления в живописи, и работали в театре. В Римском художественном театре Кроль ставил спектакли, которые шли с успехом. И во время постановки одного из них, «История солдата» на музыку Игоря Стравинского, супруги Кроль познакомились с тридцатисемилетним Джорджо Де Кирико, который разрабатывал сценографию и костюмы.

«Римские женщины»

После «Истории солдата» был спектакль «Смерть Ниобы», в постановке Кроля, и опять сценографию и костюмы разрабатывал Де Кирико, а партию Ниобы танцевала Раисса Лорк (так звучал сценический псевдоним Раисы Гуревич-Кроль).

Видимо, во время работы над этими спектаклями Де Кирико и заметил эту русскую «пылкую» балерину. Да и как ее было не заметить!

Раиса поседела очень рано, когда ей было всего 20 лет. Но седина ей

нисколько не мешала — молодое лицо, выразительные голубые глаза, здоровый румянец — все это делало ее очень хорошенькой и привлекательной. И хотя она была небольшого роста, и худышкой ее назвать было нельзя (всю жизнь она стремилась похудеть), Раиса всегда пользовалась вниманием мужчин. Не стал исключением и Де Кирико — он страстно влюбился в Раису, и она ответила ему взаимностью. В результате Кроль в конце 1925 года вернулся в Россию,

*«Дама
в голубом».
Портрет
Раисы
Гуревич*

а Раиса вышла замуж за Де Кирико. (Вернувшись в Россию, Кроль пытался снова устроиться к Мейерхольду, но что-то там не получилось, и он уехал в Петербург, работал в театре и кино, и умер очень рано, в 1932 году, — утонул, плывая в Черном море.)

А у Раисы начался новый этап в жизни...

Сначала супруги снимали жилье на улице Бонапарта, но потом переехали на Монмартр — где еще мог жить художник в Париже? Только на

Монмартре! У Де Кирико появились деньги, он обрел славу и возможность зарабатывать, а потому их квартира отличалась настоящей роскошью. «С большими каминами, — писала Раиса в своем дневнике, — зеркалами, шикарными диванами с обивкой из белого бархата, а мастерская Джоджо находилась в огромном неоклассическом салоне, полном белых мраморных колонн».

Де Кирико продолжал работать в театре, сотрудничал с Дягилевым,

*Портрет Изы де Кирико
в черном платье*

оформил балет «Бал» для дягилевского «Русского балета». А вот влюбленная Раиса решила бросить театр и посвятить себя всецело гениальному, как она была абсолютно уверена, мужу. Но Раиса не могла просто сидеть дома и, неожиданно увлекшись археологией, поступила в 1926 году в Сорбонну — записалась на курс выдающегося специалиста по античности Шарля Пикара.

Де Кирико тоже погрузился в античное искусство — он изучал древнегреческую и римскую скульптуру, архитектуру. И на его картинах стали появляться руины античных храмов, лики и образы далеких, ушедших в прошлое веков. И конечно же, на его полотнах жила она, его люби-

мая женщина — «Римлянки», 1926; «Espirit de domination», 1927, и другие картины.

Их дом всегда был открыт для друзей. По четвергам здесь собирался цвет парижской богемы — Жан Кокто, Поль Элюар, Коко Шанель. Новый стиль Кирико, разработанный в эти годы, не имел особого успеха, зато его картины 1910-х годов по-прежнему хорошо покупались. И Де Кирико начал подделывать сам себя — писал картины в духе старых работ и ставил старые даты. В этом деле ему помогал «бывший русский полковник, сбежавший от революции, по имени Владимир, — писала в своем дневнике Раиса. — Жорж брал холст, делал на нем рисунок, делил его на небольшие квадратики и в каждый из квадратиков вписывал название цвета. Затем Владимир закрашивал эти квадратики. Жорж добавлял тоновые переходы, приводил все в порядок, и картина была готова».

Самой Раисе такая гонка за коммерческим успехом была глубоко противна, и отношения между супругами начали портиться. Легко вспыхивали ссоры — а ссориться пылкий итальянец и не менее пылкая Раиса умели великолепно. На пол их роскошной квартиры летели тарелки из северского сервиза и дорогие вазы, украшавшие интерьер их жилища. А тот же умелец Владимир подбирал потом осколки и склеивал их — а вдруг это еще можно будет как-то продать...

В 1929 году Дягилев пригласил Де Кирико в поездку на юг Франции — в Монте-Карло и Марсилию —

вместе с «Русским балетом», и они с Раисой отправились в путешествие. «Мы с Кирико едем в Монте-Карло. Он пишет балет для Дягилева. Сейчас в Марселе. Завтра утром — дальше. Дорога хорошая, неустойчивая. Пейзаж теперь красивый, нежная французская весна...», — писала она в своем дневнике. А начинается эта запись с такой фразы: «Мое последнее счастливое время с Кирико. С сентября началось мое горе».

Увы, их супружеская жизнь разрушилась — в 1930 году Кирико познакомился со своей будущей второй женой, Изабеллой Пакшвер.

События показали, что Джорджо не отличался особой моралью и нравственностью и делал всегда то, что было выгодно прежде всего ему. Неудивительно, что когда в 1931 году он тайно, ничего не сказав Раисе, уехал с новой возлюбленной (впоследствии она называла себя Изой Фар) в Брюссель устраивать там выставку своих картин, он делал это все на деньги жены — заложив ее фамильные драгоценности. Конечно же, денег этих, как и драгоценности, она обратно не получила.

Позже Де Кирико вернулся на родину, где его ждал большой успех — участие в главных выставках страны — в Миланской триеннале 1933 года, в Римской quadriennale 1935-го... Правда, к его чести нужно сказать, что у него все-таки были определенные принципы: даже этот успех не примирил его с режимом Муссолини, и окончательно он переехал в Италию уже после войны.

Официально Раиса и Джорджо разошлись только в 1945 году — итальянские законы того времени не приветствовали разводы, да и мать Де Кирико никогда бы не одобрила его решение покинуть Раису. Иза, его новая подруга жизни, терпеть не могла свою предшественницу и всячески пыталась заставить Джорджо вычеркнуть из своей жизни бывшую жену, поэтому в вышедшей в том же 1945 году автобиографии Кирико о Раисе даже не упоминается. Но остались его картины, на которых он запечатлел ее образ, и вот с этим Иза уже ничего поделать не могла...

Итак, Де Кирико бежал из Парижа с деньгами, вырученными за ее драгоценности, и Раиса осталась одна — после бурной жизни, в которой она совсем недавно существовала рядом с ярким, незаурядным, талантливым и оказавшимся таким неверным Де Кирико... Ей было плохо, одиноко. Казалось, что никому она не нужна, что жизнь ее кончена. В Париже оставаться было трудно, и она отправилась в Рим. В Рим Муссолини, в Рим набирающего мощь итальянского фашизма. 21 апреля 1932 года она запишет в своем дневнике: «Сегодня день основания Рима. Праздник фашизма. Всюду черные рубашки. Масса народу. На Корсо, на Piazza Venezia. На Капитолий не пускают без разрешения. День праздника всегда грустен. Сегодня мне еще страшнее и пустынее жить. Как будто дано мне в жизни все созерцать и ничего не создавать. Хотя бы ребенка. Хотя бы семью. Все разрушено. В 35 лет ду-

мать о том, как создавать жизнь... Страшно, и в эти солнечные праздничные дни еще страшнее».

И вот тут ее спасла археология. Случайно она познакомилась с известным итальянским археологом Гвило Кальца. В тот год в Остии Антики, порту античного Рима, велись раскопки, и Кальца руководил всеми работами. Это был замечательный человек и выдающийся ученый. Археолог Джованни Бенотти писал: «Он был человеком приятной наружности, лицо которого напоминало черты Траяна; всегда радушный и любезный, он был наделен удивительной добротой, уравновешенностью, честностью, скромностью, глубокой человечностью. Вся его жизнь строилась на этих достоинствах, сделавших его честнейшим работником, уважаемым и любимым руководителем и добрым другом для многих». Это была огромная удача — встретить на своем жизненном пути такого человека как Кальца. Раиса ему понравилась, и он помог ей получить работу на одном из участков раскопок. А вскоре умная, живая, образованная, очень симпатичная и женственная Раиса Гуревич стала и во все его первой помощницей, фотографом и ассистентом. Впереди ее ждала большая работа — именно ей предстояло составить каталог и сфотографировать все находки археологов Остии.

Раиса отдавала все силы своей новой и такой увлекательной работе.

Еще в конце 1930-х годов Раиса и Кальца стали по-настоящему близ-

ки — их очень многое связывало: преданность делу, профессии, отношению к жизни, моральные принципы. Но Кальца был женат, и его жена, истовая католичка, ни за что не соглашалась аннулировать их брак. И лишь после ее смерти — в 1946 году — Раисе и Гвидо удалось узаконить свои отношения. Но было уже поздно — у него случился удар, после которого он очень скоро умер.

Но Раису ничто не могло сломить. Она продолжала свои работы в Остии. Первые ее научные статьи были опубликованы еще в конце 1930-х годов. После войны она уже — признанный авторитет, известный специалист по иконографии римского портрета и погребальной скульптуре. Она составляла каталоги музеев Остии и Галереи Боргезе, выступала на конференциях и принимала зарубежных ученых, получала награды от правительства Италии и была членом зарубежных академий...

В 1971 году Раисе Гуревич пришлось снова вспомнить своего бывшего мужа, знаменитого художника Джорджо Де Кирико. Луиза Спаньоли написала книгу о Де Кирико. Называлась она так — «Длинная жизнь Джорджо Де Кирико». В этой книге Спаньоли собрала воспоминания знакомых и родственников художника. Приходила она поговорить о нем и к Раисе. Тут сеньора Кальца припомнила все своему бывшему супругу — и как он изменил ей, как исчез, заложив ее фамильные драгоценности, как уехал, забрав вырученные деньги...

«Купальщица»

Журналисты с удовольствием подхватили этот сюжет — «желтая» пресса обожает такие истории. Понятное дело, Де Кирико и его Иза были не в восторге от такой шумихи, они подали на Раису в суд, обвинив ее в клевете. Суд закончился ничем.

Джорджо Де Кирико умер 20 ноября 1978 года. Он принес Раисе много горя, но, когда Луиза Спаньоли спросила ее: «Что бы вы сделали, встретив его в первый раз, если бы

знали, чем все это кончится?», она ответила: «Я бы все равно в него бы влюбилась».

Раиса ушла из жизни спустя два месяца после смерти Де Кирико, 24 января 1979 года. Похоронили сеньору Гуревич-Кальца в «ее» Остии, на кладбище Святого Эрколано, рядом с выдающимися итальянскими археологами — ее мужем Гвидо Кальца и большим другом Джованни Бекатти. На ее могиле всегда свежие цветы... □

Елена Чулкова

БЕРЕСТЯНЩИЦА из рода Васнецовых

Фото автора

С давних пор «плащ» березы, теплого дерева жизни, служил в умелых руках строительным и поделочным материалом. На бересте писали, из нее делали посуду и шаркунки (погремушки). Эти и другие изделия, необходимые в быту, пользовались спросом на Руси, к берестяных дел мастерам — резчикам и плетельщикам — относились с глубоким уважением. Даже Петр I, пытаясь плести лапти, признавал, что «нет ремесла мудренее лапотного». Береста и сегодня выбирает немногих. Среди редких умельцев — петербурженка Лия Галченкова, правнучка Аркадия Васнецова, брата всемирно известных художников Виктора и Аполлинария Васнецовых. Ее выбор, видимо, не случаен, учитывая способности и происхождение берестяницы.

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

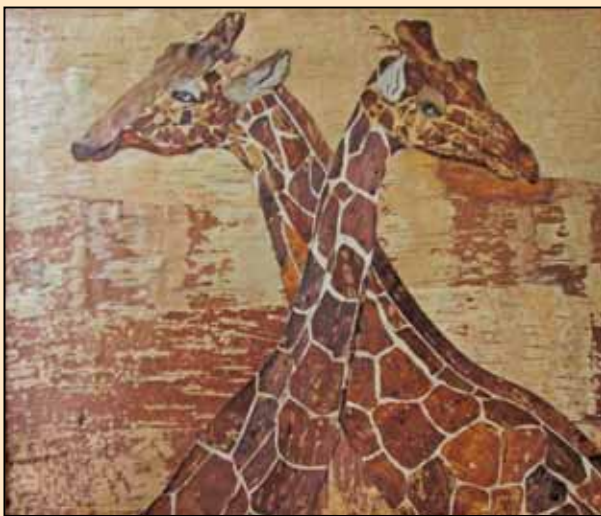
В отличие от славных предков Лия Ивановна Галченкова (в девичестве Шацкая) «рисует берестой», как говорят поклонники ее таланта, а не красками, мастерски соединяя фрагменты природного материала в чудо-аппликации. Тонкую работу в нерядовой технике успели оценить по достоинству и юные, и взрослые петербуржцы, судя по отзывам. Берестя-

ная «живопись» мастерицы восхищает не только жителей города на Неве и Ленинградской области (Тихвина, Приозерска), но и за ее пределами. Экспозиции работ Л.И. Галченковой были организованы в Москве, на родине Деда Мороза, в Великом Устюге, в родном Кирове, Вятском художественном музее имени Виктора Михайловича и Аполлинария Михайловича Васнецовых, и даже в Финляндии. На вопрос

о том, как все начиналось, Лия Ивановна ответила:

— Направление творчества подсказала удивительная матушка-природа в пригородах Ленинграда, волшебных лесах! Она — источник вдохновения для всех Васнецовых — стала моей первой и ведущей темой. Интерес к необычному виду декоративно-прикладного искусства

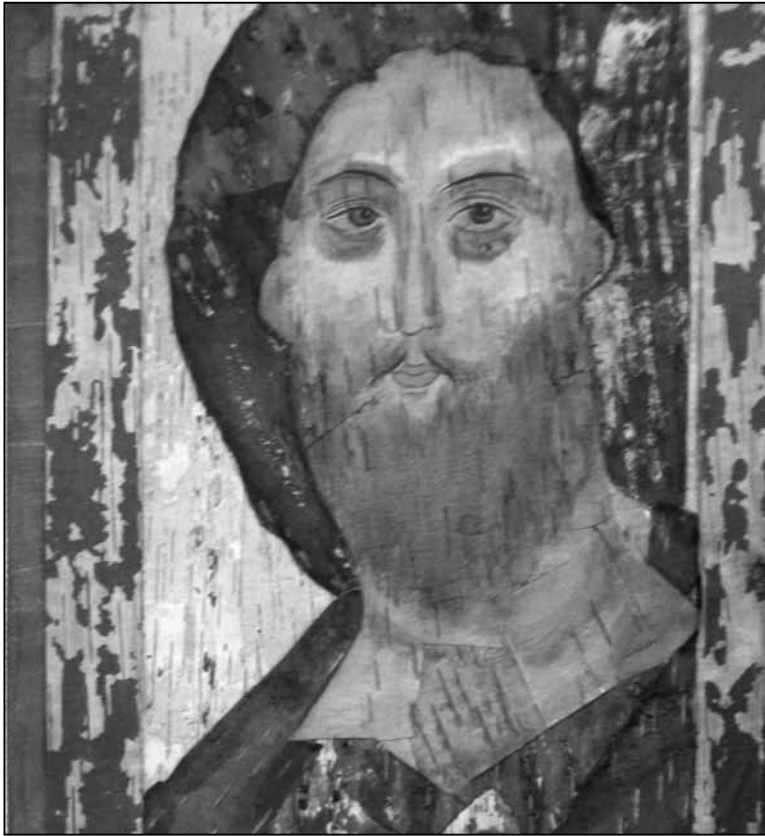
возник в период работы инструктором по горным лыжам. Вдоль зимних трасс было немало поваленных берез. В один из солнечных дней, отдыхая после занятий, присела на бревнышке, присмотрелась к рисунку коры березового дерева, развернула ее и поразились палитре оттенков. Так в 60-летнем возрасте родилась идея составлять своими руками композиции на картинах и панно. Основой стал легкий, но долговечный материал с его первозданной цветовой гаммой. Техником овладела не сразу, изучала специальную литературу, закрепляя теорию на практике, и буквально влюбилась в увлекательный процесс.

РИСУЕТ, НО НЕ КРАСКАМИ

Глядя на эту открытую, искреннюю женщину, ее лучистые глаза, нельзя не заметить сходство с гениальным родственником. Переняла она не только внешние черты, но, видимо, и творческую жилку, и духовность. Портрет маститого живописца, архитектора Виктора Михайловича Васнецова (1848–1926 гг.) находится на видном месте в одной из светлых комнат небольшой квартиры на Раевского, где живет Лия Ивановна. Повсюду на стенах — берестяные аппликации, как в творческой мастерской или миниатюрном музее. Найденные в лесу «квадратики» бересты она очищает, высушивает, выдерживает под прессом, сортирует по цвету и размеру, аккуратно

складывая заготовки в коробку. Посмотрит на оттенок и сразу представляет будущее изделие. Ее рабочее место — стол, стул, свет из окна и солнечное настроение. В подручных средствах — нож и ножницы. «Строительный» материал нужного размера и цвета Лия подбирает для несложной вещи в течение дня, а, к примеру, на возведение берестяного храма, на более кропотливый труд, уходит неделя, а бывает, и не один год. Названия тематических разделов говорят сами за себя: «Храни Вас, бог» и «Русь православная», «Мир русской деревни» и «Берестяная сказка», «Душа природы здесь слышна...» и «Братья наши меньшие», «Восточные мотивы»... В этой комнате, где будто пахнет лесом, появилась первая картина «Анютины глазки» и более поздние — «Медный всадник» и «Петропавловская крепость». В дальнейшем «распустились» во всей красе цикламены, лилии, гладиолусы, ирисы, ромашки и другие цветы. С особенным трепетом и любовью сложены берестяные образы святых и храмы, излучающие поток доброты, тепла и света. Однажды, находясь у брата в Можайске, Лия Ивановна показала настоятелю церкви образ Богородицы из бересты и попросила благословения на творческий труд.

— Берусь за дело с молитвой, и оно спорится, — говорит Лия Ивановна. — Каждую готовую работу с изображенным образом святого и храмом обязательно освящаю.

Читала, что предки были крещеные, благочестивые люди, и вера им помогала. К примеру, в книге «Русские имена и судьбы: раскрытые тайны истории» писатель-историк Лев Анисов рассказывает о том, что патриарх живописи В.М. Васнецов был глубоко верующим, «любил русский народ, русское искусство и вообще все русское». Неслучайно в его творчестве наблюдается эволюция. Если на ранних этапах в Петербурге, обучаясь в Академии художеств, он увлекался темами быта, то, переехав в «златоглавую», писал на былинно-исторические, сказочные, религиозные темы. Однажды, принимая у себя дома московских гостей и показывая им собрание древних икон, на вопрос о причине его горячего интереса к старине хозяин ответил: «В газетах бывают передовые статьи, а бывают и фельетоны. Иконы — передовая статья, а моя работа — фельетон. Перед этой иконой я поставлю свечку, а перед своей — подумаю...» Художник стремился

к тому, чтобы его образы были доступны и понятны простолыдину: «Мы только тогда внесем свою лепту в сокровищницу мирового искусства, когда все силы устремим на развитие родного искусства, выразим красоту, мощь и смысл наших родных образов — нашей русской природы и человека, нашей настоящей жизни, прошлого, наши грезы, мечты, нашу веру».

На березовых спилах и деревянных основах в комнате Лии — пейзажные «зарисовки», восходы и закаты, животные (собаки, коты, лошади, жирафы, львята) и птицы (совы). Частицу истории рода Васнецовых хранит картина «Мадам Баттерфляй» из бересты столетнего, поверженного молнией березового дерева, растущего на родине предков, вблизи дома Васнецовых в Рябово Зуевского района Кировской области. Возможно, береза была свидетелем их счастливой жизни, прогулок в имении, рождения шедевров... Поэтому, работая с этим материалом, Лия испытывала волнение от незримой

связи с прошлым, ощущая сопричастность васнецовским традициям. Кусочек коры старой березы, точнее фрагмента расщепленного дерева, она привезла из родового «гнезда», где сегодня историко-мемориальный и ландшафтный музей-заповедник художников Виктора Михайловича и Аполлинария Михайловича Васнецовых «Рябово». Фантазия не имеет границ. За последние 17 лет мастерицей сделано более 150 произведений, и среди них нет одинаковых. Береста придает силы, энергию, приносит удовольствие, несмотря на трудности в ее заготовке.

— Я не художник, — признается Лия Ивановна, — составляю аппликации из неокрашенной натуральной бересты. Думаю, жив дух предков, гены дают о себе знать, меня же

никто не учил. Умение или есть, или нет, человеку не овладеть ремеслом по принуждению, люди с этим рождаются.

ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЛКА — ПО НАСЛЕДСТВУ

Лия Ивановна родилась в 1935 году в Омске, а ее детство и юность прошли в Кирове. Вятка славилась не только дымковской игрушкой, но и конькобежцами. Их ряды с 14 лет пополнила и Лия, в будущем чемпионка Советского Союза среди школьников, абсолютная чемпионка Спартакиады народов СССР. Примером для нее была землячка Мария Исакова, заслуженный мастер спорта СССР, первая трехкратная чемпионка мира, шестикратная абсолютная чем-

Л.И. Галченкова рассказывает о том, что прадед занимался любимым столярно-резчицким ремеслом и для души, и подрабатывал им, чтобы прокормить большую семью:

— Его мастерская размещалась в полуподвальном помещении, где работали прадед и несколько столяров, — делится на основе исследовательской литературы правнучка. — Выполнял тонкую резьбу, инкрустацию на мебели по эскизам брата Виктора и своим рисункам узоров в русском стиле. Отправлял в столицу шкафы, сделанные своими руками, не только брату Виктору, но и доброму другу семьи, меценату, промышленнику Савве Мамонтову и другим известным москвичам. Худо-

жественная мебель из мастерской Аркадия Михайловича проходила комиссию в кустарном музее. Один из буфетов даже экспонировался в 1900 году на Международной выставке в Париже и прадеда наградили золотой медалью.

Ссылаясь на печатные труды исследователей жизни и творческой деятельности Васнецовых, имеющиеся в ее домашней библиотеке, Лия Ивановна рассказывает, что многие из васнецовского рода, в том числе прадед Аркадий и его родной брат Виктор, обучаясь в духовном училище, духовной семинарии, монастырях, получали навыки в рисовании. Способности передавались из поколения в поколение. Братья Васнецовы, истинные мастера, самородки, «голове своей руками помогали»:

— Художественный талант был у гла-

вы семейства, Михаила Васильевича Васнецова, служившего священником в «типично священническом селе» Рябово Вятского уезда, — делится историей рода Л.И. Галченкова. — Его мать обучалась рисованию, и в доме своей бабушки маленькие братья, в том числе мой прадед, впервые увидели акварели в рамках. До 10 лет Аркадий воспитывался в отчем рябовском доме, обучаясь чтению, письму, священной истории. В родном селе-«светоче» Виктор, будущий мастер, начинал рисовать по впечатлениям пейзажи, людей, корабли. Впоследствии, познавая народную тему, живописец изучал художественные промыслы. Увлечшись иконописью, в абрамцевской церкви Виктор Михайлович написал первый незабываемый образ

Богородицы с младенцем. Расписывал Владимирский собор в Киеве, его работы представлены и в храме Спаса на крови в Петербурге.

По словам Лии Ивановны, сельские учителя, братья Николай, Аркадий и Александр Васнецовы оставили уникальные труды: Николай — «Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора», Александр — «Песни северо-восточной России», Аркадий — учебники для вятчан-школьников. Будучи членом правления Вятского художественного кружка, членом городской управы, на одном из заседаний (28 августа 1909 года) прадед внес на рассмотрение предложение братьев-художников Виктора и Аполлинария Васнецовых «устроить в Вятке галерею и дать для нее свои произ-

пионка СССР по скоростному бегу на коньках. После школы Лия поступила в Ленинградский технологический институт, затем трудилась по специальности инженером-программистом на заводе. Очарованная городом на Неве, осталась в нем навсегда. По рассказу Лии Ивановны, как и все дети войны, она с лихвой испытала на себе тяготы военного времени. Отец, Иван Петрович Шацкий, погиб на фронте в 1941 году. Маме, Елене Леонидовне, рано овдовевшей, пришлось поднимать детей в одиночку. Она вязала, шила лоскутные одеяла, работала, не покладая рук. Милый сердцу образ пожилой матери дочь уже в зрелом возрасте воссоздала из бересты по одной из маминых фотографий, а период «сороковых-роковых» отразила в работах «Ленинград 1945 года»,

«Пусть горе, уснувшее в камне, проснется в набате» (Хатынь), «Никто не забыт, ничто не забыто» (Пискаревское мемориальное кладбище). Лия отлично помнит улицу Володарского (ранее Никитскую) и дом 116 с печным отоплением, где жил прадед Аркадий Михайлович Васнецов (1858–1924) с большим семейством:

— Члены семьи собирались за огромным обеденным столом, рядом стоял шикарный буфет с массой шкафчиков, — вспоминает правнучка. — Эти предметы мебели для дома, сделанные из дерева прадедушкой, столярных и резчицких дел мастером, хранятся в фондах Кировского краеведческого музея. Буфеты, выточенные им для брата Виктора, находятся в московском домемузее В.М. Васнецова.

В память о прадеде Лия долго берегла его чернильницу. Впоследствии передала ее в Москву другой правнучке Аркадия Михайловича — Ольге Алексеевне Васнецовой, профессору, с которой и сегодня поддерживает теплые родственные отношения. В архиве Лии Ивановны сохранилось только кое-что из личной библиотеки прадеда: подшивка его настольного журнала «Природа и люди» (им зачитывались дети и внуки), петербургские издания для школы и домашнего чтения «Жизнь животных Брэма» (второй и третий тома) и полное собрание стихотворений Н.А. Некрасова в одном томе.

— Аркадий Михайлович 20 лет учительствовал в Вятском земстве. Его рассказы «Домашние животные», «Измерение времени», «Страны света» и другие вошли наряду с

рассказами Толстого, Успенского, Пушкина в хрестоматию «Русский школьник», изданную в Вятке. Супруги Аркадий и Ольга Васнецовы воспитывали восемь детей, стремились дать достойное образование, «больше им в наследство оставить нечего», как признавался прадедушка. Все дети стали-таки образованными людьми. К примеру, один из старших сыновей, мой дед Леонид (1884–1942), проявлял себя с ранних лет. Мать-учительница брала его в школу и, сидя на уроках, в три года он усваивал материал лучше ее учеников. Позднее хорошо играл на скрипке, знал немецкий язык. Леонид блестяще учился и в вятской гимназии, и в электротехническом институте. Техническое образование, как и я, получил в северной столице.

ведения», а также оказать содействие в приобретении работ других художников города. После этого в 1910 году состоялось торжественное открытие художественно-исторического музея, в будущем — областного Вятского художественного музея имени братьев Васнецовых.

— Будучи вятским градоначальником, — продолжает Лия Ивановна, — прадед очень гордился тем, что в отличие от Петербурга и Москвы вятчане строили железную дорогу, проводили свет, водопровод и телефон без иностранных инвестиций. Жители ценили его за кристальную честность, добросовестность, ум. При этом он обладал удивительной скромностью.

Среди книг особенно значимой Лия Ивановна считает «Васнецовщину», изданную к 165-летию со дня рождения художника В.М. Васнецова. «Васнецовщина» — это история рода Васнецовых: священников, живописцев, общественных деятелей, врачей, педагогов, ученых... Главная авторская мысль заключена в эпиграфе к главе 1, в словах А.С. Пушкина: «Плох тот народ, который не помнит, не ценит и не любит своей истории»...

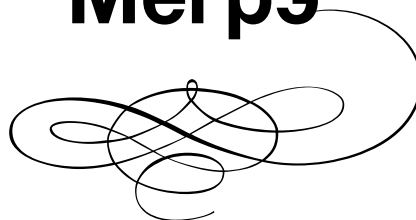
Лие Ивановне Галченковой уже 82 года. Но, несмотря на возраст, она бодрa, энергична, полна замыслов. Радует поклонников новинками, не претендуя на титулы и высокие оценки искусствоведов. Талантливая петербурженка мечтает о том, чтобы появился в России музей бересты, а ценители прекрасного желают ей здоровья, вдохновения и исполнения заветной мечты.

... После встречи с правнучкой Аркадия Васнецова захотелось побывать в Русском музее, освежить знания о мастерстве русских художников. Оказавшись в зале искусства 2-й половины XIX века, я не смогла пройти мимо потрясающих по силе воздействия полотен Виктора Васнецова. «Богоматерь», «Витязь на распутье», «Битва русских со скифами», «Книжная лавочка»... Его ярко выраженную уникальность отмечал и писатель В. Солоухин в «Письмах из Русского музея»: «В его биографии был переломный момент, когда с не своей, ложной для него дороги жанра он резко своротил в область русского эпоса и русской сказки, где нашел подлинное лицо, стал художником Васнецовым... Национальный дух этого человека, сила его любви к родине, к родной истории крепки. Образы Васнецова шире его полотен. Они всегда подспудно жили среди нас. Он намекнул, мы вспомнили, как забытое из детства... Никогда не умрет Васнецов». Прав оказался Солоухин. При виде васнецовских картин действительно вспомнилось детство, настенный ковер с богатырями, книги и диафильмы о былинных героях, мертвой царевне, Иване-царевиче и сером волке... Быть может, шепнул профессор живописи о чем-то правнучке брата Аркадия, и появились берестяные чудеса. Не случайно и классик Леонид Леонов полагал, что «идеи тоже имеют родословную, как люди и все явления; и корни идеи уходят очень далеко». □

Жорж Сименон

Тот,
кто дал жизнь
комиссару
Мегрэ

Один из выдающихся французских романистов XX века, он за свою долгую жизнь написал более 400 романов и несколько тысяч рассказов, которые были изданы на 55 языках общим тиражом более полумиллиарда экземпляров. Большими тиражами издавались лишь произведения У. Шекспира и В.И. Ленина. Однако наибольшей популярностью пользуются его 84 романа о комиссаре Мегрэ.

Каков же он был, этот человек, в честь которого на родине, в Бельгии, уже в начале нашего века была выпущена памятная серебряная монета с его изображением?

Жорж Жозеф Кристиан Сименон появился на свет 13 февраля 1903 года в бельгийском Льеже, в семье бухгалтера. В три года в детском саду он научился читать. После окон-

чания начальной школы поступил в иезуитский колледж, хотя в 1918 году оставил его, не сдав выпускных экзаменов. В колледже Жорж славился тем, что с потрясающей ско-

ростью писал за своих товарищей сочинения.

Журналистикой он начал заниматься в шестнадцать лет, став сотрудником одной из льежских газет, и уже через год был ее ведущим репортером.

В девятнадцать Сименон вступил в брак и вскоре с женой Региной переехал в Париж. Нужно сказать, что секс никогда по-настоящему не интересовал и не волновал Регину. Так было на протяжении всех двадцати пяти лет их совместной жизни. Поче-

ном смысле он тоже отличался отменным. Съедал в кафе за один приквест по двенадцать круасанов).

Но если жажда удовольствий достигала у Жоржа поистине гаргантюэлевских масштабов, то его работоспособность вызывает не меньшее восхищение. Вскоре после их с Региной переезда в Париж в конце 1922 года он уже сотрудничал с редакциями нескольких десятков журналов, поставляя им рассказы, повести, а затем и романы развлекательного содержания.

Писал он с поразительной легкостью и быстротой. Публиковал свои произведения всегда под псевдонимами — их у него насчитывалось до семнадцати. Порой в журналах печаталось по пять-шесть его рассказов, подписанных разными фамилиями, которые очень хорошо оплачивались. Сименон купил себе дом, яхту, дорогую американскую машину, завел личного шофера

му же в таком случае он решил жениться на ней? Вряд ли Жорж по-настоящему любил ее. Скорее всего, он просто нуждался в стабильности. Ему необходим был человек, который искренне любил бы его, заботился о нем. Ему нужна была тихая, спокойная пристань. Кроме того, Регина была умна, интеллигентна, являлась идеальной спутницей во время путешествий.

Сименон отличался неумным аппетитом к жизни во всех ее проявлениях (кстати, аппетитом в букваль-

Писал он с поразительной легкостью и быстротой. Публиковал свои произведения всегда под псевдонимами. Их у него насчитывалось до семнадцати. Порой в отдельных журналах печаталось по пять-шесть его рассказов, подписанных разными фамилиями. Его вовсе не волновало, что почти вся его тогдашняя продукция была, по существу, «макулатурой». Эти годы ученичества ему много дали. К тому же его труд отлично оплачивался. В прошлое ушли дни, когда они с Региной вынуждены бы-

ли собирать бутылки для того, чтобы, сдав их, скромно пообедать в кафе. Сименон купил дом, яхту, дорогую американскую машину, завел личного шофера. У них с Региной был свой столик у «Максима», а коктейли они пили в фешенебельном кафе «Фуке».

Жоржа захватила круговерть богемной жизни. Среди его друзей — Морис Шевалье, Жан Габэн, Жан

тат в жанре «высокой литературы». Ему казалось, что именно детективные произведения помогут ему подняться на новую ступень. Так появился Мегрэ. Это произошло в небольшом голландском порту Делфджейл, куда Сименон прибыл с Региной на своей яхте. Свой первый роман о Мегрэ под названием «Питерлатыш» он написал меньше чем за неделю. С самого начала высокий,

Кокто, Пабло Пикассо. Он был чертовски молод и полон сил, которых с избытком хватало и на работу, и на разгул.

Единственное, что его перестало устраивать, так это то, как он писал до тех пор. К концу двадцатых годов Сименон почувствовал, что может писать намного лучше. Вместе с тем он полагал, что еще не готов рабо-

массивный и тяжеловесный детектив с вечной трубкой, зажатой в зубах, в котелке и плотном пальто, одним своим видом внушал читателю доверие, симпатию и уверенность в том, что любое самое сложное и запутанное дело будет раскрыто. Любопытно, но ни сам Сименон, ни, тем более, его читатели не имели представления о чертах лица комиссара.

Ни в одном из восьмидесяти четырех романов и восемнадцати рассказов о Мегрэ Сименон не дает их описания. «Я до сих пор не вижу его лица», — говорил писатель уже под конец своей карьеры.

Когда в 1956 году в Делфджейле был установлен единственный в мире памятник Мегрэ, и в присутствии Сименона и пяти актеров, которые более других прославились в роли комиссара, с монумента сняли покровы, взорам зрителей предстала массивная бронзовая фигура в котелке, с трубкой, но с совершенно неузнаваемыми чертами лица.

Небезынтересен метод работы Сименона над романами с участием Мегрэ. Писатель никогда не обдумывал сюжет заранее. Каждую главу, на которую он обычно тратил один день, он начинал, не зная, как и читатель, чем она закончится. Сименон находил убийцу буквально за несколько мгновений до того, как это делал Мегрэ. Расследование они проводили вместе, рука об руку. Ни до, ни после Сименона такого в детективной литературе не было.

Неизбежно встает вопрос о прототипах Мегрэ. Если массивную тяжеловесность комиссара писателю навеял образ его прадеда, гиганта-шахтера из Льежа, то такие его черты, как гуманность, способность понимать и жалеть даже самых заблудших людей, Сименон придал своему герою под влиянием воспоминаний об отце, которого он очень любил. Что же касается утверждения многих о том, что Мегрэ — это сам писа-

тель, то Сименон всю свою жизнь отрицал и опровергал это. Разумеется, сорок лет существования Мегрэ, постоянное стремление автора «влезть в его шкуру» не могли не оказать на него влияния, и тем не менее, Сименон прав, отрицая глубинное сходство со своим персонажем. Уж, во всяком случае, его отношение к женщинам диаметрально противоположно отношению Мегрэ, который всю жизнь прожил душа в душу со своей женой Луизой и никогда не обманывал ее.

Сименон дал Мегрэ жизнь, но и тот немало сделал для своего автора. «После того как я выдумал Мегрэ, я уже никогда не думал о деньгах», — констатировал Сименон. В самом деле, романы о Мегрэ сделали его мультимиллионером. Тем не менее, он никогда не вкладывал деньги в какие-либо прибыльные проекты, считая это аморальным и слишком уж в духе буржуа.

Вплоть до самой войны Сименон имел все основания быть довольным своей жизнью. Мало кто из авторов в то время писал столько, сколько он.

Они с Региной много путешествовали. Путешествия необходимы были Сименону для смены обстановки. Из них же он черпал материал для новых книг. Следует отметить, однако, что во время своих странствий Сименон никогда не вел никаких записей, полагаясь на свою память, но она порой подводила его. Взыскательные критики иногда находят неточности в так называемых «экзотических» романах Сименона, дей-

ствии которых происходило, как правило, в тропиках. Таких романов у Сименона девять.

В 1939 году писателя ждала нечаянная радость — Регина родила ему сына. Сименон всегда хотел ребенка, но перед женитьбой Регина поставила условие — никаких детей.

Вторая мировая война и немецкая оккупация не принесли Сименону и его семье особых материальных лишений. Они жили в деревне в Вандее, в большом удобном доме, у них было достаточно еды. Сименон продолжал работать. Но безоблачной жизнь назвать было нельзя. Полиция пронемецкого правительства в Виши почему-то решила, что Сименон — еврей. Ему грозила отправка в концлагерь. Жоржу пришлось пережить несколько крайне неприятных недель ожидания, прежде чем мать выслала из Льежа его метрику и другие документы, удостоверяющие его арийское происхождение.

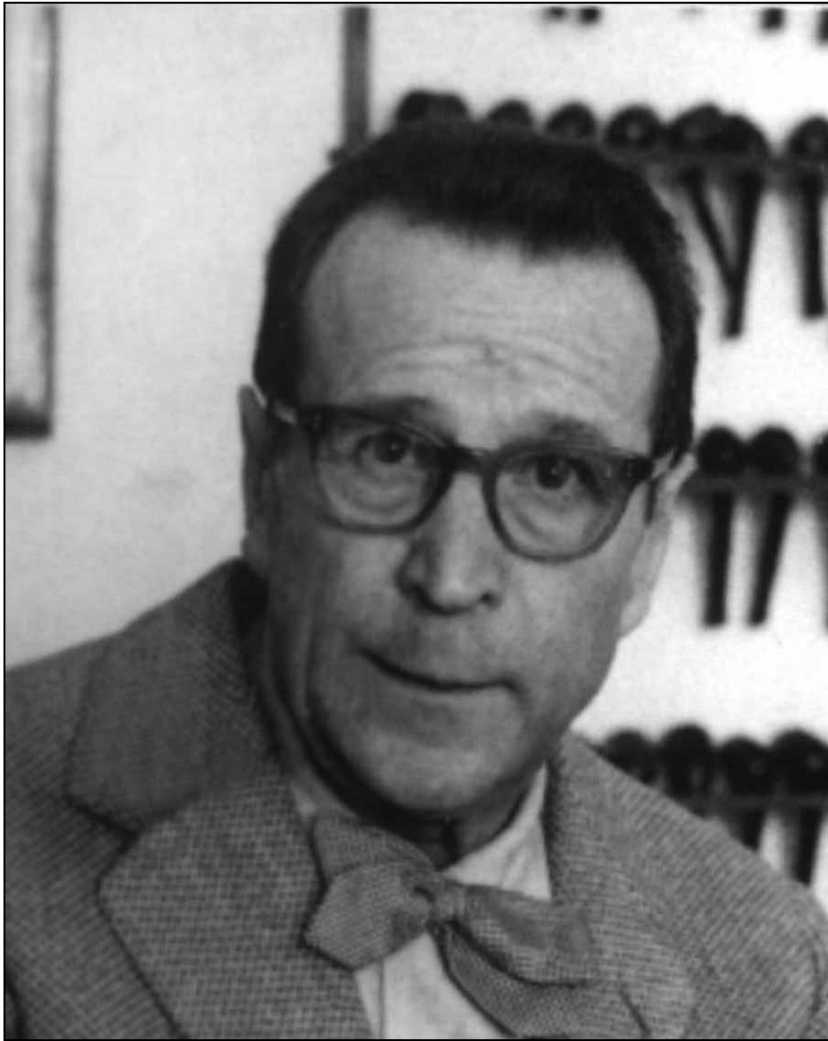
Это было не единственным обстоятельством, омрачившим жизнь Сименона в этот период. Летом 1940 года один довольно известный врач-рентгенолог обнаружил у него чрезвычайно опасную болезнь сердца, которая неминуемо должна была свести его в могилу буквально в течение нескольких лет. Поскольку отец Жоржа скончался довольно рано от грудной жабы, у него не было ни малейшего сомнения в правильности диагноза. Мнительный писатель обнаруживал у себя все симптомы опасной и неизлечимой болезни и пребывал в крайне подавленном со-

стоянии. Лишь в начале 1944 года родным и друзьям удалось убедить его обратиться к парижским врачам. Внимательно осмотрев пациента, лучший кардиолог Парижа со всей ответственностью заявил, что никакой грудной жабы у Сименона нет, и вообще, с таким сердцем можно прожить хоть полвека. (Почти так, кстати, и случилось. Сименон скончался в 1989 году в возрасте восьмидесяти шести лет.)

Жорж вернулся в деревню другим человеком. Однако это событие

имело и неприятные последствия. Вновь обретая вкус к жизни, Сименон потерял обычную осторожность. Однажды, неожиданно войдя в кабинет мужа, Регина застала его в постели со служанкой. Последовал жуткий скандал. Она хотела уйти из дому, однако Жоржу удалось удержать ее. Было заключено джентльменское соглашение. Они с Региной будут продолжать жить вместе. Для света они останутся мужем и женой,

однако отныне отношения между ними будут носить чисто дружеский характер. Каждый получил право на независимую личную жизнь.

Этот договор действовал в течение более чем шести лет. Возможно, Жорж продолжал бы оставаться с Региной и дальше, если бы в Соединенных Штатах, куда семья Сименонов отправилась в 1945 году, он не повстречался с Денизой Умэ. Это произошло в том же сорок пятом, но развелся с Региной Жорж лишь спустя пять лет.

Роман между сорокадвухлетним писателем и двадцатипятилетней франко-канадкой отличался небывалым даже для Сименона накалом страсти. В сексуальном плане Жорж нашел в ней идеальную партнершу. Тем не менее, на развод он решился только после того, как у Денизы родился ребенок.

Новая семья вернулась в Европу в середине пятидесятых. К этому времени у них было уже трое детей — два мальчика и девочка. Тем не менее, их совместная жизнь была далека от идиллии и давала все больше трещин. Эгоизм Сименона, его нежелание считаться с желаниями, а иногда и капризами Денизы углублялись проблемой, мягко говоря, неумеренного потребления спиртного. И грешили этим оба супруга.

До того, как Сименон начал писать романы о Мегрэ, он пил достаточно умеренно. Перед началом войны его «норма» уже доходила до трех бутылок кларета в день. Чтобы начать работу, утром ему было необходимо слегка «взбодриться». После работы он расслаблялся, выпивая изрядную толику коньяка, кальвадоса или шампанского. В Америке Жорж пристрастился к крепким коктейлям

и шотландскому виски. Вначале он пил вместе с Денизой. Плохо было то, что они, по выражению Сименона, «не могли вовремя остановиться». Сын Сименона Джордж вспоминал, что иногда его отец вступал в длительные периоды запоев. Нередко он становился свидетелем того, как пьяный отец швырял в мать посуду, а та, в свою очередь, устраивала ему истерики.

ентку психиатрических клиник. Скандалы между супругами продолжались с удручающей регулярностью. Сименон во хмелю нередко бывал буен. Дениза тоже порой становилась не в меру агрессивной. Врачи даже запретили ей водить машину.

В 1961 году в их семье произошло событие, которое в ту пору выглядело совершенно незначительным,

Они с Региной много путешествовали. Эти путешествия были необходимы Сименону для смены обстановки. Следует отметить, что во время странствий он не вел никаких записей, полагаясь на свою память, но она порой подводила его. Критики иногда находят неточности в так называемых «экзотических» романах Сименона, действие которых происходило, как правило, в тропиках. Таких романов у писателя девять

И все же врачи не считали Сименона алкоголиком в медицинском смысле этого слова. Они признавали, что он пьет чрезмерно много, но оправдывали его тем, что в спиртном он искал дополнительный импульс для творчества. Кстати, образ комиссара Мегрэ родился в воображении Сименона как раз после того, как он, сидя на террасе приморского кафе в голландском городке Делфтдейл, не торопясь, осушил три стаканчика превосходного местного джина.

Подобный образ жизни, однако, превратил Денизу в частую паци-

и, тем не менее, позднее перевернуло всю их жизнь. Дениза наняла новую служанку, молодую уроженку Северной Италии по имени Тереза. Фамилию ее не знал никто, кроме Денизы и Жоржа. Вскоре произошло то, что рано или поздно происходило со всеми служанками в доме Сименона. Тереза стала любовницей писателя, более того, его последней большой любовью.

Он выделил Денизе щедрое содержание, но разводиться с ней не стал, иначе ему пришлось бы пойти на раздел имущества. Сименон к тому времени был уже мультимиллио-

нером. Тереза продолжала жить в его доме сначала на правах служанки, а затем и хозяйки.

Еще в 1957 году Сименон с семьей переехал в Швейцарию, где налоги были гораздо ниже, чем во Франции. Он поселился сначала в двухэтажном средневековом шато, расположенном неподалеку от Женевского озера. Часто навещался в Голландию. Любил отдыхать во Флоренции и Венеции. В 1967 году Сименон выстроил себе новый большой дом недалеко от Лозанны. В доме было 26 комнат. Бассейн был оснащен специальной системой очистки воды, которая обошлась хозяину в 1 миллион швейцарских франков. Штат прислуги составлял одиннадцать человек.

С годами роскошь стала угнетать Сименона. В 1974 году он вместе с Терезой переехал в небольшой домик, он называл его «розовым», с садом и гигантским двухсотлетним кедром. Там патриарх тихо и скромно коротал свою осень.

Интересно, что до 1981 года Сименон запрещал журналистам печатать фото Терезы в газетах и журналах. Свой последний роман о Мегрэ он написал в феврале 1972 года. Однако не в привычках Сименона было оставаться праздным. За десять последующих лет он написал, вернее, продиктовал на магнитофон, более двадцати томов интересных и откровенных воспоминаний. «Своеобразная исповедь, — говорил он, — но вместо того, чтобы платить психоаналитику, я сам получил за это деньги».

Сименон был талантливым писателем. Быть может, его бесчисленные амурные похождения помогли ему, как он сам говорил, постигнуть женскую природу, узнать правду о Женщине? Увы, его творческие достижения в этой области не так уж впечатляющи. За исключением образа жены Мегрэ и женщины из его романа «Кошка», которую великолепно сыграла в одноименном фильме Симона Синьоре, писатель не создал ни одного запоминающегося женского образа. Представительницы прекрасного пола в его книгах четко делятся на две категории: добродетельные женщины, которым он придавал некоторые черты своей матери, и женщины легкого поведения. Дебри женской психологии никогда особенно не интересовали его ни в реальной жизни, ни в творчестве.

Да, Сименон не был романтиком в отношениях с женщинами, и жизнь ему отомстила за это. Он много страдал и заставлял страдать других. Он не всегда придерживался благородного девиза Мегрэ: «не судить, а понимать». И все-таки он был и навсегда останется крупным художником. Он писал для того, чтобы «освободиться от демонов, бушевавших в душе». Быть может, бесконечная погоня за вечно ускользавшей от него Женщиной тоже была попыткой усмирить этих демонов... Кто знает?

Последнее телевизионное интервью мэтр дал в декабре 1988 года. Скончался Жорж Сименон во сне в ночь с 3 на 4 сентября 1989 года в Лозанне. □

Николай Степанович заболел. Ну, не то, что бы уж сильно заболел, а так, простыл немного. Насморк появился, и герпес на губе выскочил. Казалось бы, пустяковое дело. Но поскольку Николай Степанович кроме детских болезней никогда ничем не болел, то он не на шутку запаниковал и решил, что отныне его могучее здоровье пошатнулось. А тут как раз и кризис среднего возраста подоспел, с наступившим недавно сорокалетием, первыми залысынами и беспричинно появляющейся грустью. В общем, он не на шутку струхнул и решил срочно обследоваться у врачей.

Николай Степанович работал в крупной и стабильной компании. Он был начальником и получал приличную зарплату. А так как семьи у него пока не было, все заработанные деньги он тратил исключительно на себя. Поэтому, чтобы миновать нервотрепку, царящую в бюджетных районных поликлиниках, он записался на прием в платный медицинский центр.

Первым, с кем встретился Николай Степанович, был терапевт Анатолий Николаевич. Он внимательно выслушал жалобы пациента, которые, «положа руку на сердце», и жалобами сложно было назвать, и тихо ему позавидовал. «Эх, мне бы твои проблемы», — хотел вслух сказать Анатолий Николаевич, но благоразумно промолчал. У самого-то терапевта проблем было куда больше, чем у его мнительного пациента. Тут и простатит хронический обострился, и запор уже четвертый день донимал. А главное, депрессивное состояние прогрессировало из-за трех дочерей, которые, достигнув совершеннолетия, продолжали «сидеть у отца на шее», нигде не учась и не работая. Жена Анатолия Николаевича, огромная, как книжный шкаф, женщина, ни дня в своей жизни не работавшая и не собиравшаяся, тоже осо-

бого позитива Анатолию Николаевичу не доставляла. Но к ней-то он давно привык и вполне мог содержать на свои заработки, а вот содержание дочерей в его планы явно не входило, и он мечтал поскорее выдать их замуж. Мечтать-то давно мечтал, а результатов все не было, женихи обходили их дом стороной.

— Доктор, доктор, вы слышите меня? — говорил тем временем Николай Степанович, заметив, что Анатолий Николаевич думает о чем-то своем, не имеющем отношения к его визиту.

— Конечно, слышу, — соврал Анатолий Николаевич, — я просто думаю над вашим диагнозом. «Хотя, что тут думать, — мысленно проговорил он, — дело ясное, клиент с жиру бесится». — Для начала вам нужно сдать анализы. Кровь и мочу. А через две недели с результатами снова придти ко мне на прием.

— Понял, все сделаю. У меня ведь, правда, что-то серьезное, доктор? — спросил с надеждой в голосе вспотевший от волнения Николай Степанович.

— И желательно было бы другим специалистам показаться. Списочек я вам написал, — сказал, не отвечая на вопрос, Анатолий Николаевич и протянул Николаю Степановичу листок, исписанный корявым почерком. «Хочет человек лечиться, пусть лечится, — рассудил терапевт, — надо же и своим коллегам-врачам дать заработать. Может, у них тоже дети на шеях сидят».

На следующий день Николай Степанович отправился сдавать кровь и мочу. Мочу он еще в шесть утра аккуратно в баночку собрал, с кровью тоже никаких проблем не возникло. Вены у Николая Степановича были такими, что промахнуться мимо них иглой, даже при всем желании, было невозможно.

Вечером по электронной почте пришли результаты анализов. Все показатели были в норме. Где положено — отрицательные, где допустимо — положительные. Анализы в порядке, теперь можно и по другим врачам походить, решил Николай Степанович.

Первым врачом из списка, который ему написал терапевт Анатолий Николаевич, был офтальмолог.

— Слушаю вас, — сказала врач-офтальмолог Татьяна Викторовна, глядя на атлетичную фигуру Николая Степановича.

Татьяна Викторовна была «старой девой» и в свои пятьдесят с «хвостиком» ни на что не надеялась, да, честно говоря, уже ничего такого и не хотела. Любоваться фигурой Николая Степановича ее заставлял инстинкт, от ее разума в этот момент не зависящий. Но она была опытным врачом, поэтому быстро взяла себя в руки и сосредоточилась на работе.

— Пришел по направлению терапевта — проверить зрение и глазное дно, — выпалил Николай Степанович заученную фразу, нацарапанную Анатолием Николаевичем на листочке.

Татьяна Викторовна быстро и профессионально проверила зрение, еще кое-какие манипуляции с глазами Николая Степановича проделала и вынесла вердикт, что пациент абсолютно здоров.

— Сосуды в порядке. Зрение — единичка, и до очков еще далеко, — сказала она, написав на бумаге медицинское заключение.

Но такой вывод совсем не обрадовал Николая Степановича. За время, прошедшее со встречи с терапевтом, он перечитал много медицинской литературы и сумел-таки убедить себя, что нуждается в лечении. В каком именно, еще точно не знал, но в его необходимости уже не сомневался.

«Похоже, что эта тетка не очень-то соображает в том, чем занимается», — несправедливо подумал он и твердо решил не сдаваться и идти дальше.

Следующим на его нелегком пути был врач ультразвуковой диагностики, занимающийся исследованием почек. Звали его Семен Семенович.

— Пьете? — вместо обычного «на что жалуетесь?», спросил он Николай Степановича, очень надеясь на положительный ответ, так как со вчерашнего дня мучился страшным похмельем, а поправить здоровье было не с кем. Одному пить почему-то в этот раз не хотелось. Сегодня ему нужен был не только собутыльник, но и собеседник, и он очень рассчитывал на Николая Степановича.

Но пациент подвел врача, ответив ему с гордостью в голосе:

— Я, доктор, вообще не пью. И даже не курю.

Последняя фраза о сигаретах была лишней, потому что Семен Семенович пытался на спор бросить курить и сегодня держался уже третий день, чувствуя, что до четвертого вряд ли дотянет. А после слов Николая Степановича окончательно понял, что не дотянет совершенно точно, и спор, который он затеял с травматологом на бутылку коньяка, теперь проигран им окончательно.

Недружелюбно посмотрев на пациента, Семен Семенович нахмурил лоб и процедил сквозь зубы:

— Раздевайтесь по пояс и ложитесь на кушетку.

Несмотря на то, что Николай Степанович явно не понравился Семену Семеновичу, это никак не отразилось на его профессиональных обязанностях, и он досконально, на сколько это позволял аппарат УЗИ, изучил почки своего пациента. Потом посмотрел анализы, принесенные Николаем Степановичем, и сделал заключение, что тот абсолютно здоров.

— Спасибо, доктор, — недовольно сказал на прощание Николай Степанович, так как в этот раз точно рассчитывал обнаружить какой-нибудь изъян в своем организме, но, увы опять получилась промашка.

Всю следующую неделю он упорно посещал разных врачей, пытаясь найти у себя хоть какую-нибудь болезнь. Но все было тщетно.

— Здоров, здоров, здоров, — твердили врачи в один голос, ставя на заключениях свои печати.

Терапевт Анатолий Николаевич, к которому Николай Степанович повторно пришел с ворохом анализов и медицинских заключений, тоже ничего страшного не обнаружил. Но Николай Степанович настаивал, что он нездоров. Тогда, чтобы избавиться от назойливого пациента, но не нарушить при этом врачебную этику, Анатолий Николаевич велел ему по три раза в день измерять давление и результаты записывать в таблицу. А через две недели с результатами снова придти на прием.

Начавший уже было отчаиваться, Николай Степанович опять воспрянул духом и, купив в магазине тонометр, стал измерять давление по пять раз в день, надеясь, что уж теперь ему точно повезет, и он все же найдет притаившуюся в его организме коварную болезнь. Но, несмотря на все измерения, тонометр упорно показывал сто двадцать на восемьдесят. Николай Степанович не сдавался и купил новый тонометр, решив, что старый попросту не исправен. Теперь он измерял свое давление по семь раз в день, а в выходные — девять.

И вот тут, наконец, случилось то, к чему он так стремился. В один из замеров тонометр как-то странно загудел, напрягся и выдал давление сто двадцать три на восемьдесят два. Это была победа!

— Вот оно, вот оно! — запрыгал от радости Николай Степанович. — Теперь-то я докажу этим эскулапам, что был прав и нуждаюсь в срочном лечении.

Чтобы улучшить достигнутый результат, он стал измерять давление каждый час в течение дня, а на ночь заводил будильник и три замера делал ночью. Но упрямый тонометр больше не давал шансов Николаю Степановичу усомниться в его здоровье, и всегда показывал сто двадцать на восемьдесят. Он злился, но продолжал неравную борьбу с медицинской техникой. Один из них должен был обязательно проиграть.

Первым не выдержал тонометр. При очередном замере его прекрасная, эластичная манжета лопнула, не выдержав силы упругого бицепса Николая Степановича.

— Слабак! — с чувством превосходства крикнул он тонометру и выбросил сломанный прибор в мусорное ведро.

Тем временем насморк давно прошел, от герпеса не осталось и следа, а давление так и не сдвинулось с отметки сто двадцать на восемьдесят. Но Николай Степанович все равно продолжал ходить по разным специалистам и сдавать всевозможные анализы, щедро тратя свои деньги и отнимая время у врачей. Врачи продолжали уверять его, что он здоров. Но он настолько убедил себя, что с ним что-то не так и невозможно быть абсолютно здоровым в его возрасте, что отказывался верить очевидному и считал, что врачи скрывают от него какую-то страшную правду о его здоровье.

Тогда Николай Степанович решил, что у него остался только один выход, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Для этого нужно убедить врачей, в прямом смысле слова, заглянуть к нему внутрь. Так он дозрел до необходимости хирургического вмешательства.

Поиски «понимающего» врача заняли еще два месяца. Пока, наконец, он не нашел то, что искал. Вернее того, кого искал.

Хирург Сергей Яковлевич прекрасно знал, кто такой Гиппократ, и что он от него клятвенно требовал, но кредит, взятый им в банке на покупку машины, влиял на него гораздо больше, чем наставления древнего врача. Поэтому сумма, предложенная Николаем Степановичем за операцию, успокаивала начинавшую, было, кричать совесть.

— Ну, сделаю этому идиоту разрез внизу живота и зашью обратно, сказав, что все в порядке. Он же сам настаивает на операции. А шрам будет красивый, я ведь умею работать хорошо, — говорил ей Сергей Яковлевич.

Совесть еще немного посопротивлялась и сдалась.

Упорство Николая Степановича было вознаграждено.

Операция, назначенная на вторник, прошла успешно. На животе Николая Степановича появился аккуратный шрам, а в руках оказалось заключение хирурга об успешно проведенной операции. Сергей Яковлевич смог рассчитаться с банком, а Николай Степанович наконец-то успокоился и отстал от врачей. □

В нашей стране можно насчитать, пожалуй, всего несколько режиссеров, которые в век продюсерского кино продолжают оставаться главными людьми в сложносочиненном процессе создания кино, и поэтому имеют полное право решать, что снимать и как снимать. Сергей Урсуляк — один из них. Это право он доказал своими картинами. Давно и надолго. Будучи очень хорошим актером (Константин Аркадьевич Райкин, конечно, не даст соврать), Сергей Владимирович уверяет, что с лихвой удовлетворил все свои актерские амбиции, оставив для себя одну-единственную прерогативу — режиссерский показ. Думаю, по той же самой причине Урсуляк никогда не проводит унижительных для актеров проб. Если актер или актриса ему интересны, он просто разговаривает с ними «за жизнь», а сам не спеша решает, будет ли с ними работать или нет. Поскольку он давно уже сотрудничает только с теми продюсерами, которые ему целиком и полностью доверяют, Урсуляку в своем выборе нужно убедить только одного-единственного человека — самого себя.

**Сергей
Урсуляк**

«Творчество — это всегда процесс с непредсказуемым результатом»

Фото автора

— Сергей Владимирович, как вы ни старались найти какие-то подробности, хоть что-то, говорящее о вашем детстве и отро-

честве, найти их так и не удалось. Итак, вы родились в Петропавловске-Камчатском в семье военного и учительницы...

— Петропавловск-Камчатский я, конечно, не помню. Мне было полгода, когда меня оттуда увезли. До восьми лет я рос в Магадане, поэтому его считаю родным городом. А также подмосковный Электросталь, где жили бабушка с дедушкой по материнской линии. Мы очень часто там бывали.

У меня есть младший брат. Родители нас любили, просвещали, читали, водили, возили. Сейчас можно сказать, что у нас была замечательная семья. В силу своего характера я плохого не помню, и поэтому все, что прошло, мне кажется волшебной сказкой. А детство кажется особенно волшебным.

— Что вы любили больше всего?

— Очень любил читать. Рано научился читать и читал много, тем более что у нас была очень хорошая библиотека. Это сейчас я читаю мало и выборочно.

— Перечитывали какие-то книги?

— Неоднократно перечитывал. «Волшебника изумрудного города», «Кортик», «Бронзовую птицу», «Денискины рассказы» и, конечно, Дюма перечитываю до сих пор. Позже полюбил Булгакова, которого тоже многократно перечитывал. В этом смысле детство у меня, с одной стороны, — типич-

ное, а с другой — индивидуальное. В смысле счастья.

— Как возник интерес к театру?

— Меня с ранних лет водили в театр. И в Магадане, и в Хабаровске, куда мы потом переехали. В театр меня, кстати, регулярно водили и в Москве, когда мы приезжали в Электросталь. Помню, были во МХАТе, в Театре сатиры. В те времена московские театры часто гастролировали. Хорошо помню, как в Хабаровск приезжали с месячными гастролями разные театры, и мы всегда ходили на их спектакли.

— От какого спектакля у вас осталось самое яркое впечатление?

— Пожалуй, от «Женитьбы Фигаро» в Театре сатиры.

— А какой фильм вам нравился больше всего?

— «Гусарская баллада» Эльдара Рязанова, которую я посмотрел в четыре с половиной года. Ничего лучше я долгие годы не видел. Да и видеть не хотел. Этот фильм я смотрел, наверное, раз девяносто или сто пятьдесят. Война 1812 года стала для меня абсолютно реальной. Я очень в это поверил. Так что Рязанов и его актеры сыграли в моей жизни огромную роль в смысле выбора профессии и жизненно-

го пути. До сих пор, встречая Ларису Ивановну Голубкину, я немножко вздрагиваю. А уж когда я попал в дом Юрия Васильевича Яковлева (я учился с его сыном на одном курсе) и увидел его живого... лишился дара речи.

Виктор Григорьевич Кольцов, снимавшийся в этом фильме, преподавал в училище имени Щукина. А когда уже много позже я познакомился с Эльдаром Александровичем Рязановым — это был один из самых счастливых моментов. Он ко мне очень хорошо относился, выделял и как-то незаслуженно высоко отзывался обо мне.

— Почему же вы не снимали в своих картинах кумиров детства?

— У меня была попытка пригласить в картину «Русский рэгтайм» Юрия Васильевича Яковлева. Попытка не увенчалась успехом. Хотя потом, когда мы как-то случайно встретились, он мне сказал: «Почему ты меня никогда не зовешь в свое кино?» Я не стал ему напоминать, что звал.

— Ваша супруга, прекраснейшая актриса Лика Нифонтова, как-то сказала, что вы разрушили две семьи... Как это было? Что произошло, когда вы впервые увидели Лику?

— Мне просто понравилась девушка. Дальше все было ужасно и

отвратительно. Потому что и девушка была не свободна, и я был не свободен. Совсем. Сложилась просто мучительная ситуация. Я с большим трудом решился на перемену своей жизни, о чем, конечно, сейчас нисколько не жалею, потому что, как говорил Марк Захаров, выбор жены влияет на человека гораздо сильнее, чем выбор профессии и все остальное.

— Когда снимали «Тихий Дон», вы сказали, что любовь Аксиньи — это стихийное бедствие. А ваша любовь — счастье или стихийное бедствие?

— Все-таки я — не Григорий Мелехов, а Лика — не Аксинья. У нас поспокойнее было. Хотя, конечно, мы все, так или иначе, проходим через эти круги ада. Особенно когда понимаешь, что человек, которого оставляешь, замечательный человек. Если бы я мог в чем-то упрекнуть свою предыдущую жену, было бы гораздо легче. Фокус в том, что и Галя, и наша дочь Саша — это огромная часть моей жизни. Я их очень люблю. Но все бывает, как бывает. Тем не менее, настоятельно советую всем все-таки с первого раза встречать своего человека.

— Были в вашей жизни большие хорошие глупости, о которых говорил легендарный Ипполит Юрия Яковлева?

Сериал «Ликвидация»

— В моей жизни было много разного. Может, не так бурно, как у кого-то, но вполне достаточно для меня. Но по старости я уже многое не помню.

— Может ли Лика преподнести вам какой-нибудь неприятный сюрприз?

— Нет, сюрпризов от Лики я уже не жду. Все остальные регулярно их преподносят. Внуки подрастают. Так что сюрпризы ожидаются неизбежно.

— Как вы проводите досуг, когда вы вместе? Мне почему-то кажется, что вы читаете друг другу книги?

— Это было бы слишком изысканно, если бы мы читали друг другу. Только внукам. Смотрим кино, ходим в театр. Ездим часто вместе. Иногда мне кажется, что мы очень привязаны друг к другу. Даже слишком. Потому что все время неразлучны. Конечно же, мы живем жизнями друг друга и своих детей. Опять же, возможно, даже в большей степени, чем нужно. Мы знаем много таких нюансов, каких, может, и знать не надо.

— Лика хорошо умеет готовить? Что вам нравится больше всего?

— Все. Лика, в силу того, что в ней есть грузинская кровь, очень

любит грузинскую кухню. И опять же в силу грузинского воспитания и того, что она жила в Тбилиси, Лика просто обожает застолья. Я это люблю меньше. У нас регулярно появляются какие-то родственники, гости, знакомые. И, конечно, наша традиция — новогодний стол, когда у нас собирается человек двадцать пять. Каждый год. Как на работу.

— Как вы думаете, действительно ли все счастливые семьи счастливы одинаково?

— Толстой имел в виду то, что писать о счастливой семье гораздо скучнее, чем о семье, в которой происходят какие-то драматические события. В этом смысле, конечно же, все счастливые семьи счастливы одинаково. Но на самом деле в нашем кино лично мне очень не хватает рассказа о счастливых людях. Такого, например, как в фильме Данелии «Я шагаю по Москве» или в фильме Меньшова «Москва слезам не верит». Сегодня нам всем не хватает ощущения приятия жизни. Того, чем было сильно советское кино. Лучшие фильмы Рязанова — фильмы человека, который живет в приятии жизни. Мы и любим их именно за это.

— Вы когда-нибудь снимите Александру Урсуляк в своей картине?

— Наконец-то снял. В телесериале «Ненастье» Саша сыграла небольшую, но очень важную роль — роль жены афганца-инвалида Флерова. Так что мечта исполнилась.

— Вы довольны ее театральной карьерой?

— Фокус и ужас ее профессии и моей в том, что понять то, как сложилась карьера, можно только на похоронах. Я считаю, что она развивается правильно. Осознанно и осмысленно. И какие-то ее работы просто поражают меня своей талантливостью. Она изумительно редкого качества актриса. Ее работы в «Ночах Кабирии» или в «Добром человеке из Сезуана» — это грандиозные актерские победы. В этом смысле я очень доволен Сашкой. Как, впрочем, и Дашкой. При этом есть и то, что мне нравится меньше или не нравится совсем. Мы всегда все обсуждаем.

— Работой младшей дочери Даши в «Тихом Доне» вы довольны?

— Да. Я верю, что она может вырасти в очень хорошую актрису. Почти в этом уверен. Но опять же понимаю, что профессия эта зависит от очень многих обстоятельств. Очень важно то, какой материал тебе предлагают, с каким режиссером ты работаешь. Знаю много изумительных акте-

Сериал «Ненастье». Александра Урсуляк

ров, таланты которых, в силу того, что они были не в том театре, не в той среде, скукоживались. И знаю актеров гораздо менее одаренных, которые, в силу правильных обстоятельств жизни, расцвели и превысили свои возможности процентов на двести.

— Конечно, атмосфера, в которой находится актер, очень много значит. Как вам удается создавать на площадке плодотворную атмосферу?

— Просто я думаю не только о них, но и о себе. В правильной атмосфере мне работать проще.

Поэтому я их и подбираю специальным образом. И группа специальным образом организована. Люди, которые работают в моей съемочной группе, я имею в виду костяк, отбирались путем жизни. Мы сделали уже не одну картину вместе. Не могу сказать, что вписаться в нашу группу очень легко. Многие приходили и не задерживались. Не могу также сказать, что мы все живем душа в душу, иногда ссоримся. Но в основном я уверен: это люди очень порядочные. Когда приходит новый человек, первое, что я ему говорю: можно понять и простить все, что угодно,

Сериал «Тихий Дон». Дарья Урсуляк

главное — нельзя врать. Если человек выполняет это и, конечно, свои обязанности, то он может задержаться. Сейчас, конечно, сложно с людьми, потому что все хотят побыстрее и подешевле, но, тем не менее, я держусь за свою группу.

— Вы обычно не проводите актерских проб. А есть ли у вас какие-то «контрольные вопросы», как, например, у Черчилля, который, прежде чем принять человека на работу, спрашивал, умеет ли он играть в шахматы?

— Какого-то контрольного вопроса во время предварительного общения с актерами у меня нет. Это чисто ощущение вещь. Люблю

актеров самоотверженных, не капризных, честных по отношению к профессии и не люблю капризных, звездных, трепливых, не говоря уже о пороках типа пьянства и тому подобного. Это не значит, что у меня не работают пьющие актеры, или я запрещаю думать о выпивке. Просто это не должно мешать работе. Хотя, конечно, у меня были случаи, когда кое-кто нарушал режим, и это приводило к печальным последствиям.

— Мне рассказывали актеры, которые у вас снимались, что вы не только режиссер, вы еще и тонкий психолог. Если понимаете, что актеру надо выпустить пар, оставляете его

в обществе костюмеров и гримеров до тех пор, пока он...

— Не устанет от собственного раздражения по поводу раннего подъема или неготовности площадки, не того платья или не тех брюк.

— А сами вы можете начать поругаться прямо на площадке, с продюсером, например?

— Вряд ли. Продюсеры мои — люди понимающие, никогда не спровоцируют скандал на площадке. Однако тут нет правил. Иногда накатит так, что все может произойти...

— А «похулиганить» на площадке вы любите?

— Нет. Хотя у нас всегда атмосфера товарищества. Мы много шутим, много смеемся. Если будем еще и хулиганить, то вообще ничего не снимем. Если говорить о юморе, я люблю юмор, рожденный сию секунду. И людей, которые умеют этот юмор из любой ситуации вынимать. Это умеет Александр Анатольевич Ширвиндт, например. Или Володя Машков, у которого юмор совершенно другой природы, но он тоже умеет шутить виртуозно. Константин Райкин, конечно. Это те, кого я знаю лично. Из незнакомых — Иван Ургант.

— Вы можете учудить что-нибудь похуже на то, что од-

нажды сделал, например, Сергей Федорович Бондарчук. На съемках картины «Ватерлоо» он подкрался к Роду Стайгеру, игравшему Наполеона, и выстрелил ему в спину. Холостым, конечно. Так он на крупном плане добился его нужной реакции...

— Нет, такого я никогда не делал. Хотя какие-то провокации, я, конечно, устраиваю, если это нужно для съемок. А вообще, у каждого режиссера свои приемы. Кто-то, например, может ударить актера и тут же начать снимать. Меру того, что ты можешь себе позволить, а что нет, каждый определяет для себя сам. Поскольку я был актером, всегда становлюсь на его место, поэтому от многих вещей мне приходится отказываться. Хотя иногда и делаю что-то такое, что крайне не люблю. Например, кричу на актеров, особенно на молодых, когда вижу их несобранность. Но на самом деле все это от беспомощности. Когда ты не можешь добиться чего-то режиссерскими средствами, ты начинаешь проявляться как-то иначе.

— Вы можете вдруг «выкинуть коленца» и сняться в кино у другого режиссера, как это делают, например, режиссер Астрахан или режиссер Пускепалис?

— Во-первых, не зовут. Во-вторых, думаю, что я недостаточно

хорош для этого. Я поэтому и в своих картинах не снимаюсь, всегда зная, что есть человек, который сделает это лучше.

— Вы пересматриваете свои картины?

— Никогда не смотрю их целиком. Я знаю режиссеров, которые сняли бы лучше. Но это не значит, что я схалтурил. Нет, я сделал все, что мог. Поэтому я «подглядываю». Смысл занятия кинематографом не в том, чтобы сделать что-то и кайфовать, а в том, чтобы попытаться перепрыгнуть через свое несовершенство. Творчество — это всегда процесс с непредсказуемым результатом. Помню, как-то я был на просмотре очень среднего фильма. И вот зажегся свет, я с ужасом думаю о том, что сейчас надо будет что-то сказать. И вдруг режиссер подходит ко мне и говорит: «Смотрю и думаю, какой же я все-таки замечательный режиссер». Так что варианты взгляда на то, что ты делаешь, бывают разные.

— Вы когда-нибудь шли на сделку с продюсерами?

— Формально говоря, приглашение Машкова на роль Гоцмана — это была сделка с продюсерами. Изначально то, что было написано в сценарии, ну никакого отношения к Машкову не имело. По крайней мере, внешне. Если бы Володя был менее замечательным акте-

ром, не знаю, как бы я отнесся к предложению продюсеров. Сделка это? Без сомнения. Но на такие сделки я готов идти.

— А бывали ли случаи, за которые вам было неудобно?

— Нет. Были советы продюсеров, которые я воспринимал в штыки. Помню, еще на первой картине «Русский рэгтайм» Тодоровский, Ливнев и Толстунов, которые были тогда такими опекавшими меня людьми, что-то мне постоянно советовали. Все их советы я воспринимал в штыки. Тем не менее, какие-то из них, например, советы Игоря Толстунова, я очень хорошо помню, дали мне возможность по-другому посмотреть на какие-то сцены и смонтировать их лучше. Мои первые сборки всегда смотрят мои дети, моя жена, мои близкие друзья, например, Паша Любимцев, который регулярно смотрит все на самом раннем этапе. И все они дают мне какие-то советы, часто прямо противоположные тому, что хотелось бы мне. Тем не менее, я к ним иногда прислушиваюсь. Мнение талантливых людей всегда важно и интересно, ведь в диалоге, и не только с самим собой, можно действительно что-то сделать.

— Вам было бы интересно предложение снять какой-нибудь фильм за рубежом?

«Сочинение ко Дню Победы»

— Нет. Я бы не хотел работать ни в Америке, ни в других странах. Там нужно жить и делать все так, как там принято. Я же могу только приехать туда, посмотреть и уехать. В лучшем случае — по доброй воле. В худшем — когда меня выгонят. Потому что я не могу соответствовать тому, как у них там все делается. Мне и здесь хорошо.

— Вы когда-то мечтали снять комедию...

— Мечта осталась, а комедии нет. Может быть, мне не хватает чувства юмора, чтобы понять, куда двигаться. Кстати, юмор ведь тоже меняется, и меняется, на мой взгляд, не в лучшую сторону. Огрубляется. Оглупляется. Что ему не на пользу. В России всегда был свой юмор. Со своими корнями и качеством. Слава богу, живы еще

люди, носители этого юмора. Но они, к сожалению, не влияют на огрубление и оглупление.

— По вашему мнению, кинематограф по-прежнему должен ставить задачу воспитывать человека?

— В известном смысле — да. В тот самый момент, когда человек смотрит хороший фильм, идет в хороший театр или читает хорошую книгу, он становится лучше. Дальше он возвращается к себе. Но вот тот момент, когда он вспоминает, каким он мог бы быть, все равно существует. И будет существовать. Мне кажется, в этом предназначение искусства. Хотя, мне кажется, желание улучшать людей с помощью кинокартины или спектакля — это все-таки утопия.

«Одесский пароход»

— Если вас вдруг позовут влиять на нештучное положение дел в культуре, предложат, например, пост министра культуры, согласитесь?

— Пускай сначала предложат. Не знаю ни одного человека, который, заняв пост министра культуры, сохранил бы хорошие отношения в творческой среде. Единственный выход — не принимать никаких решений, не влиять на ситуацию. Пусть все идет как идет. Как только начинаешь влиять на ситуацию, ты обязательно испортишь отношения. Быть министром культуры — это самое неблагоприятное занятие,

особенно в ситуации дефицита денег, выделяемых на культуру. Но то, что он должен влиять на происходящее сейчас, для меня абсолютно ясно. Мне кажется, что формула «пусть расцветают все цветы» у нас сейчас не очень работает. Я, конечно, имею в виду поддержку по эстетическим соображениям, а не по политическим.

— В этом смысле, что может сделать для сохранения культуры скромный служащий кино или театра?

— Единственный выход — делать свое дело качественно. Каж-

дому на своем месте. Максимально хорошо и максимально честно. Так, чтобы не было стыдно. Глобальные вопросы не всем дано решать. Не у всех есть для этого ресурс, задор и силы. Мне в самом начале моего пути, еще актерского, один очень хороший режиссер сказал: может сложиться так или иначе, но ты должен поступить так, чтобы ты себя ни в чем не мог упрекнуть. Если каждый из нас возьмет это за основу, тогда, мне кажется, дело с мертвой точки может и сдвинуться. Фокус в том, что сегодня критерии профессиональной честности утрачены, и цеховой стыд большой роли не играет. В то время, когда я поступил в театральное училище имени Щукина, режиссеры были разные, но все знали, кто хороший, а кто не очень. Сейчас любой режиссер может считаться и хорошим, и плохим, потому что утрачены критерии...

— И совесть, которая сегодня похожа на аппендицит, как вы однажды выразились...

— Да, и профессиональная совесть.

— Владимир Яковлевич Мотыль говорил о вас как о своем первом ученике. Я это слышал лично от него. Расскажите, пожалуйста, об этом уникальном человеке...

— У нас не было душевного общения. В силу его и моего ха-

рактеров. Я очень долгое время подозревал его в том, что он меня не очень-то и ценит и никаких перспектив не видит. Терпит просто. Наверное, я заблуждался. Много позже я понял, что он относится ко мне хорошо, с вниманием и уважением. Он был цельным человеком, очень сосредоточенным на своей внутренней жизни. Не пытался быть везде, жил очень по сути. Может быть, это и минус, потому что он недополучил при жизни много того, на что вполне мог претендовать. Результатом стало то обстоятельство, что его фильмы известнее, чем он. Но по этому поводу не нужно расстраиваться. Есть такие режиссеры, которых мы не очень знаем и в лицо не узнаем, а их фильмы являются частью народного сознания. Мотыль — один из них. У меня осталось от него ощущение порядочности. Когда кто-то говорил какую-то глупость, он смотрел с такой суровой брезгливостью, что становилось нехорошо. Поэтому я не звал его на свои премьеры, боялся этого его взгляда и того, что этот взгляд может на долгое время лишит меня возможности существовать. Я к нему всегда относился с огромным уважением. Думаю, что Мотыль — одна из самых значительных фигур в нашем кинематографе.

— Не могу не спросить об Эдуарде Яковлевиче Володар-

ском, с которым вы блистательно сделали «Жизнь и судьбу». Как вы познакомились?

— В кабинете на канале «РТР». Я, конечно, много разного слышал про него и относился к нему как-то опасливо. Но, как выяснилось, зря. Он был замечательным мужиком. И иметь дело с ним было очень приятно. К сожалению, в силу сложности своего характера, я получил от него гораздо меньше, чем мог бы... Володарский — мастер, каких мало. Он был очень цельным и живым. Очень активно жил. В нем было много всего. Он что-то очень любил, а что-то очень не любил. Думаю, что только на таком стыке и можно писать серьезные вещи.

— Вы общаетесь с отцом Андреем (Щенниковым), который когда-то, скажем так, в своей прошлой жизни, сыграл в вашем чудном фильме «Долгое прощание» главную роль?

— Нет. Какое-то время я посылал ему эсэмэски, но он не отвечал, и я перестал. Я очень рад за отца Андрея и мне очень жаль актера Андрея Щенникова.

— Вы могли бы снять картину о такой судьбе?

— Не знаю. Это не умозрительная вещь. Судьба отца Андрея — не единственная. Близкий друг нашей семьи — архимандрит отец Исидор. У него похожая судьба.

Насколько мне как режиссеру это интересно, зависит от конкретного материала.

— Что задело вас за живое в последнее время?

— В последнее, как, впрочем, и в предпоследнее, меня больше всего задевали мои близкие: мои дети, мои внуки, мой внук, моя жена... И то, что я делаю.

— А что напрягло или удивило?

— Сгусток бездарности, глупости и маразма, который вдруг явился со всех сторон. И я подумал: ну вот, количество перешло в качество.

— Ваше последнее театральное потрясение...

— Поскольку я все время нахожусь в процессе съемок, у меня часто не бывает душевных сил для того, чтобы посмотреть чужое творчество. В этом смысле я какое-то время живу в темноте и невежестве, а потом срочно наверстываю. Недавно вот ходили на спектакль Бутусова «Барабаны в ночи» в Театр имени Пушкина. Прекрасный спектакль. Еще были на нескольких замечательных постановках в Большом театре, который переживает сейчас настоящее возрождение.

— А какую музыку вы любите слушать?

«Русский
регтайм»

— Разнообразную. У меня в машине настроены радио «Орфей» и радио «Шансон». В этом смысле я легко переключаюсь с одного на другое. Если мне хочется доказать себе, что можно и хуже, я включаю «Шансон». Если хочу сказать себе, что еще есть куда тянуться, включаю «Орфей». Я не понимаю тех людей, которые говорят: «А эту музыку я вообще не слушаю». С большим интересом слушаю, например, рэп. Не потому, что подпеваю, а потому, что просто хочу понять. К музыке отношусь очень хорошо. Это видно по моим фильмам — пишу ее везде.

— **Если бы лет так через пятьдесят кто-то сделал программу, подобную вашей «Пестрой ленте», о легендарном режиссере Сергее Урсуляке,**

как вы думаете, с чего бы она началась?

— Все подобные передачи делаются простым способом. Думаю, пошла бы нарезка из разных фильмов. Под музыку из «Ликвидации».

— **А ваши актерские работы вошли бы в эту программу?**

— Нет, конечно, это еще хуже, чем режиссура. Я абсолютно потерял интерес к актерской профессии. Иногда смотрю на актеров и думаю: «Как они так умеют делать?..»

— Вы всегда говорите, что работаете в кинематографе, и никогда не говорите, что вы — кинорежиссер. Почему?

— Потому что это все равно, что сказать: «Здравствуйте! Я — главнокомандующий!» □

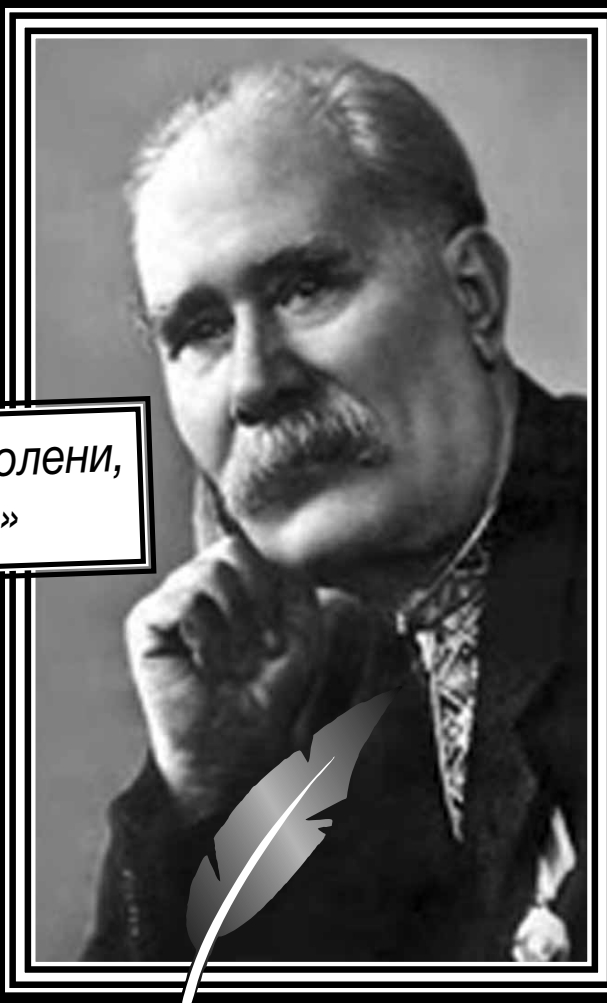
Беседовал **Олег Дуленин**

Виктор Ом

«ДОНБАССУ ЖИТЬ!...»

«Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!...»

Поэт
Павел
Беспощадный

Слова этих поэтических строк в Донбассе знает каждый. Они звучат с телеэкранов, разносятся степными ветрами по волнам радиопрограмм, красуются яркими красками на баннерах у автострад и стали духовным талисманом непокорного шахтерского края — Донецкой Народной Республики!..

Случается, что в ответ на вопрос, кто же автор этих широко известных строк, можно услышать (чаще от молодежи): «Это — народная присказка! Так высказался «Батяня-народ» когда случилась «Революция Достоинства», наша «Русская весна!»...

Простим молодым — они еще «захлебываются» от радости бытия! А в «блаженно-радужном» состоянии разрывается связь с реальностью...

Автор этих популярных строк есть (точнее — был, жил, существовал). Поэт трудового Донбасса — Павел Беспощадный! И не просто поэт, а символ времени — символ доблести Донбасса!

Но настоящей родиной советского поэта Беспощадного (литературный псевдоним Павла Григорьевича Иванова) был не донецкий край, а небольшая старинная деревенька Сеславль в Смоленской области (губернии). В наше время деревня находится на территории Брянской области, и там в 2010 году проживал всего один-единственный житель! Увы, деревенька разделила печальную участь сотен и тысяч сел и деревень...

«Беспощадный» — псевдоним, который со временем «обратился» в фамилию поэта, с которой он и остался в истории литературы Донбасса...

Почему — Беспощадный? Он хлестко и жестко клеймил поэтическим словом буржуев и весь хищнический, паразитический уклад «кровососов» жизни...

Будущий поэт родился в многодетной семье (у него было семнадцать братьев и сестер!) А отец Павла, ко всем бедам и недоимкам, был безземельным крестьянином, и именно это тягостное обстоятельство вынудило семью к переселению в Донбасс в 1907 году. Безземельные русские крестьяне ехали в надежде найти работу. А работы было много! Разворачивал «железные крылья» капитализм и богатейшие залежи земель Донбасса обращал в суперприбыльный индустриальный регион.

Эти степные земли давно стали «вотчиной» английского промышленного бизнесмена Джона Юза. Он приехал в нашу страну в 1869 году. Выкупил земли у русского князя Кочубея, который не смог найти финансирование для строительства на юге России сталелитейного завода и железной дороги. Таким образом, англичанин оказался в Екатеринославской губернии, на берегах известной реки Кальмиус.

В этом просторном степном районе в то время были лишь разброса-

ны редкие маленькие села, да среди них энтузиасты-копатели собственных шахт, частные добытчики угля. Вот и сложилось так, что именно предприятие Джона Юза и стало основой нового мощного промышленного региона на юге России.

Став владельцем этих земель, он незамедлительно принялся за строительство металлургического завода с рабочим поселком при нем, а параллельно — за разработки угольных залежей...

Так Джон Юз, а затем его сыновья начали освоение донецких земель в конце XIX-го — начале XX-го веков...

Дорвавшись до несказанных природных богатств России, англичане старались изо всех сил выжать из этой «крестьянской» страны как можно больше капиталов и всевозможных прибыльных выгод.

Самым широким фронтом Юз и его поделщики применили безотказный способ для продвижения «захватнических идей» — взятки! Благо в России эта манипуляция всегда процветала среди чиновников и начальников

Магия взятки сработала феерически — вероятно, сам Юз не ожидал такого эффекта. Через несколько лет на юге «большой России» появилась своя «маленькая Англия», а Юз — фактически — ее полноправным властелином! Никому не подчинялся, хотел — и властвовал. Даже зарплату рабочим выдавал, когда хотелось ему, а не по общепринятому графику...

Жалобы российскому императору не доходили — их нивелировали и уничтожали подкупленные чиновники всех рангов!.. И поэтому, плохо осведомленный, он едва ли не к каждому празднику одаривал ушлого британца кольцами, с дорогущими бриллиантами.

А народ? Народ, по словам другого поэта, — безмолвствовал!

Но время от времени терпение закабаленного рабочего люда выходило из берегов, и вотчину Юзов охватывали яростные вспышки народного гнева — начинались стачки, забастовки, беспорядки... Самая крупная забастовка случилась в 1892 году, в ней участвовали больше шестнадцати тысяч рабочих и шахтеров. Но и эту столь масштабную стачку власти подавили... Жестоко! Многих застрелили, более ста человек придали суду. Очень помог британцам наш царь, прислав для усмирения недовольных регулярные войска и вездесущих казаков...

Чужеземцы — хозяева, как и полагается капиталистам, думали и беспокоились только о своих прибылях и совершенно не занимались вопросами техники безопасности и прочими «пустяками», которые массово уносили человеческие жизни нищих и голодных русских селян...

Джон Юз умер в Санкт-Петербурге в 1889 году. Его дело возглавили сыновья.

Для рабочих это событие не принесло никаких изменений. Отлаженный маховик по-прежнему обога-

вателем города Юзовки! (нынче — город Донецк)

В наше «славное» время, в 2014 году, «благодарная Украина» устроила торжества и поминальные мероприятия по случаю 200-летия со дня рождения Джона Юза! В честь этой даты в Донецке был установлен памятник англичанину. А вот ужасающую, до мурашек по коже, статистику смертей простых русских людей, русских жизней, отданных «ненасытному чудищу», никто не назвал.

Почему? Ответ умом не постижим! Прав мудрец, воскликнувший: «О, времена! О, нравы!»

Кстати, всего в двадцати километра от Юзовки родился и жил Александр Алексеевич Ханжонков. Это его называли «отцом русского кинематографа». Нынче в Донецкой области существует поселок Ханжонково. Сегодня это большой поселок — с развитой инфраструктурой, многоэтажными постройками и городским укладом жизни...

Итак, будущий поэт с 1907 по 1917 годы работал в шахте, а в 1918-м ушел добровольцем в Красную армию, где ему довелось воевать и хлебнуть всех «прелестей» солдатского бытия... Он яростно воевал «За Власть Советов», отвергнув в душе и сознании все несправедливое прошлой жизни. Само течение ее указывало — для трудового Донбасса перемены необходимы, ибо «старая жизнь» не приносила ничего, кроме нищеты, голода и страданий!

После демобилизации Павел Григорьевич вновь вернулся на свой рудник.

Снова работал под землей, только теперь еще писал стихи. У него проявилась безудержная страсть к поэзии, и бушевала в молодой горячей душе любовь к писательству, литературе, искусству. Он стал активным участником рабкоровского движения в Донбассе.

Путь в литературу почти у всех начинающих трудный. Даже у хорошо образованных и много знающих авторов, а что говорить о поэте, который ходил только в церковно-приходскую школу и фактически был самоучкой! Все прошедшие три года он терпеливо и настойчиво носил свои стихи в редакции, но их упорно не печатали, отказывали под разными предлогами. Кого-то из редакторов раздражала явная безграмотность уже не совсем молодого начинающего «виршеплета», других — откровенная самоуверенность, а иные не могли смириться, что стихи писались только заглавными буквами и напоминали страничку из тетрадки первоклашки... Были и такие, которые не находили нужным печатать «каких-то» простых работяг.

И только в 1924 году усилия поэта увенчались успехом! Первые стихи 18 мая 1924 года напечатала газета «Кочегарка» (Всероссийская кочегарка), и вскоре, совершенно неожиданно, Павла Григорьевича пригласили работать в редакцию (в отдел писем) очень популярного в те вре-

мена издания... Ему в то время было уже 28 лет, что для начала литературной деятельности казалось многовато...

Но! Но! Но!...

У Иванова был не просто характер, а характер — огнеупорный! Он почти всю свою сознательную жизнь занимался самообразованием. И эта жажда узнавания нового не оставляла его до самой кончины. А тогда он со всей молодой энергией и жаждой набросился изучать творчество поэтов-современников: Владимира Маяковского, Демьяна Бедного, Аркадия Светлова, Владимира Сосюры, Эдуарда Багрицкого, Александра Жарова и других поэтов и писателей.

Теперь уже Павел Григорьевич принимал активное участие в работе «Союза Пролетарских Писателей», позже — в Донецком филиале ВУСПП (Всеукраинский Союз Пролетарских Писателей).

В 1927 году публикации поэта появились и в журналах «Забой» и «Горнорабочий», а в 1930-м вышел в свет его первый авторский сборник стихов «Каменная книга».

Павел Григорьевич печатался в самом известном и популярном в то время в народе — журнале «Забой», наряду с известными писателями Донбасса и Украины — Борисом Горбатовым, Михаилом Снежиным, Григорием Баглюком, Николаем Олейниковым, Порфирием Тройдубом, Романом Ковалевским и другими. Кстати, основали и стали его выпускать в Бахмуте (теперь Артемовск) двое писателей, приехавших из Петрогра-

да — Михаил Слонимский и Евгений Шварц. Вскоре вокруг журнала собралось донбасское сообщество пролетарских писателей.

Поэт много времени уделял общественной деятельности, много ездил и выступал перед трудящимися Донбасса. Но главным делом, конечно, оставалась поэзия. Она, и только она была самым мощным духовным устремлением всей его жизни!

*Среди имен обычных, заурядных,
Как отзвук нескончаемых атак,
Он выбрал имя — Павел*

Беспощадный,

И с этих пор подписывался так.

Фамилия безжалостная эта

Уместнее была наверняка

Не на стихах лирических поэта,

А на стальных бортах броневика!

Ярослав Смеляков

Так, с доброй дружеской иронией, поэтически высказался о коллеге и хорошем давнем друге Ярослав Смеляков. Точнее — о его литературном псевдониме. Ярославу показался не очень соответствующим другу-поэту этот псевдоним — доброму лирику и гуманисту. Вообще, в то время, когда Павел Беспощадный входил в литературу, появилась мода на псевдонимы. И среди литераторов их было множество. Именно тогда появились: Иван Приблудный, Демьян Бедный, Артем Веселый, Михаил Голодный... Даже в знаменитом шедевре Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» жил

и действовал писатель Иван Бездомный, явно обозначивший себя псевдонимом.

Пришел роковой июнь 1941 года. Грянула страшная беда — фашисты без объявления войны варварски ворвались в законные территории и начали бомбить, жечь и убивать мирных жителей нашей страны! О возможном противостоянии с немецким фашизмом говорилось и писалось много, но тот горестно памятный день все равно стал внезапным шоком и трагедией!

Началась Великая Отечественная война... Поэта «по состоянию здоровья» освободили от воинской обязанности и эвакуировали в Среднюю Азию. Он оказался в столице солнечного Таджикистана Душанбе, где прожил до полного освобождения Донбасса от фашистов в сентябре 1943 года. Там он написал книгу «На родине друзей».

Вообще, взволнованный народной бедой, он много писал, среди его стихотворений появилось и это:

ДОНБАССУ ЖИТЬ!!

(Клятва)

*Пока в груди шахтерской сердце
живо
И в сердце кровь сыновняя тепла,
Хочу, чтоб песня с врубкой
дружила,
Варила сталь, и в глубь ствола
вела,
Клепала клетки, и вздымала
зданья,
И на лесах большого созданья
Примером высшей доблести была.*

*Донбассу жить! Сирена шлет
сирене
Горняцкой дружбы благовест
стальной,
Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!*

*И нет земли прекрасней,
вдохновенней,
Где все творцом-народом создано.
Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!*

*И нет Отчизны чище и священной,
Где все сердца сливаются в одно,
И это сердце осеняет Ленин —
Великий светоч партии родной!*

Сразу после освобождения Донбасса поэт вернулся на родину. Сначала в Краснодар, а затем в Ворошиловград (нынче — Луганск).

И только в начале 50-х переехал в ставшую ему второй родиной Горловку. Именно здесь — и вполне заслуженно — он будет считаться «патриархом» литературного движения!

Павел Григорьевич вместе с поэтическими книгами оставил отеческое завещание молодым — литературный чудо-сад. Это была придуманная им традиция — каждый горловчанин, написавший и выпустивший в свет книгу, обязан был посадить в этом саду фруктовое дерево. Традиция прижилась надолго...

*Труду открыто сердце настезь,
О нем стихов слагаю строки.
В песчинке вижу горы счастья,
В углинке — чугуна потоки.
Так каждый день. Ни на мгновенье
Я не даю себе покоя...
Поэзия всегда горенье,
И я люблю ее такую.*

Тема труда наполнена образами людей, и поэт с теплотой говорил о них в полный голос. Он и сам начал трудиться еще неокрепшим мальчишкой — много узнал, повидал и многому научился на этом нелегком, но необходимом каждому настоящему человеку трудовом пути... Когда уже зрелым мастером ему приходилось встречаться с начинающими литераторами, он всегда добродушно наказывал молодым побольше трудиться, и иногда с доброй усмешкой повторял высказывания «великих» о труде и его ценностях... «Запомните, дорогие мои,

наш мир создан не словом, а деянием, трудом. Вы только посмотрите — даже легендарный Эзоп не удержался, высказал свое понимание этого дара...человеческого: «Истинное сокровище для людей — умение трудиться».

ОТКАТЧИЦА ОЛЯ

*Кто первый в смене приходил
В гудящее шахты здание,
Кто песню первый заводил —
«Шахтерское страдание»?*

*Возле нее шахтеров круг,
Звенит простая песня,
В кругу шахтеров и подруг
Затейницей известна.*

*Кричали Оле «браво», «бис»
Веселые шахтеры,
Когда летели клетки вниз
В угрюмой шахты норы.*

*Работа Оле —
И не в счет,
Не новость на откате,
Шалун-вагончик соскользнет —
Поможет «Лимонадка».*

*Рычит десятник;
Геркулес,
Что жеребец из стойла, —
Отрежет, Оля!
— Ну, ты, бес...
Смотри того...
Спокойно!*

*— Я Оля так...
Я пошутил...*

*А сам все
Задом, задом,
Боится, чтоб не угодить
На уголь с эстакады.*

*Вот вам откатчицы портрет.
Проверить захотите —
Простой, но верный мой совет!
В откатку заходите.*

С детства любил Павел Григорьевич простой, наполненный ветрами седой древности пейзаж Донбасса, с разноцветьем синих, голубых и фиолетовых пирамидок терриконов у настезь распаханного бескрайнего горизонта...

Юная душа еще с тех лет очень остро чувствовала особый лиризм и красоту этой древней земли. Векнами здесь шумели травы, и, время от времени, в синих ветреных сумерках слышался над историческим «диким полем» тревожный клекот степных орлов...

Павел был изумлен, когда прочел в одной из книг, что знаменитая битва русского князя Игоря Святославича с половцами случилась именно здесь, на донецкой земле.

«Слово о полку Игореве»... Великий памятник литературы Древней Руси! Много позже Павел Григорьевич с большим интересом будет изучать литературный шедевр и много времени посвятит этому. Поэты точно к родничку мудрости припадали и всегда обращались к этому произведению мирового масштаба, и на многих поэтов и писателей оно ока-

зало большое творческое влияние. Даже на классиков русской литературы — Александра Пушкина, Василия Жуковского, Николая Гоголя, и многих-многих других. На знаменитых живописцев — Виктора Васнецова, Василия Перова; художников, вдохновленных «Словом», тоже не перечесать... А композитор Бородин написал выдающуюся оперу «Князь Игорь», которая навсегда осталась в истории русского музыкального искусства...

Но больше всего поэта изумляла эта неожиданная причастность «исторической судьбы» донецкой земли к тем давним событиям. Волновала воображение и снова, и снова указывала на исключительность этих мест. Но это было уже в зрелом возрасте, а тогда, в ранней юности, когда он до изнеможения работал и смертельно уставал, в очень редкие часы отдыха он уходил в степь. Это стало душевной необходимостью. Именно там набирался сил для невыносимо трудной жизни... Природа, широкие просторы, красота и пьянящие запахи трав врачевали измученную душу молодого шахтера, мечтавшего о поэтической стезе в будущей, пока неведомой жизни...

А еще его очень взволновало, когда он узнал от своего товарища по литературным занятиям, что знаменитый писатель Чехов воспел в своей повести «Степь», именно эти их степи — юга Донбасса и Приазовья... И хоть лириком Павел Григорьевич себя не считал, многочисленные лирические строки говорят об обратном:

ДОНЕЦКАЯ СТЕПНЯЯ

*Степь донецкая без края,
Чебрецы да ковыли...
Я люблю тебя, родная,
И в тюльпанах, и в пыли.
И в снегу акаций пряных,
И в сиреневом дыму.
И в монистах колчеданных,
Как подругу обниму.
Я прильну к родным криницам,
Чудодейственным ключам,
Чтоб шахтерам смуглолицым
Сладко пелось по ночам.
Я из сердца выну песню,
Им на сердце положу.
Я скажу им: труд ваш честен!
Больше слова не скажу.*

Остается лишь изумляться, как поэт, пройдя через «тернии» такой суровой жизни, не утратил чувства влюбленности в сам процесс жизни, в ее красоту и очарование, в ее изумительную светоносную радость!

«Поэтическое восприятие мира» Павел Григорьевич считал «высшим пилотажем» литературного творчества. Часто повторял слова Константина Паустовского: «Поэтическое восприятие жизни, всего окружающего нас — величайший дар, доставшийся нам от поры детства»...

Об этом он часто говорил и молодым начинающим поэтам.

Лирику нельзя описать внешне — требуется подъем глубинных чувств и, конечно, — любовь!! И еще важно беречь в себе наивно-детскую чистоту восприятия, уметь наполнять добротой и радостью...

Строки этого стихотворения показывают, как проявляется в поэте эта изумительная способность:

ЗАРЯ ПОЕТ

*Таким повеет ароматом,
Таким раздолием полей:
Пшеницей, медуницей, мятой, —
Вдыхай и пей!*

*И в чудодейственных закатах
Размешан донник с чебрецом,
Сирень с барвинком синеватым...
И явь и сон.*

*И колокольчики с горошком,
И весь в фиалках небосвод...
В степи на солнечной дорожке
Заря поет!*

*Незабываемые краски...
Не оторвете жадных глаз.
О, как мы любим край
донбасский,
Взрастивший нас!*

*Полночных домен полыханье,
Волна огней — цветы труда...
Донбасс нам дорог как дыханье,
Всегда, всегда!*

Скончался Павел Беспощадный (Иванов) 18 мая 1968 года в Горловке.

За свою долгую жизнь он написал очень много. Вот наиболее известные книги поэта:

«Каменная книга»,
«Родина»,
«Шахтерские песни»,

«Заветная звезда»,
«Донецкие просторы»,
«Горный пламень»,
«Степь Донецкая»,
«Россыпи»,
«Всегда с Донбассом»...

Творчество и многогранная гражданская деятельность поэта были оценены по достоинству: «знак Почетный шахтер СССР», орден Ленина и дважды — орден Трудового Красного Знамени, а также знак «Шахтерская слава» и множество медалей. Он являлся почетным гражданином города Горловки, и его именем в Центральном районе Горловки названа улица.

Только что эти награды в сравнении с тем, что люди вновь и вновь повторяют его строки! Вызвали их, казалось бы, из небытия, когда, как и в Великую Отечественную, встал вопрос — быть или не быть Донбассу?!

Оказалось, поэт Беспощадный в нескольких строчках выразил боль, горечь и стойкую правду единственного ответа... Такое народное признание для любого поэта — выше всех невысказанных наград!

Закончить повествование о певце Донбасса хочется характерным для его творчества стихотворением:

ОТЦУ МОЕМУ — ДОНБАССУ

*Ты мой шумный,
Ты мой дымный,
Я тебе слагаю гимны.*

*Ты простор мой,
Мне открытый,
Ты мой самый знаменитый.
Рубишь уголь,
Стали варишь,
Ты мой преданный товарищ.
Пары справа,
Слева пары,
По продольной светят фары.
Ты мой смелый,
Ты мой храбрый,
Ты фашиста взял за жабры:
Он не крикнет,
Он не пикнет,
Он разбойничать отвыкнет!
Ты мой дружный,
Ты мой дымный,
Я тебе слагаю гимны.
Ты простор мой,
Мне открытый,
Ты — отец мой знаменитый.*

Весь мир более семи лет — молчаливый, безучастно-нейтральный свидетель борьбы народа Донбасса за свободу и независимость!

И сегодня Донбасс — в состоянии войны! Льется кровь мирных граждан. Безоружные люди прячутся, вернее, просто живут в подвалах!...

У поэта есть стихотворение «Горняк-гвардеец», написанное в 1941 году (в самом начале Великой Отечественной...) Оно, как ничто другое, созвучно событиям сегодняшнего дня, чувствам измученного много-терпца — Донбасса...

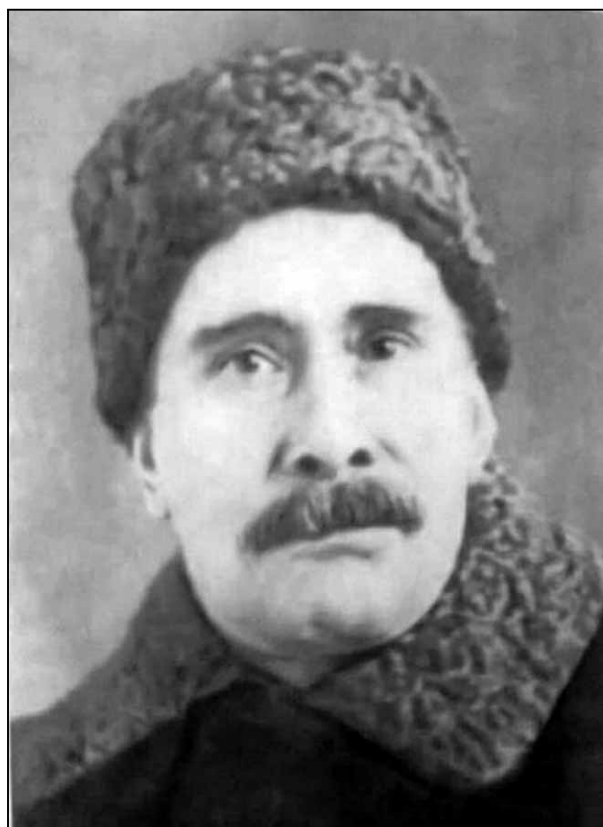
Сказать откровенно, идея Донбасса проста и легко понятна каждому. Шахтеры всегда были беспощадны, но не жестоки к врагам. Это подтверждается событиями и Граж-

данской войны, и, Великой Отечественной... А теперь — в современных боях с карательными войсками Украины.

Все это объединяется чудодейственным чувством доброты и стремлением донецких горняков сохранить свой дом, свои свободу и честный труд, а еще — будущее счастье своих детей! И это называется у них «Родиной» — прошлым, настоящим и будущим каждого живущего здесь человека!..

Слово-завещание поколения отцов и дедов — сыновьям и внукам!

Тогда, в 41-м, горняк был гвардейцем. Нынче горняк — ополченец, а суть едина — защитить родную землю!

ГОРНЯК-ГВАРДЕЕЦ

(В госпитале)

Пускай глаза мои погаснут,

Остынет кровь...

Но будет жить родной Донбасс

мой —

Моя любовь;

И шум шкивов, и вздох

подъемной,

Вагонов бег,

Неукротимый, неумный

Откатчиц смех.

Про эти руки золотые

Напишут гимн,

Они средь нас — труда святые,

Молитесь им!

Когда шахтер идет навстречу —

Благоговей...

Он света нового предтеча.

Он — Прометей.

Он поднял солнце из забоя —

Огонь побед.

Он грозный меч в руках героя —

И жизнь, и свет.

Случившееся с поэтическим наследием Павла Беспощадного очень знаменательно! Кажется, само беспристрастное время оживило слово поэта, и его вновь стали повторять, цитировать, писать! С феерической скоростью разнеслось оно в пространстве, и вновь волнует сердца благодарных земляков!

Донбассу жить! Сирена шлет

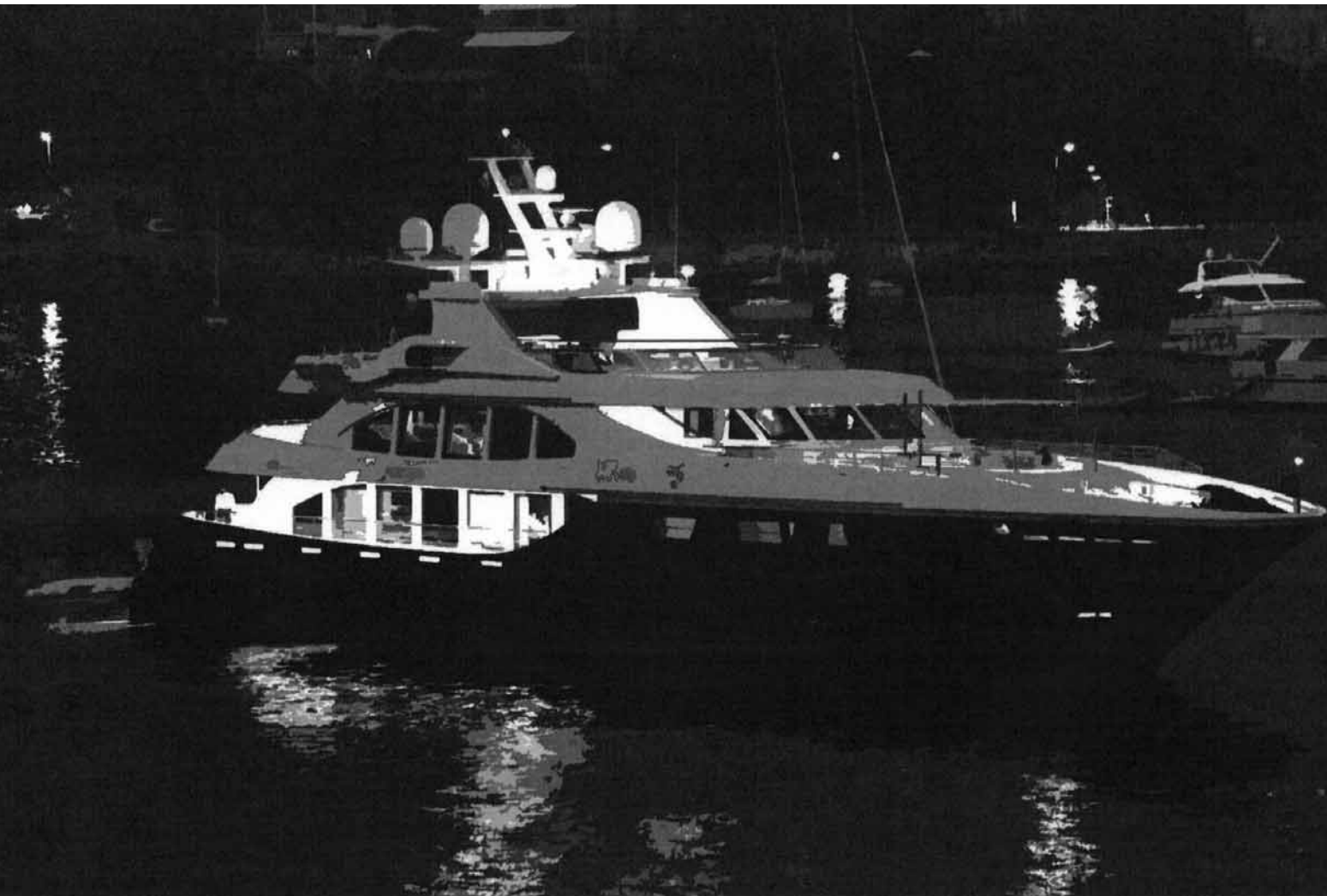
сирене

Горняцкой дружбы благовест

стальной;

Донбасс никто не ставил на колени,

И никому поставить не дано!.. □

Андрей Дышев

БУХТА

Глава 38

Когда из серой мглы на меня наплыл Дикий остров, я шарахнулся от него в сторону, как конь от волчьей пасти, и едва не положил яхту на борт. Нас разделяло больше километра, но мне и этого расстояния было достаточно, чтобы почувствовать неприятный холодок во всем теле. Я никогда не был вблизи Дикого острова и тем более на его берегу в штормовую погоду. Лодки при большой волне в море не выпускают, да и никакой здравомыслящий человек в такую погоду не сядет за весла. Потому эта бесцветная мрачная скала, торчащая из воды, словно сжатый в агонии кулак, показалась мне жуткой фантазмагорией. Я крутил штурвал, разворачиваясь к острову кормой и подставляя левый борт волне. Это был опасный маневр. «Ассоль» уже не могла выйти из крена и, зарываясь в волны и припадая на бок, словно была тяжело ранена, медленно уходила от острова.

Именно в этот момент я вдруг увидел, как наперерез мне, прыгая, как теннисный мячик, мчится водный мотоцикл. Наездник, стоя на полусогнутых ногах, каким-то чудом удерживал руль и, не пытаясь маневрировать среди волн, просто пробивался сквозь них. Расстояние между нами быстро сокращалось, и я уже мог различить, что этот самоубийца одет в джинсовый

Окончание. Начало в №№8–9, 2021.

костюм, разумеется, вымокший насквозь, а на его голове развеивается что-то вроде черного платка. На всякий случай я отвернул яхту в сторону, показывая, что вижу «Ямаху» и стараюсь не допустить столкновения, но человек на водном мотоцикле сделал крутой вираж и снова полетел на «Ас-соль» — в лобовую.

Страшным было не то, что он мог причинить яхте вред — это было исключено. Страшным было то, что на водном мотоцикле сидел безумец, намеревающийся покончить с собой в дикую погоду рядом с Диким островом.

Когда я сделал последнюю отчаянную попытку разойтись с этим оранжевым болидом и расстояние между нами сократилось до пятидесяти метров, я разглядел на голове самоубийцы длинные смоляные волосы, развеиваемые на ветру, тонкие черты бледного лица. У меня уже не было сомнений в том, что навстречу мне по волнам летела девушка. Она подняла одну руку вверх и стала махать мне, показывая, чтобы я остановился. Достаточно было всего секунды, чтобы она потеряла управление, не удержав руль в одной руке. «Ямаха» ударилась о волну, мгновенно развернулась к ней боком и, подлетев вместе с сумасшедшей наездницей вверх, рухнула в воду.

Я тотчас дал задний ход, чтобы быстро остановить движение яхты, закрепил штурвал и выскочил на бак. Брюнетку накрыло волной с головой, и на пенной поверхности моря черным цветком распустились ее волосы. Я принялся срывать принаитовленный к борту пробковый круг. Мокрый узел никак не поддавался, и тогда я упал перед кругом на колени и вцепился в веревку зубами.

Я уже не надеялся вытащить ее из воды живой и вообще не надеялся вытащить. Когда я выпрямился с кругом в руке и замахнулся, чтобы кинуть его, то на несколько секунд потерял незнакомку из виду. Я крутил головой в поисках безумной девушки и неожиданно увидел ее по правому борту — она пыталась ухватиться рукой за свисающую снасть.

— Держи! — крикнул я, кидая в воду круг и налегая на веревку.

Девушка настолько обессилела, что не могла развернуться лицом к яхте и, просунув руку в круг, просто висела на нем.

Поняв, что не смогу вытащить ее за веревку, я намотал несколько петель на кнехт и, опустившись на колени, ухватил девушку за плечо, сжимая в кулаке грубую ткань куртки. Изо всех сил потянул ее вверх и крикнул:

— Отпусти круг!

Она либо не слышала меня, либо не понимала, о чем я говорю. Чувствуя, что долго не смогу продержаться ее на весу, я со страшным криком рванул девушку на себя, волна помогла мне, и утопленница скользнула на палубу.

Несколько мгновений мы лежали рядом, с хрипом втягивая в себя воздух, и я еще не мог поверить, что все обошлось. Потом привстал, опираясь на руку, и посмотрел на девушку. Это была Анна.

— Ты?! — воскликнул я, не веря своим глазам. — Как ты сюда попала? Откуда? Что ты здесь делаешь, черт тебя возьми?!

Анна села, поджала ноги, обняла колени. Ее трясло, но, тем не менее, она попыталась улыбнуться и с трудом произнесла:

— А неплохо мы искупались, да?

Я поднял ее на ноги, и мы с трудом дотащились до рубки. Анна пыталась спуститься по лестнице в кают-компанию, но «Ассоль» дала очередной крен, и девушка, не удержавшись на ногах, села на ступени.

Я взял ее на руки, перенес на диван, накрыл одеялом, так как она вся дрожала, и произнес:

— Ты меня просто шокировала. Я сразу не узнал тебя. Зачем ты за мной следила?

— Долго... рассказывать, — покачала головой Анна.

Я понимал, что воля ее сломлена, и пытаться сейчас что-нибудь у нее выяснить — безнадежное дело, поэтому поднялся в рубку, дал малый ход и стал осторожно выходить на прежний курс. Пока я боролся с волнами и вытаскивал Анну, «Ассоль» отнесло почти к самому берегу Дикого острова.

— Кирилл! — позвала меня Анна слабым голосом, и я не сразу услышал ее. — Кирилл, куда ты плывешь?

— К берегу! — ответил я, пригибаясь и заглядывая в кают-компанию. — Я высажу тебя в Судаче. Пойдешь ко мне домой, будешь лечиться и ждать меня. Вернусь — обо всем поговорим... Ты «Ямаху» взяла напрокат?

— Какой там прокат... Я ее угнала.

— Она дорого стоит.

— Это все чепуха. Мы не о том говорим, Кирилл. Ты знаешь, что везешь?

— Знаю.

— Что?

— Деньги.

— Не то, Кирилл! — громче сказала Анна. — Да брось же ты свой штурвал! Подойди ко мне!

Я нацелил яхту на Крепостную гору, расплывчатым пятном виднеющуюся на горизонте, и спустился в кают-компанию.

Она выпростала из-под одеяла руку и, схватив меня за предплечье, выкрикнула:

— На яхте нет никаких денег! — По ее лицу расплывался лихорадочный румянец, глаза светились нездоровым блеском.

— Анна, — как можно ласковее, словно больному ребенку, сказал я, отрывая ее руку от себя, — у меня нет времени. Я сильно опаздываю. Ляг, чтобы тебе было удобнее. Дать вторую подушку?

— К черту подушку! Где эти деньги? Где сейфы или мешки? Где? Ты можешь включить мозги?! У нас нет времени! Я многое знаю. Тебя снова подставили. Никаких денег на яхте нет! Ты везешь воздух!

— Анна! — старался я перекричать ее. — Не сходи с ума! Мы обо всем поговорим потом. Ты согреешься, отоспишься, и все будет хорошо.

— Миленький! — Она вдруг прижала руки к груди и посмотрела на меня, как юродивая на икону. — Я не хочу, чтобы тебя убили! Народ ждет денег, а ты везешь воздух.

— Мне плевать, что я везу! — Я тоже перешел на крик. — В трюме стоят три опечатанных ящика. В Алуште я вручу их Гурули, и на том моя миссия закончится. Ты понимаешь, что я тебе говорю? Ты меня способна спокойно выслушать? Главное — довезти эти ящики до Алушты!

Анна отрицательно крутила головой, мокрые волосы хлестали меня по рукам. Она отстранила меня, встала, держась за край стола, и каким-то чужим голом произнесла:

— Где? Показывай! — чужим голосом произнесла она.

— Что показывать, Анюта? — с трудом сдерживая раздражение, уточнил я.

— Где твои опечатанные ящики?

— Зачем они тебе?

Анна повернула перекошенное судорогой лицо.

— Если ты не перестанешь задавать свои глупые вопросы, я убью тебя, — спокойно произнесла она, протянула руку к столу, вытащила из футляра кухонный тесак и медленно поднесла лезвие к моему горлу.

Яхта вздрогнула от удара волны, и кончик тесака, кажется, слегка оцарапал мне кожу.

— Придется подчиниться... — тяжело вздохнул я и добавил: — А ловко вы с Лешиком окрутили мне мозги!

— Молчать!

Я повернулся к ней спиной и, откинув ногой ковровую дорожку, склонился над трюмным люком. Конечно, я не воспринимал угрозы Анны всерьез, к тому же с этой излишне самоуверенной и немного чокнутой девицей, вооруженной кухонным ножом, мог бы справиться с легкостью необыкновенной. Но я не торопился поставить ее на место. Мне было интересно — чего она добивается?

— Открывай! — приказала она.

Я поднял крышку люка.

— Спускайся вниз.

Я подчинился, спрыгнул в трюм и сел на один из ящичков.

— Вытаскивай!

— Что, все сразу?

— По очереди, умник!

— Пожалуйста, — ответил я, ухватился за ручки ближайшего ящика, поднял и поставил его у ног Анны. Она отодвинула его ногой подальше от люка.

— Аккуратнее, пожалуйста! — сказал я. — Там пластилиновые печати, их желательно не размазать.

В следующее мгновение я понял, что недооценил Анну как противника. Она вдруг резким движением ноги захлопнула крышку люка над моей головой. Я оказался в ловушке.

— Эй! — закричал я и несколько раз ударил кулаком над головой. — Это уже не смешно!

— А мне показалось, что ты слишком развеселился, — отозвалась сверху Анна.

На некоторое время стало тихо, а потом до меня донесся короткий хруст. Звякнув, что-то упало на пол. Кажется, она сорвала с ящика замок.

— Послушай! — переполненный злостью, крикнул я и снова двинул кулаком по крышке. — Ты еще хоть немного соображаешь?

К моему удивлению, она приподняла крышку и каким-то странным тоном произнесла:

— Выходи!

Я выскочил наверх и подошел к открытому ящику. Он был доверху заполнен стопками газет.

Глава 39

— Что это? — недоуменно проговорил я.

— Это деньги, которые ты везешь.

— Не может быть!

— Ты такой честный, — усмехнулась Анна, — что даже не удосужился проверить, что везешь. Потому именно тебя и наняли для этого дела.

Я присел рядом с ящиком и стал вываливать газеты на пол. Когда добрался до дна ящика, встал и в ярости пнул газеты ногой:

— Бред! Бред! Но я не вижу смысла во всем этом!

Затем прыгнул в трюм и один за другим вытащил наверх оставшиеся два ящика.

— Чем ты сорвала замок?

Анна кивнула на металлический рычаг от якорной лебедки, валяющийся на полу. Я поднял его и сорвал оба замка.

Второй ящик тоже был набит газетами.

— Может быть, — пробормотал я, — меня запустили с «куклой», чтобы я отвлекал внимание? А валюту тем временем повезли по суше?

— Почему ты веришь в порядочность Гурули? — спросила Анна.

— Ну, хоть кому-то надо же верить!

— Поверь мне.

Я поддел ногой крышку третьего ящика. Там оказалось вовсе не то, что я ожидал. Анна привстала, глядя в ящик из-за моего плеча.

— Что это?

— Понятия не имею.

Я склонился над ящиком, половину которого занимали цилиндрические баллоны из белого металла, перевязанные между собой прозрачным скотчем и проволокой. Провода тянулись к пластиковой коробке с тумблерами и кнопками.

— Кирилл, — прошептала Анна, и от ее голоса мне стало не по себе, — ты когда должен был прибыть в Алушту?

— Ровно в шесть.

— А сейчас сколько?

— Без десяти шесть.

Она сжала мою руку до боли.

— Пошли... Быстрее!

Я оттолкнул ее от себя, наклонился над коробочкой и, не прикасаясь к ней, внимательно осмотрел ее со всех сторон. Это были электронные часы. Индикатор, ритмично мигая, освещал дно ящика призрачным зеленоватым светом. И вдруг на боковой стенке корпуса часов загорелась маленькая красная лампочка и часто-часто запульсировала.

— Бомба, — как о чем-то обыденном сказал я. — Кажется, сейчас рванет.

Анна, догадавшаяся об этом мгновением раньше, толкнула меня в спину. Мы вылетели на палубу, едва не выломав дверь кормы.

— За борт!!! — заорал я.

Анна колебалась всего мгновение, перелезла через леер и, зачем-то зажав пальцами нос, прыгнула в воду ногами вперед. Я полетел следом за ней.

Нас кидало из стороны в сторону, вверх и вниз, вспененные гребешки волн перекачивались через наши головы. Мы никуда не плыли, а лишь держались на поверхности, провожая взглядами яхту. «Ассоль», зарываясь носом в волны, продолжала плыть в сторону Крепостной горы, с каждым мгновением стремительно удаляясь от нас, и мной в какой-то момент овладело чувство безысходности и непоправимой ошибки, которую мы горяча допустили. Но это продолжалось недолго. От мощного взрыва, казалось, содрогнулось море. Огненный шар мгновенно окутал яхту, и из него, словно иглы ежа из мешка, выскочили обломки, за которыми тянулось дымовой шлейф; темнея, шар поднимался вверх, вытягивался по ветру, и под ним оголилась корма яхты — только корма, чудовищный, уродливый обломок некогда красивой яхты. Все остальное будто срезало ножом. Она

стала запрокидываться, показался киль, матово сверкнуло литое слово «Ассоль», и яхта стремительно провалилась в морскую бездну.

Анна завывала, как собака на могиле хозяина, подняла лицо и, глядя на низкое грязное небо, в отчаянии прошептала:

— Будь все проклято! Я ненавижу... весь этот поганый мир!.. Я не хочу его видеть!.. Не хочу...

— Анна! — подплыл я к ней поближе, готовый подхватить ее под мышки. — Успокойся! Рядом остров. Мы доплывем.

Ее тут же накрыло волной, и, выплевывая воду, она крикнула:

— Я не смогу... Плыви один!

— Держись за меня. Всего сто метров... Вперед!..

— Отцепись же!.. Я тебя ненавижу! Из-за твоей тупости мы здесь...

Мое терпение лопнуло. Я схватил Анну за плечи и окунул с головой. Посчитал до пяти и поднял ее на поверхность. Отличное радикальное средство против истерики. После третьего сеанса «терапии» она успокоилась и послушно поплыла в сторону острова, к которому, к счастью, нас довольно быстро тащило течением.

Я плыл за Анной, готовый в любую минуту помочь ей справиться с волнами. Мы словно катались с водяной горки: вверх — вниз, вверх — вниз, но неумолимо приближались к серой, покрытой порами скале. Наконец, почувствовав под ногами дно, выбрались на берег и рухнули на мокрый песок.

— Все, — пробормотал я, — приплыли. Выкарабкались...

Анна молчала. Она вонзила пальцы в песок, словно держалась за остров, боясь, что новая волна стянет ее в пучину и вновь станет кидать из стороны в сторону, пока не зароет навсегда в воду.

Я помог ей встать на ноги, и мы побрели по тропинке на противоположную часть острова, где была убита Татьяна Васильева. Там не было ветра, и в расщелине, поделившей скалу пополам, можно было переждать непогоду...

До того как окончательно стемнело, я облазил весь остров и собрал все, что хотя бы теоретически могло гореть. Водоросли, щепки, пластиковые бутылочки и прочие дары моря давали не столько огня, сколько дыма, но мы с Анной, сидя рядом с нашим дикарским очагом, блаженствовали. Анна, как и подобает его хранительнице, попыталась облагородить наше жилище, развесила наши куртки по разным краям расщелины, и они не только быстро высыхали, но и в какой-то степени удерживали тепло.

Я еще не думал о том, как встретит меня берег. Ясно было одно: для Гурули я представлял собой точно такую же бомбу, какую он подложил в трюм «Ассоли». Весть о трагедии с яхтой, которая якобы везла деньги вкладчиков, наверняка уже дошла до редакций газет и телевидения. Гурули,

которого народ считал благодетелем, поменяет имидж и превратится в мученика, страдальца, ставшего жертвой террористического акта. Но не долго. Пока я не воскресну из мертвых.

Анна лежала в метре от костра и подкидывала в него щепки. Едкий дым разъедал глаза, она заливалась слезами, но все же не отходила от живительного тепла. Мы молчали, оттягивая ту минуту, когда кому-то из нас надо будет начинать разговор о главном. Первой заговорила Анна:

— Кирилл, ну почему нам с тобой так не везет? Почему мы не живем как все нормальные люди?

— Ты, — поправил я ее. — Ты не живешь как все нормальные люди, потому что связалась со мной.

— Да, это мой крест. Но я тебя не выбирала. Мне дала тебя судьба. Я не могла и не могу ничего изменить.

В ее голосе было столько неподдельной грусти, столько нежности и любви, что я не выдержал, сел ближе к ней и обнял ее за плечи. Анна взяла мою ладонь, прижала к своим губам, затем повернула ее к свету костра и стала водить по ней пальцем.

— Линия жизни короткая, раздвоенная... Холма Венеры нет вообще — утонул в мозолях... Ты хороший мужик, Вацура, только ничего не понимаешь в женщинах. И это твой самый большой недостаток. Мне не нужны твоя дача под виноградником и твой стол вместе с «Сурожем». И пусть будет этот необитаемый остров... — Она замолчала, сглотнула, покрутила головой, будто больно стало в горле, а через минуту уже спокойным и бесцветным голосом стала рассказывать о том, что ей удалось увидеть и узнать в те дни, когда, казалось, между нами уже нет и никогда не будет ничего общего.

Глава 40

Анна призналась: она сначала делает, потом думает и исправляет сделанное. Со мной подобное тоже иногда случается, потому я прекрасно ее понял и, естественно, не стал осуждать. Ревность стала искрой, воспламенившей в моей отчаянной подруге целое море горячих чувств. Особенно ее задело то, что я спокойно реагировал на откровенное ухаживание Леша.

Правда, эмоции отвергнутой любовницы улеглись в ней сразу, как только меня на ее глазах увезли в полицию. Она разыскала Лешу, сообщила ему эту ужасную новость и помахала ему ручкой, несмотря на то, что Леша предложил Анне немедленно поехать в отделение и добиться свидания со мной. Чтобы он не догадался об ее планах, она устроила ему что-то вроде вялотекущей истерики, сказала, что нас обоих видеть не может, хлопнула калиткой и в этот же день уехала в Симферополь, где смогла взять авиабилет лишь на

двадцать пятое, и три дня вынуждена была жить в гостинице аэропорта. Но это оказалось кстати — она побывала на похоронах Эльвиры.

Анна, уверившись в том, что я загремел за решетку всерьез и надолго, не стала делать бессмысленных, на ее взгляд, попыток встретиться со мной, со следователем и, что точно соответствовало ее темпераменту и решительности, взялась за расследование сама. В отличие от меня она в первую очередь ухватилась за фигуру, которую я вообще не принимал во внимание, — за Германа Милосердова, брата «покойной».

Впервые Анна увидела его на похоронах, где мы с ней могли запросто встретиться. Брат был низкорослым пухленьким мужчинкой с пышными кудряшками над ушами, отчего его лицо казалось неправдоподобно широким. Очки с мощными линзами совершенно деформировали его невыразительные глазки, и казалось, что они постоянно наполнены слезами.

По удачному стечению обстоятельств Анна летела в Москву тем же рейсом, что и Милосердов. Некоторое время она наблюдала за ним, спрятавшись за шторкой, отделяющей салон от тамбура, где располагались туалеты. Герман с удовольствием пил шампанское, листал журналы, что-то подсчитывал на калькуляторе, а потом спал, положив голову на плечо услужливого охранника.

Во Внуково, не задерживаясь у сектора выдачи багажа, Милосердов пошел к выходу. На площади его встречала группа мужчин, одетых в плащи — погода была прохладной, шел дождь. Со многими он целовался и обнимался и совсем не был похож на человека, вернувшегося с похорон сестры. Именно в тот момент Анна поняла, что находится на правильном пути. Кто-то из охранников раскрыл над Милосердовым зонтик. Черный лимузин сделал круг и притормозил рядом.

Анне стало ясно, что сейчас может надолго потерять следы Германа, и, расталкивая людей, она кинулась к лимузину. Охранники, увидев бегущую к ним на каблуках-шпильках девушку, как по команде повернулись к ней, выставляя вперед замаскированные под пиджаками бронежилеты. «Герман Леонидович! — крикнула Анна, повиснув на руках охранников. — Я корреспондент газеты «Деловой мир»! Позвольте задать вам несколько вопросов!.. Да отпустите же вы меня!»

Герман Леонидович, с некоторой опаской понаблюдав за Анной, не сразу дал команду охранникам пропустить ее к себе. «Кто вы, из какой газеты?» — уточнил он. Анна, поправляя сбившуюся прическу и юбку, повторила. «А какие вопросы?» — спросил Милосердов. «Я веду раздел криминальной хроники», — не совсем удачно соврала Анна. «Боюсь, что не смогу быть вам полезен. Если вы имеете в виду трагический случай с моей сестрой, то никакого криминала не было. Это была ее роковая неосторожность... Так в своей газете и напишите».

Понимая, что она не знает чего-то важного и что надо срочно исправлять положение, Анна закричала: «Вы неправильно меня поняли, Герман Леонидович! Я вовсе не собираюсь писать о криминале, и о вашей сестре не собираюсь писать. Мне нужны материалы для очерка о благотворительной миссии акционерного общества, которое ваша сестра возглавляла».

Милосердов недолго размышлял, достал из нагрудного кармана бумажник, оттуда — визитку. «Эта неделя у меня занята. Позвоните мне в офис не раньше первого сентября», — сказал он и, повернувшись, сел в машину. Анна проводила взглядом лимузин и следующий за ним эскорт иномарок и посмотрела на визитку. На черном глянцевого картоне серебряными буквами с завитушками и вензелями было написано: «ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ ПРАВ АКЦИОНЕРОВ МИЛОСЕРДОВ ГЕРМАН ЛЕОНИДОВИЧ». А ниже — колонка номеров телефонов и факсов.

Тогда Анна еще не догадывалась и не могла догадываться, что сестра Германа не почивает в гробу, а продолжает жить и здравствовать, только под другой фамилией. Но интуиция подсказывала, что удача улыбнулась ей. Подобные моменты уже не раз бывали в жизни Анны, когда она «включала форсаж», не позаботившись о собственной безопасности и не подготовив на всякий случай пути отхода. Это называется головокружением от успехов. У Анны голова не просто закружилась. Во имя моего спасения ее понесло на такие подвиги, какие я совершил бы лишь по отношению к родным или очень любимым мной людям...

Неделя в той ситуации — срок для Анны немислимый. Ее хватило только на два дня ожидания. Одевшись так, как, по ее мнению, должна выглядеть корреспондент газеты, и прихватив с собой плеер вместо диктофона, она направилась в офис Милосердова на Садово-Кудринской.

Маленькая, кругленькая, как колобок, секретарша, словно нарочно подобранная под параметры Милосердова, с трудом оторвала глаза от экрана монитора и односложно ответила: «Германа Леонидовича нет». — «А когда он будет?» — поинтересовалась Анна. «Ну, девушка, сколько вам можно повторять! — с раздражением пропела секретарша. — Его нет и сегодня не будет! У него сегодня свадьба. Я не понимаю, как он мог назначить вам встречу? Вы знаете, где Суворовский бульвар? Тогда найдете. Центральный Дом журналиста, там его ищите, может быть, он с вами поговорит».

Свадьба Милосердова? Два дня спустя после похорон сестры? Это было что-то из ряда вон выходящее.

В вестибюль Дома журналиста Анна прошла свободно, объяснив вахтенным, что интересуется книгами, которые продавали здесь же, но в ресторан ее не пропустили вежливые «качки». Она села на диван, откуда был

хорошо виден вход в ресторан, раскрыла газету и, просматривая статьи, наблюдала за людьми.

Так прошел час. За это время из банкетного зала лишь один раз вышла группа хорошо одетых мужчин и женщин. Они постояли тесным кругом в центре вестибюля, огражденные от внешнего мира живой оградой из охранников, покурили, посмеялись. Анна сразу узнала среди них Милосердова. В одной руке он держал бокал, а другой обнимал за плечи довольно симпатичную молодую женщину в ярко-красном костюме, которую все поздравляли с законным браком.

Когда группа снова скрылась за дверями банкетного зала, Анна вернулась к чтению газеты и была буквально ошеломлена. В небольшой заметке под рубрикой «Политика» говорилось, что «дело о скандальном убийстве в Крыму сестры известного борца за права обманутых вкладчиков и кандидата в депутаты Госдумы Германа Милосердова закрыто в связи с отсутствием состава преступления. Все подозреваемые отпущены из-под стражи. Следствие пришло к выводу, что Эльвира Милосердова погибла в результате несчастного случая».

Анна быстро встала, вышла на бульвар и, присев на скамейку, стала размышлять: «И все-таки этот колобок-губошлеп — подозрительная личность. Надо же, в депутаты Госдумы метит! Председатель общественного комитета защиты прав акционеров. А сестра — генеральный директор акционерного общества. Одна обирает население, другой защищает их права. Мафия! Нет, во всем этом что-то не то. С сестрой произошел несчастный случай, а этот брат даже не отменил свою свадьбу. И в аэропорту он был весел. Такое ощущение, что он не сестру хоронил, а неизвестно кого»...

На следующий день Анна заехала к своей подруге Кристине, работающей в Бирюлевском районном загсе. «Послушай, Кристинка, — сказала она после того, как подруги обменялись последними новостями, — есть ли у тебя доступ к информации о браках в Москве?» — «Ты собираешься замуж?» «Нет, замуж я пока не собираюсь. Меня интересует личность молодой жены одного моего старого знакомого». — «Ну, милочка, я от тебя тащусь! Странные у тебя интересы, — ответила Кристина, с прищуром глядя на подругу. — А что именно тебя интересует?» — «Все!» — уклончиво ответила Анна.

Кристина недолго думала. «Услуга за услугу, — сказала она. — Я поищу информацию, которая тебя интересует, а ты позвонишь моему козлу и скажешь, что с субботы на воскресенье я ночую у тебя».

Анне очень хотелось послать подругу куда-нибудь далеко. Она хорошо знала мужа Кристины, и ей было неприятно звонить ему и говорить неправду. Но выхода не было.

«Хорошо, — согласилась она. — Я позвоню Володе и скажу ему, что ты ночуешь у меня». — «Вот и лапочка!» — улыбнулась Кристина и вынула из стола связку ключей.

Они подошли к двери соседнего кабинета. Кристина открыла ее ключом, приложила палец к губам, показывая, что надо соблюдать тишину, и зашла внутрь. Это была небольшая комната с компьютерами. Кристина села перед монитором, включила тумблер и, дождавшись, когда компьютер загрузится, вошла в сеть.

«Как фамилия твоего старого знакомого?» — с нескрываемой насмешкой спросила она, не отрывая глаз от экрана. Анна ответила. Кристина набрала фамилию в строке запроса и нажала на ввод. «А в каком районе регистрировался брак?» — «Не знаю», — пожалала плечами Анна. «Это сложнее, — вздохнула подруга, давая понять, что стоимость услуги стремительно растет. — Придется входить в центральный банк данных... Ох, намылят мне шею за это!»

Наконец экран вспыхнул салатовым цветом, и по нему побежали строки. «Милосердов Герман Леонидович, — вполголоса стала читать Кристина. — Тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, город Москва, прописан по адресу: Усачева, дом двадцать один дробь семь, квартира семь. Русский... М-гм, надо же!.. Брак зарегистрирован Москворецким отделом загса двадцать седьмого августа сего года, о чем в книге регистрации актов... Так, это неинтересно... Вот! Брак зарегистрирован с гражданкой Васильевой Татьяной Игоревной, тысяча девятьсот семидесятого года рождения, место рождения — город Кемерово, прописана... Ну, это тоже неинтересно...» — «Вот это как раз очень интересно, — перебила ее Анна и сама дочитала до конца: — Прописана: город Кемерово, улица Чекистов, дом два, квартира шесть, комната тринадцать квадратных метров... После заключения брака присвоены фамилии: мужу — Милосердов, жене — Милосердова».

«Послушай, — сказала Кристина, отодвигаясь от экрана. — С чего бы этот твой офигенно крутой знакомый женился на какой-то курице из Кукуевска? Я тащусь от твоих знакомых, милочка!» — «Она дочь крупного угольного магната», — солгала Анна. «Ага, — кивнула Кристина, выключая компьютер. — Дочь магната, а живет в коммуналке. Об этом расскажешь психиатру».

Они распрощались. «Конечно, конечно! — говорила самой себе Анна. — Это несоответствие видно невооруженным глазом. Так, к сожалению, не бывает, это только в сказке богатый принц женится на бедной провинциалке с добрым сердцем. Я выясню, кто такая эта таинственная Татьяна Игоревна Васильева, из-за которой настроение Милосердова не омрачила даже смерть родной сестры».

Глава 41

Отпускные деньги, предназначенные на траты в Судаке, оставались практически нетронутыми, и Анна, распрощавшись с Кристиной и выйдя из загса, в ближайшей железнодорожной кассе взяла билет на Кемерово. Утром следующего дня она выехала с Казанского вокзала, а двое суток спустя в четвертом часу по местному времени уже ехала по городу в такси на улицу Чекистов.

Коммуналки выгодно отличаются от отдельных квартир только в том отношении, что у людей, проживающих там, всегда имеется неистощимая информация на своих соседей. Анна поднялась по прогнившей деревянной лестнице на второй этаж, остановилась перед дверью, по обе стороны которой, словно тараканы, притаились кнопки звонков. Фамилий под кнопками не было, лишь номера комнат. Анна нажала на первую сверху.

Ей открыл молодой мужчина с длинными волосами, перехваченными сзади шнурком, в жилетке поверх черной футболки и бежевых брюках. В мочке уха сверкали многочисленные кольца из белого металла, с шеи свисали разнокалиберные цепи. В левой руке он держал художественные кисти, похожие на горящие свечи. Мужчина вполоборота повернул голову, будто хотел рассмотреть лицо Анны с разных ракурсов, слегка наморщил высокий лоб и тихим голосом спросил: «Вы ко мне, сударыня?»

Анна растерялась. Она вдруг подумала, что ошиблась адресом, что невнимательно переписала его с экрана компьютера и пришла совсем не туда, куда хотела.

— Простите, — ответила она, — я ищу свою подругу... Кажется, я ошиблась квартирой.

— Но почему же? — улыбнулся мужчина. — Может быть, вы попали именно туда, куда хотели. Как зовут вашу подругу?

— Татьяна. Татьяна Васильева.

— Нет. Вы не ошиблись. Татьяна живет здесь. Точнее, жила. — Он сделал шаг назад, открыл дверь шире: — Прошу!

Анна зажмурилась от яркого света. Маленькая комната, где из мебели были лишь разложенный диван, небольшой круглый столик да членистоногий этюдник с холстом на подрамнике, была насыщена запахами масляных красок и дешевых цветочных духов.

— Садитесь на диван... К сожалению, стульев нет, я их вынес и оставил лишь то, что нужно для работы... Так вы, значит, ищете свою подругу? Простите, напомните мне свое имя... Анна? Прекрасное, прекрасное имя! — оценил художник и вдруг стремительно подошел к ней, коснулся пальцами ее подбородка, приподнял чуть-чуть и вернулся на прежнее место. — Вот так! Мягкая тень лессирует черты лица, детали проступают не столь замет-

но, и создается ощущение отдаленности, нежности, возникает иллюзия не-реальности, а потому непостижимости! Простите за нескромный вопрос: вы когда-нибудь позировали художнику?.. Нет? Странно, очень странно. Такой редкостный тип лица, такая астральная фигура!..

— Послушайте, — перебила его Анна. — Я вовсе не собираюсь вам позировать. Я пришла сюда совсем не для этого. Если вы не в состоянии объяснить мне, где Татьяна Васильева, то я лучше пройду к вашим соседям».

— Нет-нет, бога ради! — горячо заговорил художник и спрятал руки за спину. — Не уходите. Я вам постараюсь помочь. Сейчас, сейчас... — Он подошел к подоконнику, на котором лежала куча газет вперемешку с книгами, и стал рыться в них. — Вот, — протянул Анне сложенный лист бумаги. — Прочитайте!»

Анна развернула листок. Это было письмо, отпечатанное на пишущей машинке: «ДОРОГИЕ СОСЕДИ! ЧТОБЫ ВЫ НЕ ВОЛНОВАЛИСЬ, ХОЧУ ВАС ИЗВЕСТИТЬ О ТОМ, ЧТО ИЗ КРЫМА Я ПОЕХАЛА В МОСКВУ К ОЧЕНЬ ХОРОШЕМУ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ, ЗА КОТОРОГО СКОРО ВЫЙДУ ЗАМУЖ. В СВОЮ КОМНАТКУ БОЛЬШЕ НЕ ВЕРНУСЬ, ЗАЯВЛЕНИЕ НА ВЫПИСКУ ВЫШЛЮ ПОЧТОЙ. ОДНА К ВАМ ПРОСЬБА: ВЫШЛИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НА МОСКОВСКИЙ ГЛАВПОЧТАМТ (ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ) ВСЕ МОИ ДОКУМЕНТЫ И МОИ ФОТОГРАФИИ, КОТОРЫЕ НАЙДЕТЕ В МОЕЙ КОМНАТЕ. ЦЕЛЮЮ ВАС ВСЕХ. ВАША ТАТЬЯНА».

— Это она вам прислала? — спросила Анна, дочитав письмо.

— Не мне, а постоянным жильцам, — пояснил художник. — Но фотографии в Москву отправил я. Эти бабушки... Видите ли, я не знаю, насколько вы осведомлены о том, какие взаимоотношения были у Танюхи с соседями. В письме она всех целует, но это, по крайней мере, тонкое лицемерие великодушного человека. Танюха очень плохо жила с соседями. Она просто ненавидела их. Как, впрочем, и они ее. Поэтому последняя фраза в письме выглядит несколько странно. Но поскольку я знаю Танюху почти год, то могу объяснить эту странность тем обвалом счастья, под который ей повезло угодить. Замуж за москвича, причем за очень хорошего молодого человека, — художник не смог сдержать злой усмешки, — это, знаете ли, не каждый день случается. Она одним росчерком перечеркнула эту коммуналку, этих несчастных старух, всех своих друзей, включая и меня тоже.

— Она что же, была вашей натурщицей? — спросила Анна.

— Нет, не просто натурщицей. Намного больше, милая, намного.

— И теперь вы здесь обосновали свою мастерскую?

— Как видите. И имею на это право, между прочим... А вы, значит, учились вместе с ней?

— Нет, мы недавно познакомились, — уклончиво ответила Анна.

— Трудно представить, что у вас с Танюхой могут быть общие интересы, — покачал головой художник. — Танюха весьма раскрепощенная личность, для которой смысл жизни — мотоциклы, рок-н-ролл, вольное отношение к вопросам пола, кайф... А вы... Нет, вы не такая.

— Вы мне отдадите это письмо? — спросила Анна, открывая сумочку и медленно опуская лист в нее.

Художник неожиданно перехватил ее руку.

— Это письмо? — прошептал он, медленно разжимая пальцы, затем повернулся и подошел к окну. — Вы просите меня о невозможном. Но пусть будет так. Забирайте. Это одно из немногих, что осталось у меня в память о Танюхе. Это письмо да несколько ее портретов...

Анна проследила за его взглядом. На стене среди больших и малых полотен, пестреющих цветными пятнами, выделялись два портрета девушки. Один был выполнен в профиль: девушка с тонкой сигаретой в губах и в мотоциклетном шлеме касалась пальцами темного стекла-шторки. Казалось, что еще мгновение, и она закроет лицо и помчится вперед, обгоняя ветер. На втором портрете — анфас — она, чуть приподняв лицо вверх, обеими руками зачесывала пепельные волосы назад.

— Кто это? — спросила Анна, переводя взгляд с портретов на художника. Он повернулся, и по его губам снова пробежала усмешка.

— Это? Это ваша подруга — Татьяна Васильева... Странно, что вы не узнали ее.

— Действительно странно, — пробормотала Анна, снова поворачиваясь к картинам и внимательно рассматривая их.

Она хорошо запомнила женщину в красном — молодую жену Милосердова, которая, по данным загса, проходила под именем Татьяны Васильевой, прописанной в Кемерове, в той самой комнате, где Анна сейчас находилась. Можно было поставить под сомнение талант художника, его умение точно передавать черты лица, и все-таки Анна могла сказать с полной уверенностью: на портрете была изображена совершенно незнакомая ей девушка, не имеющая ни малейшего сходства с женщиной в красном.

— Продайте мне один из них! — вдруг сказала она, щелкнула замками сумочки, вынула из нее две стодолларовые купюры и протянула художнику.

Тот мгновение колебался, потом пробормотал:

— Только ради того, чтобы приобщить вас, так сказать... — Он не договорил. В этом уже не было смысла — деньги исчезли в его кулаке.

Анна сама сняла портрет, выполненный анфас, с гвоздя, и пошла к двери. Напоследок художник протянул ей белый картонный прямоугольник. «Моя визитка», — пояснил он и глубокомысленно улыбнулся. Анна, спрятала визитную карточку в сумочку и быстро пошла по скрипучей лестнице.

це вниз, держа под мышкой небольшой газетный сверток размером со словарь.

Ночь ей пришлось провести на вокзале, а утренним поездом она выехала в Москву. «Пропала девчонка, — думала Анна, рассматривая портрет Татьяны. — Эта дама в красном воспользовалась ее паспортом и вышла замуж за Милосердова. Зачем это ей надо было? Может быть, она преступница, скрывающаяся от полиции? С чужим паспортом вышла замуж, затем быстро обменяла его на новый, с новой фамилией. И не стало больше ни Тани Васильевой из Кемерово, ни дамы Икс. Осталась лишь Татьяна Милосердова, жена кандидата в депутаты Госдумы, однофамилица погибшей бизнесменши Эльвиры Милосердовой... Да, так и есть. В фойе Дома журналиста я видела именно Эльвиру Милосердову, сестру Германа. И никто ее не убивал, никакого несчастного случая не было. Это она убила Татьяну Васильеву, а кто-то хитрый и умный пустил слух, что убили генерального директора акционерного общества. А с покойника какой спрос за деньги вкладчиков? Теперь этими деньгами наверняка занимается братишка. Запустил их, к примеру, на свою предвыборную кампанию... Ловко, ах как ловко!»

Анна едва выдержала долгую дорогу и прямо с Казанского вокзала позвонила мне домой, чтобы сообщить эту потрясающую новость. Естественно, она меня не застала, я в это время уже ехал в Симферопольский аэропорт. Тогда Анна стала листать свою записную книжку, моля бога, чтобы в ней оказался телефон Володи Кныша. Ей повезло, она смогла дозвониться до него. Нельзя было сказать, что Кныш очень обрадовался ее звонку, но разговаривал с ней вполне терпеливо и спокойно.

— Это бывает, что он не ночует дома, — беспрестанно зевая, сказал Кныш. — Он в последнее время вообще с ума сошел. Это я так, образно. В общем, не телефонный разговор... Скорее всего, на яхте плавает.

— Так у него же нет яхты!

— Не было, но на время появилась. В нашем отделении доверенность на яхту «Ассоль» на его имя заверяли. Не знаю, куда собирался на ней плыть, мне он ничего не говорил.

— Володя, а кто оформил на Кирилла доверенность? — спросила Анна.

— Гурули, — ответил он. — Это довольно скандальное имя...

— Я знаю, — перебила его Анна. — Спасибо тебе. До свидания!

Анна опустила трубку, налила себе рюмку коньяка и приготовила кофе. «Надо что-то делать, — думала она. — Предчувствие редко обманывает меня. Эта злосчастная яхта, которая фигурировала в скандально известном "несчастном случае", вдруг снова оказалась связана с именем Кирилла. Зачем Гурули оформил на него доверенность на "Ассоль"? Он взял его к себе на работу? Или это замаскированная взятка за молчание?»

Анна включила телевизор, нашла ночной коммерческий канал и среди деловых новостей вдруг услышала о том, что «Краснодар-комбанк» предоставил АО «Милосердие» крупный кредит для погашения долгов вкладчикам. Сумма в несколько миллионов долларов будет в течение дня перевезена на Южный берег Крыма на яхте «Ассоль», которую великодушно предоставил ее владелец — московский бизнесмен Артур Пиков.

Так вот для какой цели Гурули оформил яхту на имя Кирилла! Анна ходила по комнате в страшном возбуждении, выкуривая одну сигарету за другой. «Краснодар-комбанк», краснодарский коммерческий банк — вспоминала она. Что-то знакомое было в этом названии. Кажется, года два назад она составляла письмо в этот банк по поводу обналичивания крупной суммы. И получила ответ. Шеф тогда наложил на ответ короткую резолюцию, и письмо ушло в архив. Кем же оно было подписано? Почему Анну так взволновало упоминание о Краснодаре?

Она позвонила в офис. В это время там не было никого из служащих, лишь несколько охранников. Одного из них Анна хорошо знала и попросила его:

— Василий! Добрый вечер!.. Нет, ничего не случилось, я еще в отпуске. Ты можешь зайти в мой кабинет?.. Так вот, откроешь шкаф, что рядом с моим столом, на верхней полке папки сходящими документами. Разыщи, пожалуйста, папку за девяносто третий год и найди письмо из «Краснодар-комбанка». Кажется, оно пришло в апреле — мае. Когда найдешь, то из моего же кабинета позвони мне. Хорошо?

Не успела Анна приготовить себе вторую чашку кофе, как охранник отзвонился.

— Нашел? — спросила она. — Читай!.. Нет, текст не надо! Кто подписал?.. Кто?.. Сопредседатель банка Герман Милосердов?.. Спасибо!

«Вот так, — думала Анна, машинально кидая в дорожную сумку первые попавшиеся вещи, — Герман Милосердов вместе со своей сестрой присвоил себе деньги вкладчиков, и он же через "Краснодар-комбанк" выдает кредит на погашение долгов этим же вкладчикам. Абсурд! Так не бывает! Это полная бессмыслица! Вор не ворует для того, чтобы спустя несколько минут вернуть деньги своей жертве. Просто Кирилла подставили. Он повезет воздух, и это ничем хорошим для него не обернется. Скорее всего, его убьют или обвинят в хищении этих несуществующих миллионов».

Быстро собравшись, Анна не стала ждать утра и поехала в аэропорт Внуково. К счастью, свободные билеты были, и она в начале восьмого утра, после задержки из-за погодных условий в аэропорту прибытия, вылетела в Симферополь и к полудню добралась до Судака.

Погода была ужасной. Порывистый ветер срывал верхушки волн, с силой кидал их на бетонные пирсы. На непривычно пустынной набережной стоял

непрекращающийся грохот прибоя. После нескольких безуспешных попыток достучаться в железные двери лодочного гаража Анна нашла рубильник управления подвесной системой, поднимающей и опускающей плавсредства на воду, подвела «Ямаху» к краю причала, сама села под козырьком и стала смотреть в море, ожидая появления на горизонте «Ассоли».

Что случилось потом, мне было известно...

Глава 42

У меня онемела рука, но я еще долго лежал, не меняя положения, чтобы не разбудить Анну. Она тихо спала, уткнувшись носом мне в шею. Я осторожно высвободил руку, тихо привстал и, стараясь не шуршать по гальке, вышел из нашего убежища на волю.

Еще не было шести утра, но так как шторм давно уже стих, я решил искупаться и вошел в воду. Окунулся с головой, проплыл над самым дном, касаясь грудью бархатистых водорослей, потом лег на спину и долго лежал, тихо покачиваясь, глядя на кувыркающихся в солнечных лучах чаек.

Выйдя на берег, я вдруг краем глаза заметил какое-то движение у кромки берега и, спрятав голову за каменный выступ, стал следить за двумя моторными лодками, на малом ходу причалившими к прибрежным камням острова. В каждой было по три человека, на задних сиденьях желтели баллоны аквалангов. Почти все были одеты в джинсы и черные майки. Человек, стоящий у руля первой лодки, спрыгнул в воду, потянул на себя швартовочную веревку, закрепил ее на остром каменном выступе, затем подвел к берегу и вторую лодку. Люди, прыгая через борта в воду, выходили на берег. У большинства из них я без труда заметил пистолеты, один нес английский пистолет-пулемет «пэтчет» с боковым магазином.

Аккуратно подстриженный коренастый мужчина в голубой рубашке, не произнося ни слова, стал жестикулировать руками. Двое в черных майках и с пистолетами за поясами пошли, озираясь по сторонам, по западному берегу острова. Вторая пара вместе с командиром в голубой рубашке запрыгала по камням восточного берега. У моторных лодок остался один человек. Никаких сомнений в отношении намерений этих людей у меня не было.

Ползком, словно ящерица, я стал спускаться вниз. Добрался до расщелины, где еще спала Анна, подполз к ней и, разбудив, шепнул ей на ухо:

— На острове чужие, с оружием.

Убедившись, что Анна нормально отреагировала и не собирается кричать, я вытащил зарытую наполовину бутылку с дождевой водой и жадно выпил половину, а остатки воды вылил. Теперь в моей руке тоже было оружие в виде бутылки.

Медленно, шаг за шагом мы прошли по расщелине на западный берег острова и присели среди камней.

— Ты когда-нибудь била человека бутылкой по голове? — шепотом спросил я Анну, глядя во все стороны.

Она не ответила, только глаза ее расширились от ужаса.

— Понимаю, — кивнул я. — Это страшно. Но не в такой степени, когда умираешь сам. Возьми бутылку за горлышко, как гранату. Сядь за камнем, чтобы тебя не было видно. И ничего не бойся.

— А ты?

— Я буду играть роль разлагающегося трупа, выкинутого штормом на камни.

Я опустил в воду по шею и стал следить за берегом. Не прошло и минуты, как показались незнакомцы. Балансируя, они прыгали с камня на камень, останавливались, смотрели по сторонам, о чем-то переговаривались и шли дальше.

Когда нас разделяло всего метров двадцать, я нащупал рукой гальку размером с кулак и с короткого замаха кинул ее в скалу. Они тут же обернулись на звук, и один спросил:

— Что это было?

— Не знаю. Похоже, упал камень... Сходи, посмотри, — ответил второй.

Его напарник вытащил из-за пояса миниатюрный «бульдог» с крохотным стволом и, медленно двинувшись в обратную сторону, осмотрел отвесную стену и сказал:

— Ничего. Птица, должно быть, камень скинула.

Я тем временем лег на дно лицом вверх, слегка приоткрыл глаза, раскинул руки в стороны. Легкая волна покачивала меня, словно пыталась вытолкнуть на камень. Три минуты я мог не дышать и начал мысленно считать. Дошел до ста — ничего.

Вдруг надо мной выросла фигура человека. Он коснулся ногой моего лба, потом пригнулся, рассматривая мое лицо. И тут на голову бандита обрушилась тяжелая бутылка из-под шампанского. Он стал быстро валиться на меня, и я, поднявшись из воды, обеими руками вцепился ему в горло, повалил в воду, выхватил «макаров» и наступил коленом на послушное тело.

— Мак! — крикнул его напарник. Мы еще не видели его, но по голосу было ясно, что он быстро приближается. — Мак, что ты там нашел?

— Ку-ку! — сказал я ему.

Парень вздрогнул, резко повернулся в нашу сторону, и я выстрелил. Пуля сложила его пополам, револьвер выпал из ослабевших рук, и, подняв тучу брызг, бандит свалился в воду.

— На той стороне еще трое, — сказал я, ползком выбираясь на берег. — Но они нам не по зубам. Перестрелку устраивать не будем.

— А ты не знаешь, кто они? — спросила Анна. Ее зубы выбивали дробь.

— В первый раз вижу.

— Они могли услышать звук выстрела?

— Вряд ли. Ветер дует в нашу сторону.

— Кто им сказал, что мы здесь?

— Да черт их знает!.. Может быть, люди Гурули засекли вчера с берега, как мы с тобой с яхты прыгали. Словом, нас не должно быть. Мы не входим в их планы... Тихо! За мной, быстро!

Пригибаясь, я добежал до стены, посмотрел по сторонам и, убедившись, что нас никто не видел, кивнул Анне.

— Там, — махнул я пистолетом в ту сторону, откуда пришли те двое, — стоят моторные лодки. Их «пасет» один дятел... Ты моторку сама завести сможешь?

— Не знаю. Не пробовала...

Прижимаясь к стене, мы пошли к моторным лодкам, где сидел «часовой». Я отдал «Макаров» Анне, знаком показал ей, чтобы она оставалась на месте, а сам ползком добрался до воды, бесшумно опустил в нее и тихо поплыл к лодкам. До ближайшей моторки было метров двадцать, и я проплыл их под водой, скользя над самым дном, коснулся руками лодочного киля и поднял голову. Затем, держась за борт, приблизился к лодочному передку. До спины «часового» я мог дотянуться рукой, но с лежащего положения трудно было ударить его наверняка. Пришлось, подогнув локти, встать на колени...

Услышал он что-либо или почувствовал опасность интуитивно — не знаю, но парень неожиданно вскочил на ноги и круто повернулся ко мне, направив в меня длинный и тонкий ствол какого-то странного допотопного пистолета, похожего на «парабеллум». Мне ничего не оставалось, как поднять руки вверх.

— Не стреляй, — по-дружески попросил я. — Я сам пришел сдаться...

— Заткнись! Спиной ко мне! — неожиданно громко и грубо закричал парень, размахивая стволом пистолета перед самым моим носом. — Руки на камень! Ноги шире!

Я только помолился за Анну, как за моей спиной гроыхнул выстрел. Ничуть не сомневаясь в том, кто его автор, я повернулся и увидел, как «часовой» медленно оседает на песок. Анна же скакала по камням и размахивала рукой с «Макаровым»:

— Быстрее! Они бегут сюда! Заводи мотор!

Щелкнул пистолетный выстрел, и пуля с воем срикошетила от камня, рядом с которым я только что стоял.

— Пригнись! — сказал я и, не дожидаясь, когда Анна сообразит, толкнул ее на камни. Вторая пуля просвистела над нашими головами. — В лодку, живо! — приказал я.

Анна неуклюже перевалилась через борт. Я дернул за швартовочную веревку, увязая коленями в песке, оттолкнул моторку от берега и запрыгнул на сиденье. Посмотрел на приборную панель и похолодел: в замке зажигания не было ключа.

Тем временем лодка, двигаясь кормой вперед, медленно заплыла за большой валун. Несколько десятков секунд мы были вне досягаемости огня бандитов.

— Посмотри, нет ли там весел! — крикнул я.

Приподнявшись с сиденья, Анна растерянно посмотрела по сторонам.

— Весел нет. Только эти... акваланги.

— Что?! — не поверил я в удачу. — Милая, ласточка, солнышко, это же наше спасение!

Несколько выстрелов, и звонкие удары пуль о борта лодки заставили нас снова упасть на сиденья. Бандиты, уже не таясь, бежали к второй лодке и на ходу стреляли в нас. Не целясь, я добил обойму до конца, выкинул пистолет в воду и ужом скользнул следом за ним.

— Нырять сюда! — крикнул я Анне, держась за край борта.

— А акваланги?

— Нырять! — рывкнул я.

От короткой очереди, выпущенной из «пэтчета», спинка сиденья, покрытая коричневой кожей, задрожала, принимая в себя пули. Анна свесилась через борт и благополучно ушла в воду.

На берегу затарахтел лодочный мотор. Я схватил за ляжку первый попавшийся акваланг с притороченной к нему маской, стащил его в воду и стал надевать на спину Анне, крикнув при этом:

— Загубник засунь в рот!

Бандиты спешно садились в моторку. Один уже сталкивал ее на воду.

Анна поймала конец гофрированного шланга и схватила загубник зубами.

А бандиты спешно садились в моторку, один уже сталкивал ее в воду.

Пули градом сыпались вокруг. Если бы нас не закрывала своим полузатопленным корпусом лодка, мы давно были бы покойниками. Чтобы закинуть ляжки на плечи, мне пришлось сделать глубокий вдох и уйти с аквалангом под воду. Свой загубник я закусил уже там.

Глава 43

Без ластов мы с Анной двигались слишком медленно и слишком много затрачивали усилий. Наивно было полагать, что мы сумеем добраться до берега за полтора часа — на столько должно было хватить воздуха в баллонах, если, конечно, они были заправлены под завязку.

По донным камням, покрытым колышущимися водорослями, пробежала тень. Мы с Анной одновременно подняли головы. Над нами, метрах в пяти, пронеслась моторка. Потом она вдруг резко остановилась, мотор затих, и я услышал приглушенные хлопки выстрелов. Не думаю, что нас заметили, скорее бандиты, чувствуя, что мы где-то рядом, открыли беспорядочную стрельбу по воде.

Опускаться еще ниже было уже не по силам ни мне, ни Анне. Боль в ушах и холод становились почти невыносимыми. Оттолкнувшись от камня, мы поплыли прочь от моторки, все время оглядываясь. Вдруг Анна схватила меня за руку и стала показывать назад. Я обернулся, поднял голову. Темное пятно медленно двигалось по поверхности воды за нами. Мы с Анной одновременно повернули в сторону и ускорили движение. Лодка прошла на малой скорости в каких-нибудь десяти метрах от нас. Застыв, как каменные статуи, мы следили за ней. Сбоку от борта резал воду какой-то круглый блестящий предмет. Я не сразу понял, что это была голова одного из убийц. Надев маску, он выискивал нас.

Проплыв еще немного, моторка снова остановилась. Мы с Анной изо всех сил проталкивали себя сквозь толщу воды. Под нами снова поплыли смутные контуры донных камней. Либо это был участок относительного мелководья, либо мы приближались к острову. Темное, облепленное ракушками тело колоссального подводного столба надвигалось на нас, и мы направились к нему. За каменным исполином можно было спрятаться, за него можно было подержаться, почувствовать привычную опору, отдохнуть...

Поверхность воды недалеко от нас всколыхнулась, белое облако пузырей смерчем устремилось в глубину, сопровождая фигуру нырнувшего с катера подводника. Я сильно толкнул Анну в спину, заставляя ее заплывать за скалу. Следом за первым нырнул и второй подводник. Мы с Анной прижались к скале, боясь дышать и выдать себя пузырями. Подводники некоторое время кружились на месте, помахивая длинными ластами и глядя во все стороны, затем глянули друг на друга и, сверкнув лезвиями ножей в руках, медленно поплыли в нашу сторону.

Кажется, пришло время достойно умереть.

Они нас еще не видели, но вряд ли сомневались в том, где мы прячемся. Без ластов, без какого-либо оружия у нас не было шансов уйти от них.

И вдруг меня озарило — я понял, что надо сделать, и стал изо всех сил расчесывать «шкуру» подводного чудовища. Анна не сразу поняла, зачем я это делаю, затем, опустившись ниже, принялась мне помогать. Подводников я уже не мог увидеть, но чувствовал, что они совсем близко. Вытолкнув Анну из «пылевого» облака, я принялся стаскивать с себя акваланг. В последний момент, сделав глубокий вдох, вытащил загубник и завинтил редуктор, оставшись лишь в одной маске.

Лямки акваланга были слишком широкими, и я никак не мог зацепить их за какой-нибудь выступ. Наконец мне это удалось. Два баллона желтыми пятнами налипли на тело скалы. На расстоянии протянутой руки уже невозможно было разглядеть, что это всего лишь баллоны, а не человек в акваланге. Я же прекрасно маскировался в рыжих водорослях, крепко прижавшись к камню.

Анна опустилась ниже. Я уже ее не видел и даже не чувствовал пузырьков от ее дыхания. Может быть, она, как и я, перестала дышать, чтобы не выдать себя раньше времени.

Я почувствовал движение воды. В мутном облаке началось движение теней. Сначала я увидел красный в белых полосах ласт подводника. Он качнулся перед самым моим лицом, всколыхнул «пыль» и исчез. Затем я увидел тень подводника в полный рост: кажется, он скользил вдоль скалы головой вниз, отыскивая нас с Анной, и прошел всего в каких-нибудь двух метрах от акваланга.

«Пыль» за клубилась вокруг меня, водоросли, подчиняясь единому ритму, начали плясать из стороны в сторону. Почувствовав близость добычи, подводники ускорили поиски. Я уже крепко сжимал зубы, сдерживая все усиливающиеся судороги легких, жаждущих сделать вдох. Спасительные баллоны были совсем рядом — я мог дотянуться до них, но их вдруг заслонила собой широкая спина подводника. Убийца, заметив акваланг, отвел правую руку с ножом в сторону, чтобы можно было сильнее замахнуться. Когда он нанес первый удар ножом по коричневому облаку, целясь чуть выше редуکتора, где, по его предположению, находилась моя шея, я выскользнул из своей засады, обхватил ногами его бедра и, раздирая ногтями лицо, сорвал с него маску и загубник. Слепший, шокированный неожиданным нападением со спины, он инстинктивно рванул вверх, отчаянно перебирая ногами; он забыл про нож и без сопротивления отдал его мне. Я, все еще сидя на нем верхом, полоснул лезвием по горлу. Подводник судорожно дернулся и стал мотать головой; бурый «дым» окутал нас обоих. Я отцепился от него, а он стал с ускорением кружиться вокруг оси. Я недолго смотрел на эту подводную агонию, быстро устремился вниз, вдогонку за уходящим в глубину трупом, поймал шланг, схватил его зубами и, давясь воздухом и водой, стал дышать. Труп тащил меня за собой в глубину, и после первых вдохов, от которых в голове зазвенело, я ощутил боль в ушах. Давление нарастало с каждой секундой, и я уже рисковал погибнуть от глубины, а не от удушья, но не было воли оторваться от живительного шланга, и я опускался все глубже и глубже, перед моими глазами уже поплыли радужные круги...

С сильным рывком загубник выскочил из моего рта. Надо мной на фоне далекой поверхности воды, «танцевала» Анна. Одной рукой она крепко дер-

жала меня за волосы, а второй гнала под себя воду, пытаюсь поднять меня наверх. Я не сразу заметил, что на ее плече висит мой акваланг.

Я успокоился, прекратил вырываться, давая Анне понять, что вполне пришел в себя, и мои волосы можно оставить в покое. Она сняла с плеча акваланг. В его лямки я просто влетел, поймал ртом загубник, и Анна отвинтила редуктор.

Потом только я стал нормально соображать и, вращаясь на месте, как это делал труп подводника, смотрел во все стороны, воинственно полосуюя ножом воду. Никого поблизости от нас не было видно. Чувство безумной радости вдруг нахлынуло на меня. Это была нервная, психическая эйфория. Мы остались живы! Я отправил ко дну одного подводника, а второй, судя по всему, вернулся на катер. Небывалое везение, фантастика, божья воля — не знаю, как объяснить наше чудесное спасение. Четверых из шести вооруженных людей мы прикончили, не имея никакого оружия, кроме бутылки из-под шампанского да собственных рук...

Глава 44

Мы провели в воде почти весь день, и только ближе к вечеру наше жалкое трепыхание в километре от берега заметили с вышки спасательной станции и выслали за нами моторную лодку. После пережитых событий у меня возникла стойкая аллергия на моторки, и я не сразу поднялся на ее борт. Один из спасателей что-то кричал мне, протягивал руку, но я с опаской смотрел на него красными, воспалившимися глазами и бил его по руке. Анну спасатели просто втащили в лодку — она почти не подавала признаков жизни.

Ребята попались на редкость добросовестные. С Анны они быстро стащили джинсы и майку и стали в четыре руки растирать ее. Когда лодка на малом ходу причалила к уже безлюдному пляжу, моя подруга была способна самостоятельно выйти и добрести до медпункта. Мне дали большое сухое полотенце. Я завернулся в него и пошел вслед за Анной. Один спасатель последовал за нами, а второй погнался лодку к гаражам.

Мы сидели с Анной на топчане, покрытом простыней и прозрачной клеенкой, и дрожали. Организм вырабатывал тепло, и все мышцы наших истощенных тел трудились, как поршни двигателя.

— Ну, вы даете! — все время восхищался спасатель, который привел нас в медпункт. — Как вы умудрились так далеко заплывать?

— Уснули на надувном матрасе, — ответил я. — Течением отнесло...

Я стал приходить в себя и ориентироваться в обстановке. Те парни в черных майках не для того положили на Диком острове четверых своих бойцов, чтобы дать нам спокойно уйти.

— Вы не могли бы одолжить мне это полотенце до завтра? — обратился я к спасателю. — Моя одежда затонула...

Наверное, у меня был такой несчастный и испуганный вид, что спасатель поспешил помочь.

— Я вам дам шорты и майку! Почти новые! — Он кинулся в подсобку и добавил оттуда: — И можете не возвращать, ходите, сколько надо, а потом выкиньте!

Он вынес мне одежду. Я быстро облачился в белые трусы и бордовую майку.

— А обувь... — произнес спасатель, глядя на мои босые ноги и покусывая губы. — Может быть, найду шлепанцы. Знаете, отдыхающие часто оставляют тапочки на пляже, мы их подбираем и ждем, когда хозяин отыщется.

Я отрицательно покачал головой, снова кинул взгляд на пляж и тронул Анну за плечо.

— Пойдем, Анята.

Ее все еще колотила крупная дрожь. Она отрицательно покачала головой и с трудом произнесла:

— Куда ты меня тянешь?! Я не хочу больше в море! Отпусти меня, я хочу остаться здесь! Мне холодно!

— Послушайте! — крикнул спасатель, пытаюсь отгородить от меня Анну. — Оставьте ее в покое! У вас нервное переутомление!

Вдруг я услышал, как со стороны набережной раздался тихий скрип тормозов автомобиля. Оттолкнув спасателя, я схватил Анну в охапку, закинул ее на плечо и, выбежав на пляж, кинулся, увязая в остывшем песке, в сторону лодок. Упал на колени перед первой попавшейся и стал заталкивать под нее Анну. Она тихо поскуливала, вяло сопротивлялась, и все же мы оба благополучно скрылись под надежной крышей. А главное — вовремя.

С парапета на пляж спрыгнул человек в курточке и темных брюках. Руки его были опущены в карманы. Не торопясь, глядя по сторонам, он подошел к двери медпункта, сдвинул марлю, вытянул руку с пистолетом вперед и дважды выстрелил. Так же спокойно и неторопливо убийца спрятал пистолет в карман, повернулся лицом к морю, сплюнул под ноги, посмотрел в сторону Крепостной горы, затем — в нашу. Кажется, взгляд его остановился на лодках, и он медленно двинулся к лодкам. Через несколько секунд его ноги в коричневых туфлях мелькнули перед нашими перекошенными лицами, и каблучки застучали по днищу лодки. Нам на головы посыпался песок. Еще два удара, затем металлическая опора, на которой стояла лодка, закачалась, тихо заскрипела, и все стихло.

— Ушел? — одними губами спросила Анна.

Я по-пластунски вылез из-под лодки, посмотрел по сторонам. По набережной, удаляясь, плыли красные огоньки автомобильных габаритных фар.

— Ну что? — Взглянул я на Анну. — Уже согрелась? Вставай, надо уходить отсюда. Кнышу позвоним с «Горки». Там есть телефон. У убийцы много примет: ботинки, брюки, автомобиль. Его высчитают в полчаса...

Я не верил в то, что говорил.

— Читай вслух! — попросил я, удобнее устраиваясь в автобусном кресле.

— А ты разве не спишь? — удивилась Анна.

— Нет, только делаю вид.

Ночь мы провели у Аркадия Демчука. Раскладушки он постелил нам в саду, среди безмолвных Венер и девушек с веслами. А рано утром мы сели в автобус, следующий рейсом из Феодосии в Ялту, предварительно купив в станционном киоске свежие газеты. Анна принялась просматривать заголовки, но уже буквально через полминуты ахнула:

— Послушай, тут только про тебя и пишут! «Кому это выгодно?» Автор — какой-то Фисменович. «Вывод экспертной комиссии о том, что взрыв на яхте «Ассоль» произошел в результате воспламенения электропроводки в непосредственной близости от баков с бензином, можно было поставить под безусловное сомнение только потому, что этой версии отчаянно придерживается официальный Симферополь. Я же склонен принять эту версию лишь по той причине, что комиссию создал и возглавил Виктор Гурули — человек, который в наибольшей степени был заинтересован в целостности и сохранности денег, предназначенных для выплат вкладчикам»... Вот гад, а? Врет и не краснеет!.. Ты еще не спишь? Слушай дальше...

— Это неинтересно, — перебил я. — Поищи что-нибудь про меня.

— Про тебя, про тебя, — забормотала Анна, перебирая газеты. — Вот, слова генерального директора АО «Милосердие» Виктора Гурули: «Погиб мой друг — капитан яхты «Ассоль» Кирилл Андреевич Вацура. Эта смерть останется на совести убийц, взорвавших яхту. Но лишь на очень короткое время. Я своими силами создал специальную следственную группу из числа высококвалифицированных профессионалов и частных детективов. Эта группа уже работает...» Да-а, мы с тобой вчера на острове близко познакомились с этой группой, — хмыкнула Анна и продолжила: — «Каждый час я получаю информацию о ходе следствия. Могу сообщить, что на след преступников мы уже вышли. И ведут эти следы в высокие государственные инстанции... Призываю всех акционеров «Милосердия» теснее сплотить свои ряды. Не дадим себя ограбить! Не дадим себя обмануть! Построим свой дом, свою судьбу, свое счастье своими руками!» И факсимильная подпись...

На многолюдном алуштинском автовокзале мы чувствовали себя вполне безопасно. Как выяснилось, на Барсучью поляну рейсовые автобусы

не ходили, а частники отказывали нам по той причине, что въезд в дачную зону для посторонних закрыт.

— Кирилл, может быть, не поедем туда? — заглядывала мне в глаза Анна.

— Пришло время возвращать долги. Я не успокоюсь, пока не разворошу тот муравейник, — отрицательно покачал я головой.

— Тебя мало травили собаками?

— К черту собак!

— Хорошо, доберешься ты до Барсучьей поляны. — Она старалась говорить со мной терпеливо и спокойно. — А что потом?

— Я сожгу их двухэтажный сарай!

— Не успеешь. Тебя сожрут собаки. А сунешься в офис — нарвешься на пулю охранника. Частная собственность. Кроме эмоций, у тебя нет ничего — ни прав, ни оружия, ни цели... К тому же я не уверена, что Леша живет на той лесной даче. Скорее он крутится где-то рядом с Гурули или Милосердовым.

Она придерживала меня за руку, а я все вырывался, все норовил куда-то идти. Наконец выругался, сел на скамейку и, накрыв голову носовым платком, произнес:

— Мне стыдно. Никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным...

На попутке мы добрались до Ялтинского шоссе. Дальше — по серпантину, ведущему в сторону Барсучьей поляны, пошли пешком. Анна скоро отстала. Она плелась посреди дороги, останавливаясь и отдыхая каждую минуту. Тот резерв, из которого она черпала силы на подвиги, иссяк. Я не торопил ее. Спешить, собственно, было некуда.

Глава 45

— Кирилл, а это затягивает, да?

— Ты о чем?

— О том, чем мы с тобой занимаемся.

— Нет, не затягивает. Просто хочется довести дело до конца. Правда, конца не видно.

— Ни конца, ни моря, ни гор... А может, плюнем на все и пойдём вниз?

— Тихо! — перебил я ее, услышав звук мотора, и вышел на середину дороги, откуда хорошо просматривалось освещенное фонарями шоссе. Наверх шла машина, и я сразу узнал ее — это был серебристый «БМВ» Крокодила Альгиса.

— Занимай исходную позицию! — сказал я Анне. — Заправь майку в джинсы! У тебя должен быть сексуальный вид.

— Для того чтобы у меня был сексуальный вид, мне как минимум надо раздеться. Но тогда он точно не остановится.

Я спустился с обочины в глубокий кювет и залег, чтобы меня не было видно с дороги.

По верхушке кипариса скользнул луч, и вслед за этим словно из-под земли на Анну выскочил «БМВ», разбрызгивая впереди себя свет. Раздался пронзительный визг тормозов и вслед за этим — словесная тирада на шоферском жаргоне:

— Какого черта ты стоишь посреди дороги? Если надоела жизнь, то иди лучше утопись!

— Прости, — ответила Анна и вульгарной походкой пошла к Крокодилу.

— Откуда ты здесь взялась, кошка? — более ласковым голосом спросил Альгис.

— Меня бросили, — растягивая слова, ответила Анна.

— Кто ж это такую красотку бросил? — спросил Альгис, на всякий случай посмотрев вокруг.

— Мой дружок. Мы с ним поцапались, и он прямо здесь высадил меня. А я не знаю, куда идти. Умираю — хочу чего-нибудь выпить... Послушай, у тебя случайно нет выпить?

Альгис начал таять. Он с интересом рассматривал Анну, медленно оцупывая ее взглядом с ног до головы.

— А ведь ты не из робких, кошка? — спросил он. — Я прав? — И протянул руку к ее лицу.

Анна не успела ответить — Крокодил рухнул на капот «БМВ» от моего удара кулаком в голову. Я бил с хорошего положения и сделал довольно сильный замах, но Альгис мгновенно спрыгнул с капота, молниеносно вытащил из-за спины пистолет и направил его на меня. Все могло закончиться очень плачевно для нас с Анной. Но моя подруга вовремя пришла на помощь. Она прыгнула на Альгиса, обхватила его руку с пистолетом, и рука дугой пошла вниз. Прогремел выстрел, пуля взбила фонтанчик пыли у самых моих ног. Не дожидаясь, когда Крокодил прострелит почти новые кроссовки, одолженные мне Демчуком, я прыгнул на него и на этот раз достал до его шеи. Голова Альгиса гулко ударилась о крышку капота, и я несколько раз впечатал кулак в его лицо. Потом сказал Анне, вытирая свободной рукой пот со лба:

— Убери пистолет и посмотри, не едет ли кто сюда.

— Считай, что ты уже покойник, — произнес Альгис, сплевывая красную слюну.

— Я уже давно так считаю, все не дождусь.

— Дождешься, — заверил Альгис.

— Сейчас поедem в офис, — сказал я спокойно.

— Ничего у тебя не выйдет, — развязно ответил он. — Офис охраняется надежнее, чем зона. Обломаешь зубы. Это — во-первых, а во-вторых, если

я опоздаю на дачу хотя бы на три минуты, сюда нагрянут мои ребята и сделают тебе и твоей бабе больно.

Да простит меня господь, я не сдержался. Развернул Крокодила лицом к себе, схватил его за уши и опустил несколько раз его голову на свое колено, после чего оттолкнул от себя слабеющее тело. Альгис повалился в пыль, прижал ладонь к расквашенному носу.

— Это тебе за твое гостеприимство! — сказал я, сплевывая. — Но я даю тебе шанс исправиться. Сейчас поедem в офис.

Оставив Альгиса лежать на капоте, я открыл заднюю дверцу машины и стал выкидывать картонные коробки и ящики с сиденья. Там были продукты — копченые колбасы в золотистой упаковке, головки сыра, овощи, яйца, пучки зелени, «шайбы» с селедкой. Я добрался до последней коробки и стащил ее на асфальт. Под ноги вывалились цветные мелкие коробки всевозможных размеров. Анна наклонилась, рассматривая упаковки.

— Дискеты, картриджи... А это тонер для ксерокса... Вот еще дискетки — раз, два, три, четыре коробки по сто штук! Они их на зиму солят, что ли?

— Собери все эти компьютерные причиндалы и поставь коробку в машину, — сказал я Анне, затем перевел взгляд на Альгиса: — Садись за руль!

Он подчинился молча и сразу. Видимо, до Крокодила дошло, что на свете есть много всяких разнополюсных сил и противодействий, помимо той, которая обитает на лесной даче Татьяны Сысоевой. И этот элементарный закон физики, судя по всему, стал для него открытием.

Глава 46

Этот поселок отличался от прочих дачных поселков тем, что здесь не было слышно лая собак. Казалось, что божественная тишина исходит от отвесных, скупо освещенных холодным лунным светом скал. Под ними, словно скальные гребни, возвышались пирамидальные крыши белокаменных домов, похожих на миниатюрные средневековые замки. Многие из них были мрачны и темны, в некоторых светились узкие окошки, застекленные витражами, закованные в литые черные решетки.

Офис заметно отличался от соседствующих каменных замков. Это была маленькая копия лесной дачи — двухэтажный домик с белыми, выкрашенными известью стенами, деревянной лестницей, ведущей на крыльцо с козырьком, украшенным резными карнизами, с окошками, наглухо закрытыми ставнями.

Альгис остановил машину в нескольких шагах от лестницы, хотел отключить фары, но я перехватил его руку, продолжая рассматривать дом. Ни высокого забора, ни колючей проволоки, ни вооруженных до зубов охранников.

— Охрана внутри, — глухо произнес Крокодил, словно прочитав мои мысли.

— Сколько человек?

— М-м-м... Один.

— Что ж так негусто?

— Тут дело не в количестве охранников. Перед тем как открыть нам двери, он обязательно позвонит на лесную дачу. Это сразу вызовет подозрение.

— Разве ты не имеешь права войти сюда? — спросил я.

— В такое позднее время я сюда никогда раньше не приезжал. Товар я завожу сюда с началом работы... Если сейчас зайду в дом, это вызовет подозрение, — повторил он.

Я отключил фары. Несколько секунд мы неподвижно сидели, привыкая к темноте.

— В принципе мы можем мирно расстаться с тобой, — сказал я, — если ты будешь хорошо себя вести и ответишь на все мои вопросы.

— Я попробую, — ответил Альгис и пожал плечами.

— Где Малыгин?

— Не знаю. Я не видел его с тех пор, как вы уехали с ментами. Скорее всего, он в Москве, при Милосердовой.

— Какую роль вы отвели ему? Он кто, любовник Эльвиры или киллер? А может быть, то и другое?

— Не знаю, любовник он или козел... — усмехнулся Альгис. — Мне кажется, Милосердова использует его для самой дурной работы. А он соглашается на все. То, что он «пас» тебя, — это так, мелочь.

— Милосердова в последние дни не появлялась здесь?

— Нет, она в Москве.

— Естественно, вместе с деньгами?

— Насчет денег меня не информируют.

— Где Гурули?

— Не знаю. Может быть, в Ялте, может, в Симферополе. Он здесь давно не появлялся.

— За мной охотятся. Чьи это люди? Сысоевой?

— Вряд ли. Сысоева этим не занимается. Тебя рано или поздно убьют люди Гурули.

Он сказал «убьют» настолько уверенным тоном, что мне стало не по себе.

— Но Лепетихе звонила и заказывала убить меня Сысоева?

— Это был заказ Гурули. Она его просто озвучила.

— И она же потом убила Лепетиху?

— Возможно. Она больше Гурули заинтересована, чтобы на офис не упала тень.

— А чем еще занимается твоя хозяйка?

— Компьютерами... Я не вникал подробно. Тонкая материя.

— Жаль. Если бы вник, то, может быть, не было бы необходимости заходить в офис... Ну что ж, выходим!

Я отщелкнул из рукоятки пистолета магазин, убедился, что в нем достаточно патронов, и вогнал его на прежнее место. Альгис в нерешительности топтался у задней дверцы, а когда Анна вышла из машины, потянулся за коробкой, но я остановил его:

— Коробку возьмет она, — и кивнул на Анну.

Анна обратила на меня недоуменный взгляд.

— Давай, давай, милая, — ответил я. — Ты понесешь коробку, я — пистолет, а Альгис — свои грехи. У каждого свой крест.

Почувствовав, как спину гладит ствол «Макарова», Альгис опустил руки, затолкал платок в карман брюк и стал медленно подниматься по лестнице. Мы с Анной — следом за ним.

— Как зайдешь, — тихо сказал я ей, — вырони коробку у ног охранника.

Она кивнула. Мы поднялись на крыльцо к обитой железом двустворчатой двери с глазком, над которой тускло светила лампочка. Альгис вытянул руку вверх, нащупал кнопку спрятанного за облицовочной доской звонка и надавил на нее. Из-за двери донеслось приглушенное бульканье мелодии. Звонить пришлось несколько раз, пока, наконец, не лязгнул замок. Но металлическая дверь не открылась — по-видимому, она была двойной. Глазок загорелся маленькой лампочкой.

— Альгис, ты? — раздался изнутри сонный мужской голос.

— Да, я, — ответил Альгис не своим голосом и покосился на меня.

— А чего это тебя в такое время принесло? — спросил охранник, не торопясь открыть дверь.

— Дискеты надо выгрузить.

Заскрежетал засов, дверь приоткрылась. Немолодой охранник с помятым от сна или пьянства лицом глянул на нас.

— Кто это с тобой? — спросил он, закрывая собой проход на всякий случай..

— Приятели, — ответил Альгис. — Помогают...

— Я позвоню хозяйке, — сказал охранник, подозрительно глянув на нас. — Разрешит — впусти.

В одно мгновение я понял, что произойдет дальше. Он снова закрывает дверь, позвонит на лесную дачу, скажет, что, ни с того ни с сего, приперся Альгис с незнакомыми мужиком и бабой. Сысоева, если не полная идиотка, сразу догадается, кто такие «мужик с бабой». О последствиях не хотелось думать.

Мне оставалось лишь кинуться на дверь с отчаянной решимостью, пробить ее своей головой, но положение спасла Анна. Не дожидаясь, когда

охранник закрывает дверь, она выпустила из рук коробку. Та упала у самого порога, упаковки с дискетами вывалились к ногам охранника. Закрывать дверь, не раздавив коробки, уже было невозможно.

Анна ойкнула, присела на корточки и стала торопливо подбирать товар с пола.

— Раззява! — выругался я. — Руки у тебя не к тому месту пришиты!

Охранник вдруг пожалел Анну:

— Ну что вы девчонку обижаете!.. Бывает! — И наклонился, чтобы помочь.

От удара рукояткой пистолета по затылку он на секунду застыл, будто прислушивался к своим ощущениям, медленно оперся руками о пол и уткнулся лицом в пол. Анна, перешагивая через него и рассыпанные коробки, первой прошла в дверь. Я подтолкнул Альгиса, который, кажется, уже плохо ориентировался в пространстве и не знал, куда ему идти.

Пока охранник не пришел в себя, я заклеил ему рот и перемотал руки, заведенные за спину, скотчем. Анна подобрала с пола оставшиеся дискеты и картриджи, закрыла входную дверь на засов, кивнула на коробку и сказала Альгису:

— Бери, теперь твоя очередь.

Крокодил, все глубже погружаясь в состояние прострации, не сразу понял, чего она от него хочет. В это время неожиданно загудел зуммер телефона. Мы все замерли, глядя на телефон-трубку, закрепленный на стене.

— Кто это может быть? — спросил я у Альгиса.

— Это телефон прямой связи.

— С лесной дачей?

— Да. Охранник обязательно должен ответить.

После короткой паузы зуммер замолчал, а Альгис обрел уверенность в благополучном исходе дела. Кажется, по его распухшим губам пробежала тень улыбки.

— Куда нести коробку? — спросил он.

— Где кабинет Сысоевой? — задал я встречный вопрос.

— У Сысоевой, собственно, нет кабинета. Все работают в одной комнате. Я показал глазами на дверь, обитую черным ледерином:— Здесь?

Альгис кивнул, взялся за ручку. Дверь была заперта.

— Где ключи?

— Скорее всего, у Сысоевой, — отводя взгляд, ответил Альгис. Он говорил неправду.

Я оттолкнул его в сторону, нагнулся к охраннику, проверил его карманы, вытащил связку ключей и передал Анне.

— Входи! — сказал я Альгису, когда Анна настежь отворила дверь.

Он зашел и, повернувшись к нам лицом, встал посреди большой комнаты. Вдоль стен буквой П тянулся ряд столов, на них матово отсвечивали серыми экранами мониторы компьютеров. В углу, приставленные друг к другу, возвышались два сервера; пучки кабеля черными змеями связывали все системные блоки в единую сеть.

— Какая прелесть! — негромко воскликнула Анна, рассматривая компьютер, стоящий у самой двери.

— Лицом к стене! — приказал я Альгису и с нескрываемым удовольствием несильно двинул его кулаком в спину.

Крокодил встал, сунул руки в карманы и привалился к стене плечом, словно подчеркивая, что, вопреки моим усилиям, сохраняет достоинство.

— Где-то здесь должен быть общий рубильник, — сказала Анна. Глаза ее возбужденно блестели. Она почувствовала себя в своей стихии.

Справа от двери я нашел черную пластиковую коробку с пусковой кнопкой и надавил на нее. Анна щелкнула тумблером на боку сервера. Он утробно загудел, заурчал, и монитор, стоящий на нем, засветился голубым светом. Анна села на крутящееся офисное кресло у центрального компьютера, включив и его. Казалось, что она вмиг забыла обо мне, о Крокодиле и полностью переключилась в мир символов, цифр и букв, которые выводил экран монитора.

— Ну, что там? — спросил я, заглядывая через ее плечо на экран.

— Очень интересно, — ответила Анна, пробегая пальцами по клавиатуре. — Мне кажется, если, конечно, я не ошибаюсь, что здесь работает бригада очень опытных и своеобразных программистов... Встроенный модем... Выход на глобальную сеть...

Я не понимал Анну и не мог проследить за ходом ее мыслей. В области информатики я был неандертальцем, поэтому молча подошел к окну, отдернул штору. Как и следовало ожидать, снаружи окно было закрыто решеткой. Я распахнул настежь обе оконные створки, встал на подоконник, чтобы лучше рассмотреть, как крепится решетка. Она была схвачена по углам металлическими скобами, вбитыми прямо в оконную раму.

Я осмотрел весь компьютерный зал, шкафы и ящики столов и нашел то, что мне было нужно, — пассатижи и молоток.

— Кирилл! — крикнула Анна, не отрывая глаз от экрана. — Я так и думала! А какие, интересно, у тебя соображения по поводу деятельности этой милой компании?

— Я думаю, — ответил я, выбивая молотком первую скобу, — что они с какой-то целью тыкают пальцами в клавиши, как это сейчас делаешь ты.

— Правильно, — ответила Анна. — Они тыкают пальцами в клавиши и создают небольшие, но очень хитрые программки... Сейчас я проверю эти файлы AIDS-тестом... — Потом вскочила с кресла, взяла с соседнего стола

лист бумаги и стала списывать с экрана цифры. — Неужели? Это даже круче, чем я предполагала. Целый пакет программ-взломщиков! Наш программист рассказывал, что это теоретически возможно. Но чтобы обнаружить эти программы в такой дыре!..

— Выражайся, пожалуйста, яснее! — сказал я Анне, снимая вторую скобу. Теперь решетку, подобно трапу, можно было откинуть вниз и использовать как лестницу. Я посмотрел на часы. Прошло двенадцать минут с того момента, как включился телефонный зуммер. Даже если люди Сысоевой уже выехали, вряд ли они смогут добраться сюда быстрее чем за полчаса.

— Пора закругляться, — напомнил я Анне.

— Отстань! — отрезала она.

— Анна, — повторил я и коснулся ее плеча, — давай прихватим с собой коробку с рабочими дискетами. Потом что-нибудь из них выудим.

— Они все заражены, — коротко сказала она.

— Что?! — не понял я.

— Хватай карандаш! Переписывай все эти реквизиты!.. Нет, ты представляешь! Несколько программ запускаются через сеть, и они взламывают все системы защиты: расшифровывают пароли, коды, и бригада получает доступ к любой секретной информации и банковским счетам. Хакеры! Компьютерные воры! Причем воры высочайшей квалификации! Они снимают финансовые счета с различных банков, куда удается заслать вирус-взломщиков, переводят деньги на счет своего банка, а потом специальными программами разрушают всю информацию о взломе. Их практически невозможно высчитать! Вот тебе и Барсучья полянка в Крымских горах!..

Когда я краем глаза заметил в дальнем углу комнаты движение, было уже поздно. Стул, описав под потолком дугу, врезался в меня, ударив ножками в спину и голову. Я успел лишь прикрыть локтем лицо, но удар был настолько сильным, что я не удержался на ногах и вместе с обломками стула, развалившегося на моих плечах, упал на Анну, сбивая и ее с кресла. Падая, я выстрелил туда, где стоял Альгис, но промахнулся. Крокодил, демонстрируя необыкновенную прыть, взвился в воздух и со сдавленным криком добавил мне ногой в голову. Путаясь в обломках стула и мешая друг другу подняться на ноги, мы с Анной оказались в самом невыгодном положении. И Альгис неплохо им воспользовался. Очередным ударом ноги он выбил из моей руки пистолет, кинулся следом за ним, но тотчас остановился — понял, что не успеет добежать до него и тем более выстрелить; развернулся и снова взвился вверх, намереваясь столь же эффектным каратистским приемом опять свалить меня. Но тут-то я достал его ножкой от стула, которая почему-то оказалась у меня в руках, и сильным ударом подсек обе его ноги. Крокодил упал на спину, инстинктивно выкинув руки под себя, смягчая приземление.

Он не смог прикрыть лицо, и тяжелая угловатая палка с лаковой пропиткой с хрустом сломала Крокодилу переносицу. От такого удара я бы, наверное, сразу откинул ноги, но Альгис, словно в него вселилась сатанинская живучесть, легко вскочил на ноги и попытался свалить меня ударом кулака справа. Я успел вовремя подставить локоть, отбивая летящий в меня кулак, а когда мне открылась смуглая от загара и покрытая щетинкой челюсть Альгиса, я вложил в ответный удар всю силу, на которую еще был способен.

Такого результативного удара я не ожидал. Альгис пролетел спиной над Анной, которая с чумными глазами все еще сидела на полу, и с диким криком врезался головой в экран монитора. Раздался короткий хлопок, звон разбитого стекла, монитор задымил, брызгая искрами. Остатки экрана острыми зубами впились Альгису в щеки. Анна отскочила в сторону, с ужасом глядя на Крокодила, который, выгнувшись дугой назад, пытался снять с головы страшный дымящийся шлем.

— Уходим! — крикнул я, хватая ее за руку.

Она подняла с пола пистолет и следом за мной запрыгнула на подоконник.

Глава 47

Едва мы успели спуститься по решетке вниз и, пригнувшись, нырнуть в плотную тень инжирного дерева, как услышали скрип автомобильных тормозов, хлопки дверей и топот ног. Кто-то громко постучал в дверь на крыльце, затем, кажется, добавил ногой.

Хорошо, что офис не был огорожен забором, и мы, стараясь не задевать низкие ветви фруктовых деревьев, беспрепятственно уходили в ночь, наполненную треском цикад, пока путь нам не преградила скальная стена. Мы поднялись наверх и, лежа на холодной каменной площадке, стали наблюдать за офисом. Рядом с входной лестницей стояли две легковые машины — девяносто девятый «жигуль» и серебристый «БМВ», на котором мы приехали. Иномарку внимательно и осторожно осматривали двое мужчин, еще один курил, стоя перед железной дверью в свете тусклой лампочки. Четвертого я узнал по коренастой фигуре и коротким кривым ногам. Это был Самуил. Он стоял поодаль, шагах в пятидесяти от офиса, и, кажется, говорил в трубку радиотелефона.

До нас долетел знакомый лязг засова, и мы увидели, как открылась дверь офиса. Оказывается, на «жигуле» примчались пятеро. Пробираясь через сад, мы не заметили, как один из мужчин влез по решетке в окно и открыл дверь изнутри.

Вскоре под нами среди деревьев вспыхнули огни фонарей. Похоже, что нас принялись искать по-настоящему. Анна нащупала в темноте мою руку

и крепко сжала ее. Ей было страшно. Она устала. Не выпрямляясь в полный рост, я отполз назад и стал рассматривать стену, залитую голубоватым лунным светом. При наличии трех десятков метров веревки, десятка крюков и карабинов взобраться на нее было бы делом элементарным даже для Анны, привыкшей передвигаться только по горизонтальной плоскости. За неимением страховки приходилось рассчитывать только на везение. Я потянул Анну за ногу. Пятясь, она подползла ко мне и неожиданно обняла за шею и крепко поцеловала.

— Поддай мне руку, — попросила Анна. Она не поспевала за мной.

Я приподнял ее под руки и поставил на маленькую ступеньку, выточенную в камне водой. Места на ней было мало, и Анна встала на цыпочки. Я обнял ее, поцеловал, как сделала она полчаса назад, и сказал:

— По-моему, пора ставить точку.

Было около шести утра, точнее, мои часы показывали 5.47. Но времени суток и вообще времени здесь как бы не существовало. Под балконом, на котором мы спали, беззвучно дышало матовое море облаков. Оно отрезало от нас весь мир, оставив нам небольшой клочок альпийского луга с давно высохшей травой и белыми угловатыми камнями, торчащими, словно зубы древних ящеров.

Я выдернул травинку и провел ею по щеке Анны. Она, не открывая глаз, тихо спросила:

— Где мы?

— На Роман-Коше.

— Не хочу Роман-Коша, — ответила Анна, поворачиваясь на бок и поджимая ноги, как делают во сне дети. — Расскажи лучше про точку.

— Про какую точку? — не понял я.

— Про ту, о какой ты вчера начал говорить.

Я провел по ее лицу ладонью и сказал:

— Я люблю тебя и прошу стать моей женой...

Теперь-то Анна открыла глаза, внимательно посмотрела на меня и отрицательно покачала головой:

— Нет. Дудки! Мне нужен нормальный муж, а не частный детектив, на которого охотится весь преступный мир Крыма.

— Но я же сам сказал, что пора ставить точку, — начал оправдываться я. — Вот только найду Лешика, и на этом ставлю точку.

— Так я и знала. — вздохнула Анна. — Нет, ты никогда не поставишь точку. Ты найдешь Лешика, потом тебе понадобится разыскать какого-нибудь Вошика, потом Дерьмошика, потом еще кого-нибудь... Так будет продол-

жаться до бесконечности. А кончится все тем, что тебя убьют в собственном подъезде, и я останусь вдовой.

Так мы брели до обеда, спустились на северный склон Роман-Коша и по нему дошли почти до Ангарского перевала. Едва Анна подняла руку, первый встречный троллейбус, идущий в Симферополь, остановился рядом с нами. Мы с наслаждением развалились на заднем сиденье, вытянув гудящие ноги, и опять вернулись к трудной теме. Анна первой начала этот разговор:

— Эти «барсуки» загребают деньги всеми доступными способами. Сначала Милосердова распространяла свои дурацкие акции, а потом вместе с деньгами свалила к брату в Москву. Затем Гурули с твоей помощью начал оживлять «Милосердие», чтобы снять с идиотов второй урожай. А бригада хакеров тем временем чистила чужие счета по компьютерной сети, взламывая системы защиты вирусами. Мне кажется, что все деньги стекаются в карман Германа Милосердова.

— Ты думаешь, что он главная фигура?

— Он политик, Кирилл. Кандидат в Госдуму. А вкладывать деньги в перспективного политика — самое выгодное дело. Когда он станет обладать депутатской неприкосновенностью и властью, то все трудовые пчелки, собиравшие деньги на его предвыборную кампанию, получат невысказанные привилегии в бизнесе.

— Пойми, Анюта, этих счетов, которые мы списали у «барсуков», и даже очень подробного рассказа будет недостаточно для того, чтобы ФСБ взялась за это дело. Я хочу, чтобы для начала Леша попал в полицию. Когда его начнут допрашивать и сопоставлять факты, которые я предоставлю, вся картина преступления начнет четко вырисовываться.

— И где ты собираешься его искать? — спросила Анна, глядя в окно.

— Я знаю, где его симферопольская квартира.

— Конечно! — усмехнулась Анна. — Он сидит в этой квартире и ждет тебя.

— Главное — выйти на его след.

— Можешь не сомневаться, что его следы кольцами выются вокруг Германа.

— И все-таки я бы начал с квартиры.

— А потом?

— Потом по счетам будем искать банк.

— А чего его искать? Открывай справочник и выписывай все данные.

— Что ж, значит, петля на шее мафии затягивается все туже.

— Боюсь, что ты очень наивен, Кирилл. У меня плохое предчувствие.

— Ерунда, — сказал я, пряча лицо в ее волосах. — Все ерунда на этом свете. Самое главное — это ты.

Глава 48

— Улица? Номер дома?

Водитель такси, пригнув голову, смотрел на нас с Анной и нервно барабанил пальцами по рулевому колесу.

— Видишь ли, приятель, я зрительно помню, где это, — ответил я.

— Э-э! — взмахнул рукой с растопыренными пальцами водитель. — Зрительно я с тобой по всему Симферополю гонять буду?

— Это недалеко от вокзала.

— Сколько дашь?

Тут меня оттеснила в сторону кредитоспособная Анна, вытащила из кармана стопку долларов и протянула водителю десятку. Водитель молча выстрелил рукой, скомкал деньги, испуганно посмотрел по сторонам и открыл заднюю дверцу.

— Садитесь! Бегом! — сказал он почему-то шепотом.

Мы сели «бегом» на заднее сиденье и уже через десять минут остановились у пятиэтажной кирпичной «хрущевки», куда поздно вечером пьяный вдрызг Леша привез меня. Прежде чем подняться на второй этаж, мне пришлось выслушать подробный инструктаж.

— Во-первых, вытащи руку из кармана, — тоном строгой учительницы сказала Анна. — Леша сразу поймет, что у тебя там пистолет, и может выстрелить первым. Во-вторых, не кипятись, не провоцируй его на кровавую стычку. Будь хитрее. Скажи, что дом оцеплен полицией и добровольное признание будет смягчающим обстоятельством...

Я крепко вдавил кнопку звонка, а когда за дверью раздалось шарканье тапочек, оттолкнул Анну подальше от двери.

Неожиданно дверь открыл пожилой мужчина с шапкой седых волос и седой бородкой, глянул на меня поверх очков с двойными линзами, чуть подался вперед и перевел взгляд на спрятавшуюся за углом Анну.

— Чем обязан? — спросил он и по-доброму улыбнулся.

Все слова застряли в моем горле. Я поднял глаза, посмотрел на число «39», откашлялся и сказал что-то невероятно глупое:

— Э-э... Разве это тридцать девятая?

— Во всяком случае в данный момент — да. А вас, смею спросить, это не устраивает?

— Мы, должно быть, ошиблись, — вмешалась в разговор Анна.

— Жаль! — развел руками мужчина. — Такая красивая пара — и, к сожалению, не ко мне.

— Мне нужен Малыгин, — сказал я. — Он проживает в этой квартире.

— В таком случае, — оживился мужчина, — вы пришли по адресу. Малыгин — это я. И проживаю в этой квартире.

— Не то, — сквозь зубы произнес я. — Вы, батя, путаете. Здесь жил человек помоложе вас, по профессии анестезиолог.

— Так я и есть анестезиолог! — воскликнул мужчина и снял очки. — Бывший анестезиолог из двенадцатой горбольницы! А что касается молодости, то... Возраст ведь определяется не по годам, а по состоянию духа и тела, так ведь, девушка?

— Хватит разыгрывать перед нами комедию! — выкрикнул я. — В тот день, когда похоронили Милосердову, в этой квартире ночевал опасный преступник. Войти можно?

— Конечно! — охотно согласился седобородый и отошел в сторону, освобождая проход. — Сейчас я накормлю вас обедом!

Из прихожей я вошел в комнату. Ошибки быть не могло. Именно эта комната с тяжелыми шторами, книжными полками и картиной в дорогой раме на стене.

— Не надо никаких обедов! — повернулся я к мужчине. — Ответьте только на один вопрос: кому вы давали ключи от этой квартиры?

— Никому.

— Но это же неправда! Покажите паспорт! — с последней надеждой попросил я.

— Конечно, конечно, — ответил седобородый, открыл дверцу встроенного шкафа, вынул оттуда коробку, а из нее — паспорт. — Прошу!

Я открыл паспорт на первой странице. Потом посмотрел на прописку. Сомнений быть не могло. Передо мной стоял законный хозяин квартиры.

— Ты знаешь, как Леша по отчеству? — спросила Анна, когда мы вышли на улицу.

— Нет, — рассеянно ответил я. — А почему ты спрашиваешь?

— Это его отец, — уверенно сказала она.

Глава 49

Вернувшись поездом в Москву, мы поехали к Анне. Я впервые был у нее дома. Это уютное гнездышко прекрасно характеризовало хозяйку.

— Интересно, — произнес я, медленно двигаясь по скрипучему паркетному полу, словно по залу музея, — сколько здесь побывало мужчин до меня?

— Сколько побывало — не помню. Но один и сейчас живет. — И Анна взяла с плоского системного блока компьютера непомерно толстого серого кота, который напоминал воротник от шубы. — Вот, знакомься, его зовут Варфоломей.

Кот лениво ударил меня мягкой лапой по уху, но я не стал с ним конфликтовать. Я смотрел на небольшую картину в темно-коричневой рамке, напи-

санную маслом. Девушка зачесывала пышные пепельные волосы, слегка приподняв подбородок вверх, словно подставляла лицо солнечным лучам.

— Это она? — спросил я.

— Да, она. Подойди ближе, на раме внизу есть подпись: «Портрет Т. Васильевой».

— А где письмо, которое она якобы прислала в Кемерово из Москвы?

— Все здесь. В том числе и визитка художника... Сейчас покажу.

Она сняла с книжной полки томик словаря Даля, раскрыла его и протянула мне белый картонный квадратик.

— «Виртуозов Григорий Робертович, художник-авангардист», — прочел я. — Телефоны, адрес... Очень хорошо. Не знаю, насколько талантлив этот Виртуозов, но мне кажется, что характер Васильевой он передал точно... Глупая мечтательница с чистой душой и порочным телом. Любовь для нее была единственным источником света, к которому она шла без оглядки всю свою короткую жизнь. А хитрые и умные дяди использовали ее в своих корыстных целях, а потом в довершение всего еще и убили...

— Не надо! — вдруг прервала меня Анна каким-то странным голосом.

Я повернулся к ней. Анна смотрела как будто сквозь меня. Глаза ее были широко раскрыты, руки нервно теребили белый подбородок Варфоломея. — Что с тобой?! — испугавшись, спросил я.

— Мне показалось... что ты говоришь не о Васильевой.

— А о ком же?

— Обо мне.

Нефедов, когда я напрашивался на встречу с ним, обычно принимал меня в своем кабинете, а в худшем случае — где-нибудь на улице, в районе Лубянки. На этот раз, когда я позвонил ему на службу, он поинтересовался, откуда я звоню, уточнил адрес и пообещал заехать в течение дня.

Он появился на пороге квартиры в седьмом часу вечера с букетом белых гвоздик для Анны и литровой бутылкой «Абсолюта». Выглядел Валера, как всегда, прекрасно: безукоризненно причесан, гладко выбрит, в дорогом темно-синем костюме.

Пока Анна накрывала «поляну», Валера прохаживался по комнате, рассматривая экспонаты. У портрета Васильевой он задержался несколько дольше, чем у других картин, но ни о чем не спросил. И все-таки мне показалось, что ее лицо ему знакомо.

Мы сели за стол. Валера предложил тост за братство всех ветеранов афганской войны, с явным удовольствием выпил и принялся за салат из помидоров. Я открыл, было, рот, чтобы начать рассказ о преступлении Милосердовой, но Валера, наливая в очередной раз, стал вспоминать наших со-

служивцев. Я понял, что он просто избегает какого-либо серьезного разговора. И меня это задело. Получалось так, что Валера затыкал мне рот, игнорировал мои чувства и мою сумасшедшую работу, проделанную за три последние недели.

— Вздрогнем! — сказал Валера, поднимая рюмку. — За нашу дружбу!

Я демонстративно скрестил на груди руки и откинулся на спинку стула.

— Ты чего? — удивился Валера. — За дружбу отказываешься пить?

— Я не буду пить, пока ты не выслушаешь меня.

Валера протяжно, со стоном, вздохнул и опустил рюмку.

— Хорошо, я тебя выслушаю. На все десять минут. А потом до глубокого вечера будем говорить только о твоём Крыме, о море и женщинах. Согласен?

— Согласен, — кивнул я и сразу перешел к делу:

— Девятнадцатого августа на Диком острове была убита молодая женщина. Московский начинающий политик Герман Милосердов опознал в убитой свою сестру — генерального директора акционерного общества «Милосердие» Эльвиру Леонидовну. По подозрению в убийстве взяли под стражу коммерческого директора Виктора Гурули, но очень скоро его выпустили, закрыв дело за отсутствием состава преступления... — Патологоанатом пришел к выводу, что похороненная женщина была наркоманкой, — повторил Валера мои последние слова. — Так, и что дальше?

— Мне показалось, что ты невнимательно слушаешь меня, — признался я.

— Нет, я очень внимательно слушаю тебя. Только все, о чем ты говоришь, мне давно известно.

Мы с Анной переглянулись и в один голос воскликнули:

— Как известно?!

— Видишь ли, дружище, мы ведь тоже иногда раскрываем преступления.

— Как же? — произнес я с таким чувством, словно меня обокрали на крупную сумму. — Вы что же, Милосердову уже взяли и доказали ее вину?

— Пока нет. Но скоро возьмем.

— И ее брата?

— И брата тоже. Хотя его взять будет труднее. Он возглавил Партию радикальных мер, так называемую ПРМ. А эту партию поддерживают некоторые очень влиятельные лица, поэтому нам нужен веский повод, чтобы взять Милосердова.

— Валера, ты хочешь сказать, что вам известны все тонкости и детали этого дела? — не мог поверить я.

— Мне не хочется тебя расстраивать, друг мой, но это так.

— И вы знаете, кто убил эту девочку? — кивнул я на портрет Васильевой. — Вам известно, что это сделал Малыгин?

— Малыгин? — переспросил Валера. — Какой такой Малыгин?

— Ну вот! — облегченно воскликнул я и хлопнул кулаком по ладони. — Ты не знаешь убийцу Васильевой, а говоришь, что въехал во все тонкости.

Валера вздохнул, отложил бутерброд и в упор посмотрел на меня. В его взгляде что-то изменилось.

— Кирилл, — вздохнул Валера и в упор посмотрел на меня, — на протяжении достаточно длительного времени ты постоянно путался у нас под ногами, затрудняя работу следственной бригады. Мало того, ты каким-то чудом умудрялся одновременно мешать мафии, полиции и ФСБ. Я несколько раз просил тебя перенацелить свою энергию на какое-нибудь другое дело. Теперь же я просто требую, чтобы ты прекратил какие-либо действия в отношении Милосердова, его сестры и всех остальных людей, замешанных в этом деле. Понял меня?

— А на каком основании ты требуешь?

— На том основании, что я в отличие от тебя обладаю правом навязывать свою волю другим людям. Я могу даже арестовать тебя.

— Ты это серьезно говоришь?

— Вполне. И по той причине, что ты балуешься, а я работаю.

— Какое же это баловство! — вмешалась Анна, бросившись мне на помощь. — А ты знаешь, сколько раз он жизнью рисковал, ходил по краю пропасти?! Сколько раз его пытались подставить, убить, и только чудо спасало?!

— Знаю, — ответил Валера. — Я все знаю. А вот ты не знаешь, сколько раз я клялся набить Кириллу физиономию за эти игры. Он был всего лишь нашей тенью. Где-то он шел по нашим следам, где-то мы — по его, но в отличие от нас он действовал грубее, лез напролом, как бык на красную тряпку.

— Тем не менее, — напомнил я о своем существовании, — я и Анна до сих пор живы, а преступление раскрыто.

— Я не ставлю под сомнение талант, ум и храбрость, которыми ты не обделен, — повернулся ко мне Нефедов. — Но у тебя нет главного.

— Чего же?

— Права определять вину людей и наказывать их. И ты сам это понял, поэтому позвонил мне. Твоя миссия закончена. Ты раскрыл преступление, поставил об этом в известность органы безопасности. Все, спасибо. Жму руку. С меня ценный подарок...

— Нет, я так не могу! — отрицательно покачал я головой и с ходу сочинил версию: — Моим далеким предком был грузин. Во мне плещется горячая кровь. Я никогда не прощаю тому, кто меня хоть раз обманул или унизил. Я найду Лешку, прижму его к стене, чтобы он задрогал лапками, да вразумительно объясню ему, кто из нас мужчина, а кто шакал. А потом возьму за ухо и отведу к тому, у кого, как ты говоришь, есть право наказывать.

— Ты меня уболтал, — вздохнул Валера, доставая сложенный квадратом розовый листок. — Я дам тебе возможность прижать твоего Лешку к стене.

Даже постараюсь помочь тебе это сделать. Но только после десятого сентября, то есть послезавтра. Одиннадцатого я жду тебя, мы оба раскроем карты, обменяемся опытом и заключим долгосрочный союз. Договорились?

— Почему именно после десятого?

— Потому что завтра у меня будет очень много работы.

— Это связано с делом Милосердовой?

— В какой-то степени. Держи!

Я взял протянутый мне листок и развернул его. Это были театральные билеты.

— Мы что, будем брать Большой театр?

Валера от души рассмеялся.

— Чтобы ты не мучился от безделья и не искал на свою голову приключений, сходи-ка с Анютой на «Евгения Онегина». Места, между прочим, рядом с президентской ложей.

— Ура! — воскликнула Анна. — Я сто лет не была в Большом!

— Ты что ж, специально для нас их покупал?

Валера сделал неопределенное движение рукой.

— На работе распространяли. Я хотел с женой сходить, но вышла накладка. Именно в этот день и в этот час. М-да...

— Десятое сентября, девятнадцать ноль-ноль... А что должно произойти в этот день и час?

— Как что? — улыбнулся Валера. — Погаснет свет, поднимется занавес, публика заплодирует.

— Решено, — сказала Анна и взяла у меня билеты, — мы идем на «Евгения Онегина»!

— Значит, договорились? — подытожил Нефедов, поднимаясь из-за стола. — Одиннадцатого утром я жду твоего звонка.

— Договорились, — рассеянно ответил я. — Одиннадцатого утром...

Валера отказался от испеченного Анной «Наполеона» с вишневым ликером и, поцеловав хозяйке руку, вышел из квартиры.

Анна села напротив меня, рассматривая мое лицо.

— Ну, что ты еще надумал?

— Ты знаешь, что произойдет завтра в девятнадцать ноль-ноль? Завтра в это время они будут брать Милосердова с сестрой. Мы с тобой раскрутили всю эту мафию, а они сами, без нашего участия, будут ее брать. Снимут сливки, пожнут лавры! — Я встал из-за стола и заходил по комнате. — Мы с тобой — никто! Тень службы безопасности, которая путается под ногами. А они — супермены! Профессионалы! Правда, понятия не имели, что вместо денег я вез на яхте ящик тротила, и если бы не ты, то остался бы я в памяти народной вечным борцом за социальные права обманутых. И, должно быть,

до сих пор не знают, что умные ребята с Барсучьей поляны «чистят» по компьютерной сети банковские счета. Ты думаешь, убийство Караева, Лепетихи, бомжа с дикого пляжа они как-то связали с делом Милосердовой? И не сомневайся — нет! А фамилию Малыгина наш друг Валера вообще услышал сегодня первый раз в жизни...

Я замолчал и, когда наступила тишина, понял, как громко, долго и банально говорил.

Анна смяла в руке билеты, кинула бумажный шарик в пепельницу и поднесла к нему зажженную спичку.

Глава 50

— Еще раз, — сказала Анна. — Первые три цифры.

Она сидела перед экраном компьютера, возила перед носом индифферентного Варфоломея «мышью» и искала по электронному справочнику адрес банка по номеру счета, который я ей диктовал. Это был тот самый счет, на который хакерами переводились деньги с Барсучьей поляны.

— Триста десять, — диктовал я, — пятнадцать... семьдесят четыре...

— Индекс?

— «Р» два ноля ВБС.

— Есть, — ответила Анна. — Кажется, ухватила. «Москва. Восточный филиал «Униксоцбанка». Улица Саранская, дом тридцать, корпус четыре». — Она повернулась ко мне вместе с черным офисным креслом. — Ты счастлив?

— Я удовлетворен.

— Как? Уже? А разве твое уязвленное самолюбие не требует припереть Лешику к стенке?

— Собственно, уже нет. Перегорело, — пожал я плечами.

— Да брось ты! — не поверила Анна. — А у меня как раз разыгрался аппетит. Сейчас я позвоню на работу, договорюсь о машине.

— Мне кажется, что нам с тобой будет достаточно лишь понаблюдать за кульминацией со стороны.

— Или изнутри. В общем, там будет видно. Как говорил кто-то из великих, главное — ввязаться в драку. Точку поставим мы, иначе нам никогда не начать новой жизни. — решительно проговорила Анна.

Наверное, лучшее качество водителей служебных машин, не считая мастерского вождения, — это умение вести себя так, чтобы пассажиры забывали о твоём существовании. Водителя «РАФа», в котором мы ехали на Саранскую улицу, можно было бы принять за глухонемого, если бы он в точности не выполнял приказов Анны. Звали его, кажется, Василий, рабо-

тал он в той же фирме, что и Анна, и, думаю, его особенно ценили за умение молчать.

Четвертый корпус тридцатого дома со скромной вывеской «Униксоцбанк» водитель нашел быстро, но Анна в целях конспирации велела Василию сделать еще несколько кругов по ближайшим кварталам, а затем припарковаться недалеко от центрального входа.

Было четверть седьмого. Как и накануне, безостановочно шел моросящий дождь, серые низкие тучи обложили небо, и оттого было сумрачно. У входа в банк, упаковавшись с головой в черный плащ, напоминающий рясу, стоял охранник. Сквозь опущенные жалюзи из окон первого и второго этажей едва пробивался свет.

Мы следили за входом из-за шторок. Умница-водитель, не оборачиваясь, спросил:

— Я пока не нужен?

— Пока нет, — ответила Анна.

— Пойду покурю.

Он вышел, протер лобовое стекло тряпкой, поправил стеклоочистители и, прикуривая, стал прогуливаться по тротуару.

Анна устала подглядывать, откинулась на спинку, вытянула ноги и, казалось, задремала.

Рядом с банком по-прежнему ничего интересного не происходило. С шумом наезжая на лужу, мимо проносились машины. Ни одна из них даже не притормозила. Кажется, мы приехали не туда. Ворованные счета, может быть, и стекались на этот адрес, но Милосердова и его компанию, скорее всего, следовало искать в офисах возглавляемых им партии или общественного комитета. Я все никак не мог решиться сказать об этом вслух, наконец выдавил из себя:

— Через пятнадцать минут уезжаем.

— Через полчаса, — поправила Анна.

— Почему через полчаса?

— В семь банк закроется. Между прочим, к банку подкатила машина, а ты не смотришь.

Я прилип к окошку, глядя из-за шторки одним глазом. «Мерседес» цвета белой ночи, вспыхнув красными габаритными огнями, остановился напротив входа, освещенного неоновой вывеской. Кто-то вышел, хлопнув дверцей, но я не видел человека, пока машина не тронулась с места. Невысокая полная женщина в ярко-красном легком плаще быстро подошла к главному входу банка. Охранник кинулся открывать перед ней дверь.

— Началось! — Я хлопнул ладонью по сиденью. — Явилась первая мадам!

— Кто это?

— Роза. Фамилии не знаю. Я видел ее на лесной даче. Который час?

— Без четверти.

— Сейчас повалят. Должно быть, они слетаются к закрытию банка. Что у них тут будет? «Малина», сходка, партийный съезд?..

— Ну что, пошли? — спросила Анна и кивнула на пластиковый пакет, лежащий на сиденье.

— Пошли, — ответил я и, прихватив пакет, выбрался из машины.

Анна взяла меня под руку, и мы направились к входу в банк. Охранник молча скользнул по нашим лицам взглядом и, не найдя в нас ничего привлекательного, повернулся к нам спиной.

Узкий и длинный зал с мягкой мебелью, пальмами и фикусами в кашпо причудливых форм был почти пуст, лишь у кассового окна валютных операций стояло человек десять. Мы с Анной пристроились в конец очереди. Девушка-кассир, заметив нас, предупредила:

— Господа, мы работаем до девятнадцати часов!

Пряча лица, мы с Анной косились на входную дверь. Скрипнули тормоза. К банку подъехала очередная машина, и через несколько секунд в зал вошли двое незнакомых мужчин. О чем-то разговаривая, они прошли в торец и скрылись за дверью из красного дерева.

Анна взяла у меня из рук пакет, неторопливо прошла в конец зала и села в кресло рядом с этой дверью. Никто не обратил на нее внимания. Она опустила пакет на колени, кинула быстрые взгляды на входную дверь, на кассовое окошко, вытащила из пакета портрет Васильевой и поставила его на журнальный столик, прислонив к стене так, чтобы он сразу бросался в глаза всякому, кто подходил к красной двери. Медленно встала с кресла и, стараясь не стучать каблуками по мраморному полу, вернулась ко мне.

Победный флаг был вывешен. Оставалось дожждаться того, кто перед портретом неминуемо признает свое поражение, — убийцу Васильевой Лешу Малыгина.

Снова раскрылись двери, в зал вошли Гурули и Сысоева. Виктор пропустил даму вперед. Он был весел, возбужден и что-то негромко бормотал Татьяне Юрьевне на ухо. Не обратив внимания на портрет, они скрылись за красной дверью.

Мы уже не сводили глаз с входной двери. Через полминуты к дверям банка подкатила скромная «шестерка» голубого цвета, припарковалась, наехав передними колесами на тротуар. Из машины вышел Леша Малыгин. Он закрыл дверцу «жигуля» на ключ, надавил пальцем на брелок и, посмотрев по сторонам, зашел в зал. Мы с Анной буквально окаменели, исподлобья наблюдая за ним. Леша прошелся взглядом по портрету, ни на мгновение не задержался на нем и толкнул пятерней красную дверь.

Мы с Анной переглянулись.

— Ну и выдержка! — прошептала она. — Он даже...

Но я уже не слушал ее и незаметно толкал в плечо. В моих глазах, должно быть, было столько изумления, что Анна осеклась на полуслове и немедленно скосила глаза в сторону двери. Незаметно, словно таясь, в зал проскользнул невысокий коренастый человек с лицом, которое, как говорится, было до боли знакомо. Этого человека мы меньше всего ожидали здесь увидеть. Дима Моргун!

Бывший начальник судакского проката пружинистой, наполненной скрытой силой походкой прошел через зал. Перед портретом он остановился, несколько мгновений не сводил с него глаз, затем нервным движением пригладил волосы и немедленно скрылся за красными дверями.

Я почувствовал, как Анна прижалась ко мне.

— Давай уйдем отсюда, — не поднимая головы, прошептала она.

В это трудно было поверить. Моргун не мог знать Васильеву в лицо! Если, конечно, не был ее убийцей.

Глава 51

Я взял Анну под руку и повел к выходу, но тут какой-то невысокий молодой мужчина в спортивной куртке, вошедший в банк, перегородил нам дорогу и, напряженно улыбаясь, произнес:

— Секундочку! Вернитесь на свое место!

Я, насколько это можно было сделать вежливо, попытался оттолкнуть его от двери, но мужчина молниеносным движением сунул мне под нос красную «корочку»:

— Федеральная служба безопасности. Вернитесь на свое место, — процедил он сквозь зубы.

Я отвел Анну к ближайшей пальме и, закрыв ее собой на всякий случай, шепнул ей:

— Не волнуйся, сейчас сюда вломится Нефедов, и нас выпустят на улицу.

Анна кивнула. Ей хотелось этому верить. Девушка-кассирша перестала отсчитывать деньги, привстала со стула, глядя на человека в спортивной куртке, и, кажется, незаметно нажала кнопку вызова. Через щель между лепестками жалюзи я увидел, как напротив входа в банк остановился автобус. Окна его были завешены, в салоне — темно. На одном окне шторка колыхнулась, и мне показалось, что за ней мелькнула голова в каске и черной маске, закрывающей все, кроме глаз.

Из красной двери вышел Моргун. В одной руке он нес кожаную папку, а другой что-то доставал из нагрудного кармана.

— В чем дело? Я администратор банка! Кто вы такой? — громко говорил он, приближаясь к маленькому мужчине. Тот представился сотрудником службы безопасности банка.

То, что произошло дальше, трудно было расставить в последовательности. Кажется, сначала в зале погас свет, затем раздался пистолетный выстрел, а следом за этим — оглушительный визг женщин, стоящих в очереди.

Я схватил Анну в охапку и вместе с ней упал на кожаный диван.

— Стоять! — раздался чей-то крик, кажется, это был голос Моргуна. — Всем оставаться на своих местах.

Топот ног, короткие выкрики:

— Дверь на засов!

— Они пошли! Готовь первую голову!..

— Не подниматься на ноги!

— Заткнись!

Где-то рядом с жутким звоном разбилось большое витринное стекло. Левее главного входа прозвучала короткая автоматная очередь, и на мгновение стало тихо.

Я приподнял голову. По углам, на полу, за пальмами замерли фигуры людей. Те, кто минуту назад стоял в очереди у кассового окна, сейчас сидели на корточках, сбившись в кучу, словно стадо овец. С улицы доносился душераздирающий вой сирены. Несколько легковых машин с зажженными фарами стояли напротив окон банка, разбрызгивая «мигалками» красные и синие снопы света. Присев на одно колено, по всей длине тротуара выстроилась цепочка омонцовцев в бронежилетах, касках и масках на лицах. Омонцовцы смотрели в окна банка через автоматные прицелы.

Медленно, чтобы не привлечь внимания, я сел на диван. Анна стала поправлять волосы. Этого лучше было не делать. Мы еще не до конца поняли, что произошло.

— Руки! — закричал ей из-за кассовой стойки человек с квадратной фигурой. — Не двигаться! — и пулей подлетел к нам.

Я попытался вскочить на ноги, но сильный удар прикладом в лицо свалил меня опять на диван. Когда я отнял ладони от лица, они были липкие от крови. Анны рядом со мной не было, а за моей спиной возился со шторами один из грабителей, закрывая последнее окно.

— Врубай! — крикнул кто-то.

Вспыхнул свет. Щурясь и вытирая с разбитой брови кровь, я оглядел зал. У выхода лицом вниз в темно-вишневой луже лежал маленький мужчина, представившийся сотрудником службы безопасности. В нескольких шагах от него, у самого окна — женщина в синем плаще. Глаза ее были открыты, в левой руке, откинутой в сторону, она все еще сжимала несколько долларовых купюр, которые так и не успела пересчитать.

Все окна в зале уже были закрыты белыми волнистыми шторами. На противоположной стороне кассовой стойки, рассредоточившись на всю длину зала, стояли боевики с автоматами.

Я поискал глазами Анну — она стояла, опершись о стойку, и спокойно смотрела на меня. Опустила голову, раскрыла сумочку, вынула из нее платок и, отстранив стоящего впереди себя мужчину, пошла ко мне. Я и один из бандитов отреагировали на это одновременно и почти одинаково — оба кинулись к Анне.

— Стоять! — завизжал бандит, замахиваясь на Анну прикладом.

Я прыгнул на него, отталкивая в сторону, замахнулся кулаком, но ударить не успел — тот въехал коленкой мне в живот. Я согнулся пополам, сдерживая стон и ожидая выстрела в голову, но тут раздался властный голос:

— Отставить, Секач! Не распускай руки!

Я почувствовал близость Анны, пытавшейся поднять меня. А когда я распрямился и схватился руками за стойку, она вдруг прошипела:

— А-а, иуда!

Я поднял голову. Перед нами стоял Леша.

— Вы сами виноваты, — сказал он.

— Жаль, что я не пристрелил тебя в Судаче, — ответил я, прижимая платок к глазу.

— Чем тише вы себя будете вести, тем лучше, — негромко произнес Леша и перевел взгляд на Секача: — Этих двоих — в дальний угол, остальных поставь вдоль окна лицом к стеклу... Господа! — обратился он ко всем заложникам. — Мы не причиним вам вреда, если вы будете выполнять наши требования. А с ОМОНОм мы договоримся.

Мы с Анной продолжали стоять у кассового окошка. Секач взглянул на нас и скривился:

— А вам что, особое приглашение требуется? В угол, бегом!

— Пойдем, — сказала Анна и взяла меня под руку. — А то этот невротик выстрелит — обидно молодой умереть.

Мы встали в углу лицом к залу. Шеренга из заложников уже выстроилась перед шторами, и Секач, прохаживаясь за их спинами, ерничал:

— Кто будет шевелиться, чесаться, ковырять в носу, тот будет немножко расстрелян и чуть-чуть умрет...

Из красной двери вышел Моргун, на мгновение остановился у портрета Васильевой, усмехнулся, взял его и, с улыбкой рассматривая, подошел к нам.

— Ну, здравствуй, дружочек. Значит, вычислил меня? — спросил он, глядя кошачьими глазами то на меня, то на портрет. — Напрасно. А ведь я предупреждал тебя, чтобы не совал нос в чужие дела. А ты не внял умному совету. Ты ведь все время думал, что это Лешка ее замочил, так ведь? Пра-

вильно делал, что так думал. Лешка у нас козлом отпущения работает. Мы на него всех собак вешаем, и он за это деньги получает... Э-эх! — вздохнул Моргун. — И чего, спрашивается, тебе не хватало в жизни? И бабу себе хорошую завел, и хата на побережье есть, и деньги имел. Острых впечатлений захотелось?..

Тут к нему подошел Леша и что-то шепнул на ухо.

— Все они там полковники! — ответил Моргун. — Надо еще разобраться, кто его уполномочил. А как он связался с Германом?

— Позвонил ему в кабинет.

— Герман передал ему условия?

— Нет, шеф хочет поговорить с ним с глазу на глаз.

— Что ж, запускай этого парламентаря, посмотрим, что за птица. Два ствола направить ему в лоб, остальные — в затылок заложникам... Включая и этих молодоженов, — добавил он, кивнув на нас с Анной. — Обыскать его, поставить вровень с остальными у шторы. А потом будем разговаривать.

Леша кинул на нас с Анной быстрый взгляд и отошел.

— Дима, — сказал я, — ты казался мне умным человеком.

— Уже не кажусь? А что так?

— Неужели ты еще надеешься, что вам удастся уйти? Да вся ваша афера едва не треснула по швам еще три недели назад, когда ты плыл с Дикого острова на берег и под водой чуть не наткнулся на меня. Всего на метр ближе — и я узнал бы тебя.

— Я, между прочим, так и решил, что ты меня узнал, — усмехнулся Моргун, — поэтому быстренько придумал фокус с белой накидкой и запиской в кармане.

— Постой! — не понял я. — Ты придумал этот фокус до того, как мы едва не столкнулись под водой или после?

— После, дружок, после!

— Но ты ведь привез на остров накидку заранее и заранее подкинул ее в мою лодку!

Моргун отрицательно покачал головой.

— Пограничники нашли пустую лодку, Кирюша. Накидки в ней никогда не было. Этот белый кожаный плащик хранился в моей мастерской. Там же я сочинил и записку.

— Как же тебе удалось подделать мой почерк?

— Любопытствуешь? Каждый день, дружок, перед тем как отчалить к острову, ты собственной рукой писал в моем учетном журнале: «Трехместную лодку с парой весел и спасательным кругом, все в исправном состоянии, взял напрокат до восемнадцати часов». И расписывался. С этого образца мне не стоило больших усилий скопировать твой почерк.

— Но такой шикарный компромат логичнее было бы отправить в полицию, а не мне в руки, — пожал я плечами.

— Нет, не логичнее. Профессиональные эксперты могли бы быстро раскусить, что почерк подделан. К тому же они обязательно связались бы с пограничниками и выяснили, что те никаких вещей в лодке не находили. А ты, получив накидку с запиской, становился, во-первых, моим должником и сразу исключал меня из числа подозреваемых, коль я сам тебя выручил, а во-вторых, переключал свой острый ум на поиск собственного алиби, а не преступника. Словом, я тебе рот закрыл и поубавил твою сыскную энергию. Ты мог откровенно говорить только с Лешкой, который, ко всему прочему, был нашим человеком. Отпала необходимость тебя убивать — ты был совершенно безопасен для нас, и мы знали о каждом твоём шаге.

— Чем тебе Караев помешал? Зачем старика убил?

— Караева? А в этом, дружок, ты был косвенно виноват. В один прекрасный вечер мне из Симферополя позвонил Илья Городецкий, клерк, контролирующий частное строительство в Крыму, и сказал, что отец Малыгина — бывший анестезиолог, когда-то лечивший его, почему-то заинтересовался дачей Пикова, и дал мне номер телефона, по которому Малыгин просил перезвонить. Я сразу узнал твой номер. И тогда мне стало ясно, что это ты звонил Городецкому от имени Малыгина-старшего и, видимо, намеревался найти капитана на даче Пикова в Морском. Караев вряд ли видел, что я поднимался на борт яхты с мыса Ай-Фока, но он разговаривал с наркоманкой, мог заметить что-то подозрительное и проболтаться тебе. Короче, этого свидетеля пришлось убрать...

Моргун вдруг замолчал и поднялся с дивана. В зал в сопровождении двух охранников вышел из красной двери невысокий пухлогубый мужчина в костюме. Моргун почти вприпрыжку подбежал к нему.

— Это Герман Милосердов — шепнула мне Анна.

— Господи, а плюгавый-то какой! — вырвалось у меня. — Плюнуть не на что, а возглавил партию.

Милосердов что-то сказал Моргуну, показал рукой на автоматчиков за кассовой стойкой и семенящей походкой покатился обратно к красной двери. Отдав какое-то распоряжение Леше и Секачу, Моргун вернулся к нам и снова заговорил:

— Что касается бомжа с пляжа хиппарей, то и здесь ты подставил старика. Он видел меня пару раз, когда я таскался по пляжу с Танькой-наркоманкой, и, хотя у алкашей память никудышная, мог запомнить кое-какие приметы. Я не трогал бы его, если бы ты не надумал поплыть на тот пляж. Собственно, грех мой невелик: алкоголики и так пьют всякую дрянь, а я напоил его отборным метиловым спиртом с небольшим добавлением бензина.

— Если ты говоришь, что я не представлял для вас опасности, то зачем вы приказали Лепетихе убить меня? — спросил я.

— Я не имел к нему никакого отношения. Это уже инициатива Витька Гурули. Ты попытался припереть его к стене со своим счетом в двадцать пять тысяч баксов, а Витек настолько жаден, что убьет человека за один доллар. Из-за своей жадности он и самого дешевого киллера где-то откопал. К тому же он трус — побоялся звонить киллеру из своего ялтинского дома и попросил сделать это Татьяну Сысоеву. Татьяна, дура, согласилась и чуть было не засыпала наш филиал. К счастью, ты ошибся, когда принял Сысоеву за Милосердову и выдал себя за ее брата. Сысоева, мне рассказывали, ловко подыграла, а потом сдала тебя ментам... Если говорить о Гурули, то он вечная гиена, потому что всегда питался объедками. Я, как и ты, его на дух не переношу. Но у него мощный козырь — он знает фамилии «шишек», которые прокручивали в «Милосердии» бюджетные бабки и имели с них бешеный навар. Менты потому не могут упрятать его за решетку. И тебя, собственно, тоже потому выпустили, что дело прикрыли.

— Ты говоришь, что Гурули жадный. Но он, между прочим, выплатил мне все баксы по фиктивному счету.

— Эх, дружок, наивный ты человек! Все они — фальшивые. Но Гурули понадеялся, что поздно вечером и в пьяном виде ты этого не заметишь. Так оно и вышло. Кроме того, эта гиена без согласования с Пиковым взорвала «Ассоль», чтобы убрать тебя и сделать себе имидж мученика и борца за права вкладчиков. Но возмещать ущерб Пикову пока не собирается, все надеется снять с новых вкладчиков богатый урожай... Ни хрена у него не выйдет. Жаль яхту!

— Эта гиена, между прочим, в одной компании с тобой, — напомнил я.

— Увы, увы! — развел Моргун руками и усталым голосом добавил: — Договорить нам, наверное, уже не удастся. Хотя, скорее всего, договорим на том свете.

Он повернулся и пошел к выходу. Два боевика, стоящие рядом с дверью, взяли автоматы на изготовку. Дверь открылась, и в зал вошел Нефедов.

Глава 52

— Стоять! — сказал ему Моргун. — Руки за голову!

Он подошел к Нефедову вплотную и стал ощупывать его с ног до головы. Нефедов поворачивался по его команде то спиной, то боком, пока, наконец, не увидел нас. Он ничего не сказал, но в его взгляде было достаточно крепких выражений в мой адрес.

В зал снова выкатился Милосердов. Быстро подошел к Нефедову и, остановившись в трех шагах от него, произнес:

— Значит, так. Разговор наш будет коротким и, надеюсь, плодотворным. Два миллиона долларов наличными, автобус с пятью полными канистрами бензина и средствами связи и готовый к вылету самолет с экипажем в аэропорту Внуково.

— Доллары мы сумеем доставить вам уже к утру, а автобус... — начал Нефедов, но Милосердов не дал ему договорить:

— Не к утру, а немедленно, в течение часа! И не надо говорить мне, что в Москве все банки ночью закрыты.

— Хорошо, — ответил Нефедов. — С долларами я постараюсь решить вопрос как можно быстрее. Сложнее будет с самолетом. Проблема в том, что сейчас нелетная погода.

— Меня это не останавливает. Я разрешаю экипажу взять с собой парашюты. Если самолет из-за дождя начнет падать, я позволю летчикам покинуть борт.

— Но вы должны понимать, что подготовка самолета к вылету потребует некоторого времени.

— Я это понимаю. Экипаж будет готовиться к вылету, сидя в своих креслах, а техники должны все подготовить до нашего прибытия. Снимайте с рейса любой готовый к вылету самолет... Господин Нефедов! Давайте заканчивать излишне затянувшийся разговор. Жизнь этих людей, — кивнул на строй Милосердов, — зависит только от того, насколько точно вы выполните наши требования. Не советую вам идти напролом и проливать кровь невинных людей. Будьте умнее, отпустите нас вместе с самолетом восвояси!.. Все! Мы с вами прощаемся. Все остальные разговоры — только по телефону, а потом — по рации.

— Секундочку! — поднял руку Нефедов. — Чтобы сдвинуть с мертвой точки ситуацию, я предлагаю вам сделать первый шаг.

— Я должен сделать первый шаг? Я ставлю условия и должен делать первый шаг?

— Но я не могу прямо сейчас выложить перед вами деньги! Чтобы банк выдал нам такую сумму, банкиры должны видеть, что имеют дело не с сумасшедшими фанатиками. Отпустите хотя бы половину заложников, и я обещаю вам, что через час вы получите два миллиона долларов.

— Что?! Половину? Вы наивный человек, Нефедов! С вами невозможно вести переговоры. Я требую, чтобы к нам пришел более влиятельный и деловой человек, чем вы.

Он повернулся и пошел к красной двери, боевики наставили в грудь Нефедову стволы автоматов.

— Милосердов! — вдруг крикнул он. — Я согласен сделать первый шаг. Тот обернулся, но не подошел.

— Конкретнее.

— Я немедленно передаю вам один миллион долларов взамен двух заложников.

Я понял, кого имел в виду Нефедов. Анна взглянула на меня, я — на нее.

Милосердов сделал шаг к Нефедову:

— Сначала деньги, потом заложники. Несите деньги — не знаю, какая у вас будет тара, — кладите на асфальт. Потом я скажу, что делать.

— Хорошо, — ответил Нефедов и ушел.

Вернулся он к дверям банка спустя всего минут пять или семь. Боевики снова встали по обе стороны от дверей, взяв автоматы на изготовку, и Милосердов обратился к Моргуну:

— Скажи, пусть вываливает деньги на асфальт. Да только на сухое место!

— Высыпай! — крикнул Моргун, подойдя к двери, но не выглядывая из-за нее.

— Скажи, пусть все соберет, возьмет мешок в зубы и зайдет с поднятыми руками.

— Эй, полковник! — позвал Моргун. — Мешок в зубы, руки вверх, и дуй сюда!

Секач раскрыл перед Нефедовым дверь. Тот вошел, разжал зубы, и мешок упал к его ногам. Моргун поднял мешок, раскрыл, заглянул внутрь и подошел к Милосердову:

— Порядок, шеф!

— Пересчитай! — приказал Милосердов и пробежал взглядом по строю заложников. — Эй, кучерявый! — позвал он одного парня. — Иди ко мне, сынок! Твой будущий президент дарит тебе свободу. — Затем снова повел глазами и остановился на толстушке в спортивных брюках.

— Нет, — покачал головой Нефедов, — так не пойдет. Я сам выберу людей, которые выйдут отсюда первыми. Я выполнил ваше требование и принес деньги? Теперь моя очередь ставить условия.

— Ну как же так! — вдруг громко заголосил парень, в глазах которого только что полыхало пламя неопишуемого счастья. — Меня же первого выбрали! Заберите меня, пожалуйста! Очень вас прошу!

— Молодой человек! — обратился Милосердов к парню. — Бог свидетель — моя совесть чиста. Господин полковник не желает брать вас с собой на волю.

— Я беру тех двоих, — кивнул на нас с Анной Нефедов.

Милосердов поднял глаза, оценивающе посмотрел на меня, потом — на Анну и скомандовал:

— Эй, вы! На улицу — шагом марш!

Вдруг Моргун, стоявший все это время за спиной шефа, шагнул вперед и отрицательно покачал головой:

— Только бабу!

— Почему так? Есть причины? — вскинул брови Милосердов.

Моргун склонился над ухом шефа и что-то шепнул ему.

— А-а-а! Так это и есть тот самый частный детектив? Нет, детектива в последнюю очередь!.. Выпускаем бабу и кучерявого.

Парень, услышав про помилование, отнял руки от лица, выпрямился и кинулся к двери, но на пороге споткнулся и растянулся на мраморном полу во всю длину. Секач и еще двое боевиков заржали.

— Не ушибся, спринтер?

Парень вскочил и пулей вылетел на улицу, падая на руки омоновцев.

— Эй, мадам! — позвал Секач. — Поторопитесь, а то мы передумаем.

— Без него я не пойду, — неожиданно спокойно и твердо ответила Анна.

— Только без капризов, — сквозь зубы процедил я. — Прошу тебя, не устраивай здесь сцен. Уходи немедленно!

— Вы нарушили мое условие, — сказал Нефедов Милосердову. — Я требовал отпустить этих двоих!

— Какое условие? — заморгал глазками Милосердов. — Вы просили освободить двух человек. Одного я уже освободил, а вторая сопротивляется. Ей здесь больше нравится, наверное. А конкретные личности, полковник, мы с вами не оговаривали.

— Анна! — шептал я и подталкивал ее в спину. — Уходи отсюда к чертовой матери! Я тебя умоляю! Ради нашей любви! Ради меня — уйди отсюда!

— Мы выйдем отсюда вдвоем! — громко сказала Анна. — Бесполезно меня уговаривать.

— Вы позволите мне поговорить с ними? — спросил Нефедов у Милосердова.

— Полминуты.

Нефедов подошел к нам и взволнованно прошептал:

— Вот что, друзья, влипли вы очень серьезно. Ни самолета, ни автобуса никто Милосердову не даст. Омоновцы настроены очень решительно. Сейчас начнется такая рубка, что здесь вряд ли кто живым останется. Анна, сейчас ты выйдешь со мной, а Кирилла я потом постараюсь обменять на наркотики. Это тоже валюта, и у террористов она хорошо идет...

— Нет, — перебила его Анна. — Без Кирилла я отсюда не выйду.

— Ну, вот что! — теряя терпение, произнес я. — Хватит разыгрывать партизанку! Не тот случай, Анна! Выметайся отсюда, и чтобы я тебя здесь не видел!

Нефедов сразу понял меня, схватил Анну за руку и потянул за собой, но она вдруг замахнулась сумочкой, ударила его по голове, вырвалась и подбежала ко мне, сверкая глазами, полными гнева.

— Что скрипишь зубами, предатель! На что ты меня толкаешь? А на моем месте ты поступил бы так же? Ты бы меня бросил, да?!

— Да! — закричал я. — Да! Ни видеть, ни слышать тебя не хочу! Убирайся!

Нефедов подошел к Милосердову.

— За него я принесу наркотики. Постараюсь добыть и оружие... Отпусти его, — добавил он тише. — Отпусти обоих, Милосердов, не бери грех на душу...

— Полковник, вы не деловой человек! — хмыкнул Милосердов. — Какие наркотики? За кого вы нас принимаете? Я политик, за мной идет народ! А вы — наркотики...

— Да чо с ней церемониться! — вдруг сорвался с места Секач, подошел к Анне, схватил ее за волосы и толкнул к двери.

Анна устояла на ногах, развернула левое плечо и сильно замахнулась. Мы ударили Секача почти одновременно: она залепила ему звонкую пощечину, а я заехал ему кулаком в подбородок. Секач рухнул на кассовую стойку, и вслед за этим события понеслись со страшной скоростью. Оглушительно застучала автоматная очередь, раздался обвальный грохот бьющегося стекла, истошно завизжали женщины.

— На пол! — диким голосом кричал Нефедов. — Все на пол!

Рядом трещала стойка, раздавались выстрелы, короткие вспышки вырывали из темноты силуэты людей с оружием, над полом потянуло холодным сквозняком. Я лежал сверху Анны, прикрывая ее собой. С улицы ударили мощные прожекторы, заливая зал молочным светом. Я видел только полусогнутые фигуры омовцев и лежащих на полу людей.

Выстрелы вскоре затихли. Я дернул головой, стряхивая застрявшие в волосах осколки, провел ладонью по голове Анны и пробормотал:

— Нет, зря мы не пошли на «Евгения Онегина»... Анюта, ты как?

— Дайте свет! — скомандовал кто-то.

Под потолком вспыхнули уцелевшие светильники, и я увидел, как Леша Малыгин, стоящий у входа, прижимает коленом к полу Милосердова. Он завел обе руки Германа за спину и защелкнул на них наручники. Нефедов, морщась от боли, подошел к Малыгину, обнял одной рукой и кивнул на улицу:

— Иди, теперь без тебя разберемся.

— Анна! — позвал я. Она лежала на холодном полу лицом вниз. Я сел на пол, взял ее за плечи, приподняв, положил ее голову к себе на колени и сказал: — Ну, все, хватит. Пошутили и хватит.

— Иди, — повторил Нефедов, кивая Малыгину.

Леша отрицательно покачал головой.

— Нет, я останусь до конца, — отрицательно покачал головой Леша. Посмотрел на нас с Анной, и лицо его помертвело.

— Анна, — шептал я, убирая волосы с ее лица. — Анютка, милая, что с тобой случилось?

Глаза ее были открыты. В уголке губ алела капелька крови.

Леша подошел к нам.

— Так ты, оказывается, мент? — спросил я равнодушно.

— Что с ней?

— Не знаю. Молчит.

Леша присел рядом, взял руку Анны, долго держал ее, потом опустил руку на пол и прошептал:

— Пульса нет, — произнес он.

— Это ерунда, — ответил я. — Пульс не всегда можно прощупать. Она дышит.

— Она умерла.

— Сам ты умер, дурак! — выкрикнул я не своим голосом. Что-то сдавило горло так сильно, что потемнело в глазах. — Послушай, Лешик, сколько у тебя масок, кто ты вообще такой? Может, Фантомас?

Тем временем омоновцы выводили оставшихся в живых боевиков. Германа Милосердова подняли на ноги два человека в штатском и повели к машине, которая задним ходом подъезжала к разбитым дверям.

Нефедов, опустив раненую руку в карман плаща, ходил по залу и часто затягивался сигаретой. Какой-то мужчина в кожанке подскочил к нему и, показывая на улицу, сказал:

— Там пресса, Валерий Константинович. Просят разрешения пройти в зал.

— Кто?! Пресса?! К черту прессу! — зло крикнул Нефедов. — Гони их отсюда к чертовой матери!

— А телевидение?

— Всех! Даю минуту на то, чтобы очистили улицу, иначе их вышвырнет отсюда ОМОН.

Нефедов не подходил к нам, даже не смотрел в нашу сторону. Прерывистым воем, словно захлебываясь от долгого бега, к оконному проему подкатила машина «скорой помощи». Выскочили люди в белом, распахнули створки задней двери, вытащили носилки, вбежали в зал и опустили носилки рядом с нами. Один из них взял Анну за руку, как это делал минутой раньше Леша, а второй приподнял ей веко и сказал:

— Надо поторопиться, можем опоздать.

Я сам перенес Анну на носилки. Хотел пройти вслед за врачами к машине «скорой помощи», но меня оттолкнул от машины омоновец и приставил

ствол автомата к моей груди. Провожая взглядом белую машину с красным крестом на борту, много-много раз я произнес имя Господа.

Привалившись к стойке, спиной ко мне стоял Леша. Он смотрел на красную дверь, откуда выводили людей. Гурули вели под руки двое крепких парней. Мне показалось, что Гурули мельком взглянул на меня и усмехнулся.

Роза прошелестела плащом рядом с Нефедовым, остановилась на секунду и гневно сообщила ему:

— Я этого так не оставлю! У меня есть кому пожаловаться на этот беспредел!

Моргуна, накрытого простыней с головой, вынесли на носилках.

Затем по залу прошла невысокая молодая женщина в ярко-красном костюме. Казалось, что она идет сама по себе, а двое конвоиров сзади нее — всего лишь случайные прохожие. Стук ее каблучков эхом метался под высоким потолком. Она шла медленно, легко выбрасывая ноги вперед, словно гуляла по осеннему парку и поддевала туфлями опавшие листья. Это была Эльвира Милосердова. Она остановилась рядом с Лешей, подняла на него глаза, улыбнулась ему и ласково произнесла:

— А-а, касатик! Так ты, выходит, мент поганый? Поздравляю, ты многого достиг. За решетку, можно считать, меня упрятал. — Она сплюнула ему под ноги и вышла на улицу.

Я не видел лица Леши и не понял, что с ним произошло, но к нему вдруг близко подошел Нефедов и сухо сказал:

— Прекрати, майор! Возьми себя в руки!

А потом я спал или, может быть, просто сидел без сознания, привалившись спиной к стойке, и мне казалось, что Анна по-прежнему лежит на моих коленях, а я глажу ее волосы. Когда открыл глаза, никого рядом со мной не было, лишь блестящие осколки на мраморном полу, да чернели капли крови, похожие на засохшие лепестки карликовой розы.

Послесловие

Точку поставила пуля. Анна была беременна, и кусочек свинца калибра 5,45, попавший ей в живот, убил нашего неродившегося ребенка.

Семь дней я провел под окнами реанимационного отделения клиники Склифосовского — внутрь меня не пускали. На восьмой день Анна открыла глаза и шепотом спросила у дежурного врача, жив ли Кирилл Вацура. Врач ничего не знал обо мне и пообещал выяснить. Анна решила, что я убит, стиснула зубы, сдерживая стон, и дернула обеими руками, вырывая из вен иглы капельниц.

После этого мне разрешили войти к ней. Она крепко сжала мою руку и не отпускала до тех пор, пока меня не выставили за дверь.

Анна возвращалась к жизни очень медленно. Когда ее выписали, была настолько слаба, что не могла подниматься по лестнице, и я носил ее на руках.

В первых числах ноября, когда Москву завалило мокрым снегом, мы с ней улетели в Крым.

Нефедову по ранению дали отпуск, и он приехал к нам. Рассказывал, что Малыгину присвоили подполковника и наградили каким-то орденом. Он просил меня ни в чем не винить Лешу. Да я, собственно, ни в чем и не винил. Но дружбы у нас с ним больше не получилось.

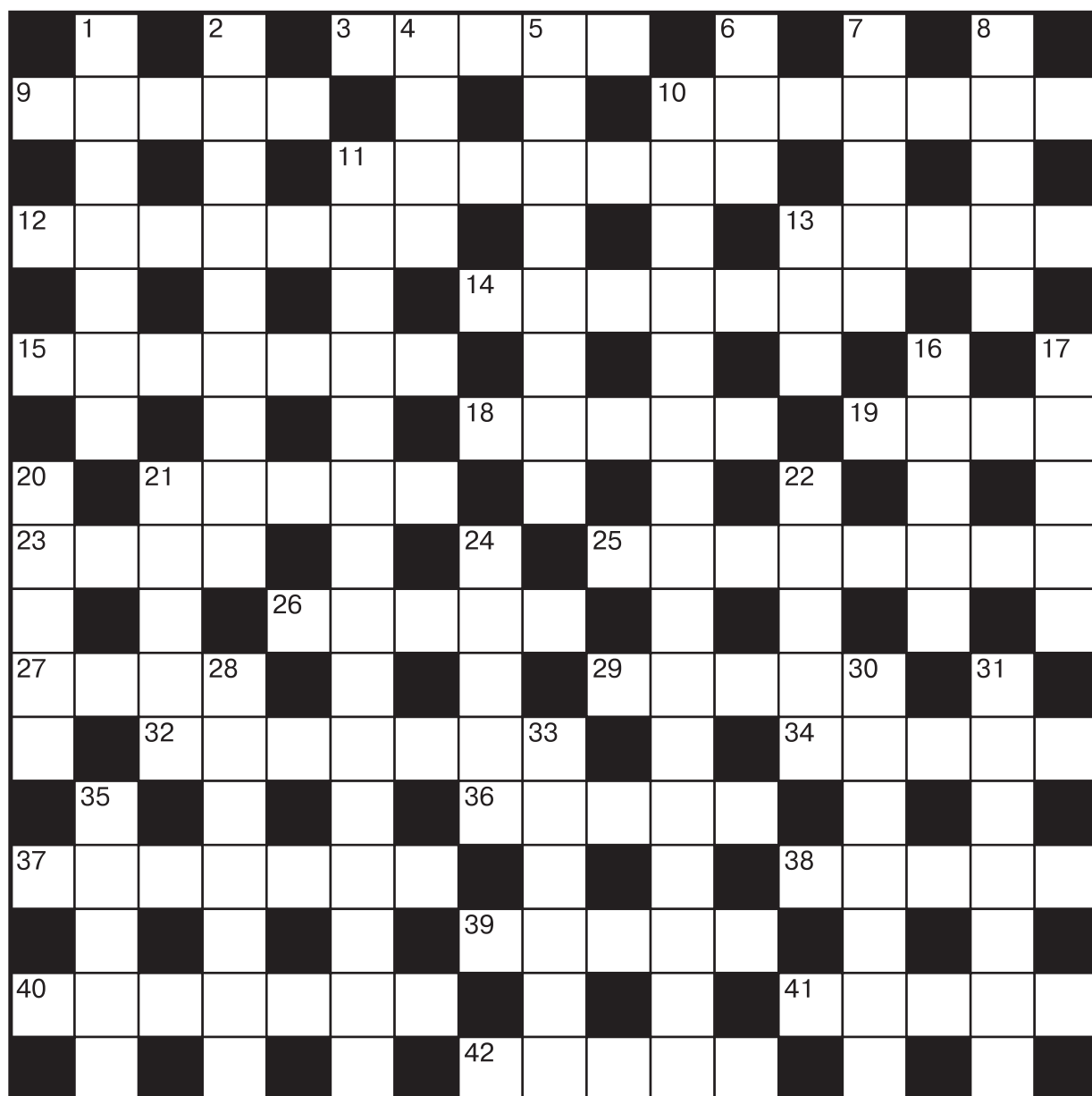
Перед отъездом Валера сюрпризом преподнес нам несколько документов. Через своего адвоката он выбил для нас с Анной крупные денежные компенсации за моральный, материальный и физический урон. Через две недели с арестованного счета «Милосердия» на мое имя поступила такая впечатляющая сумма, что мы с Анной тотчас принялись строить на дачном участке новый дом. Анна сама выбрала проект и доработала его с учетом своей приверженности средневековому стилю.

В конце января строительная бригада возвела стены, которые были миниатюрной копией бастионов Генуэзской крепости, и заложила фундамент дома.

Весной мы отпраздновали новоселье. Из огромного полукруглого окна нашей спальни открывается прекрасный вид на Портовую башню, мощное тело Крепостной горы и, конечно, на море, которое жестоко испытало нас и наши чувства и связало на всю жизнь.

Дикий остров из окон нашего дома не виден даже в ясную погоду. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Что защищает вяжущего человека от наведения порчи? **9.** Норвежский кумир Серебряного века. **10.** Заложник Интернета. **11.** Основа шоколадного торта «Захер». **12.** Оскароносный зоолог из Германии. **13.** Кто из писателей с мировым именем провел много часов в поисках утраченного времени?

14. Что изображает 9-метровый памятник на главной площади канадского города Глэндон? **15.** Звуковое ущелье. **18.** «Царство лешего». **19.** Какой Кристиан придумывал наряды для Марлен Дитрих и Мэрилин Монро? **21.** Ковбойский алкоголь. **23.** Мультяшный герой с боевым кличем «Нафаня! Наших бьют!»

25. Какой эстрадный секс-символ даже спортом занимается со своими собаками? **26.** «Широки леса и воды, крепок ... воздушных крыл». **27.** Головомойка от босса. **29.** Из какой рыбы в Древнем Риме готовили блюда, которые подавали только на золотой посуде? **32.** Кто верен присяге? **34.** Единственное СМИ, пользуясь которым ни один человек не испортил себе зрение. **36.** Змея с надувным капюшоном. **37.** «Самолет с мужским лицом». **38.** Школьник в погонах. **39.** Какой капитан сумел остановить планы добычи полезных ископаемых на Антарктиде? **40.** Какую императорскую регалию украшает исторический алмаз «Орлов»? **41.** Что говорит не в пользу подозреваемого? **42.** Морской экстрим.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Нюанс пения. **2.** Медицина «преклонных лет». **4.** Песня «Барон фон дер ...» у Леонида Утесова. **5.** Альпийская фиалка, ставшая, несмотря на ядо-

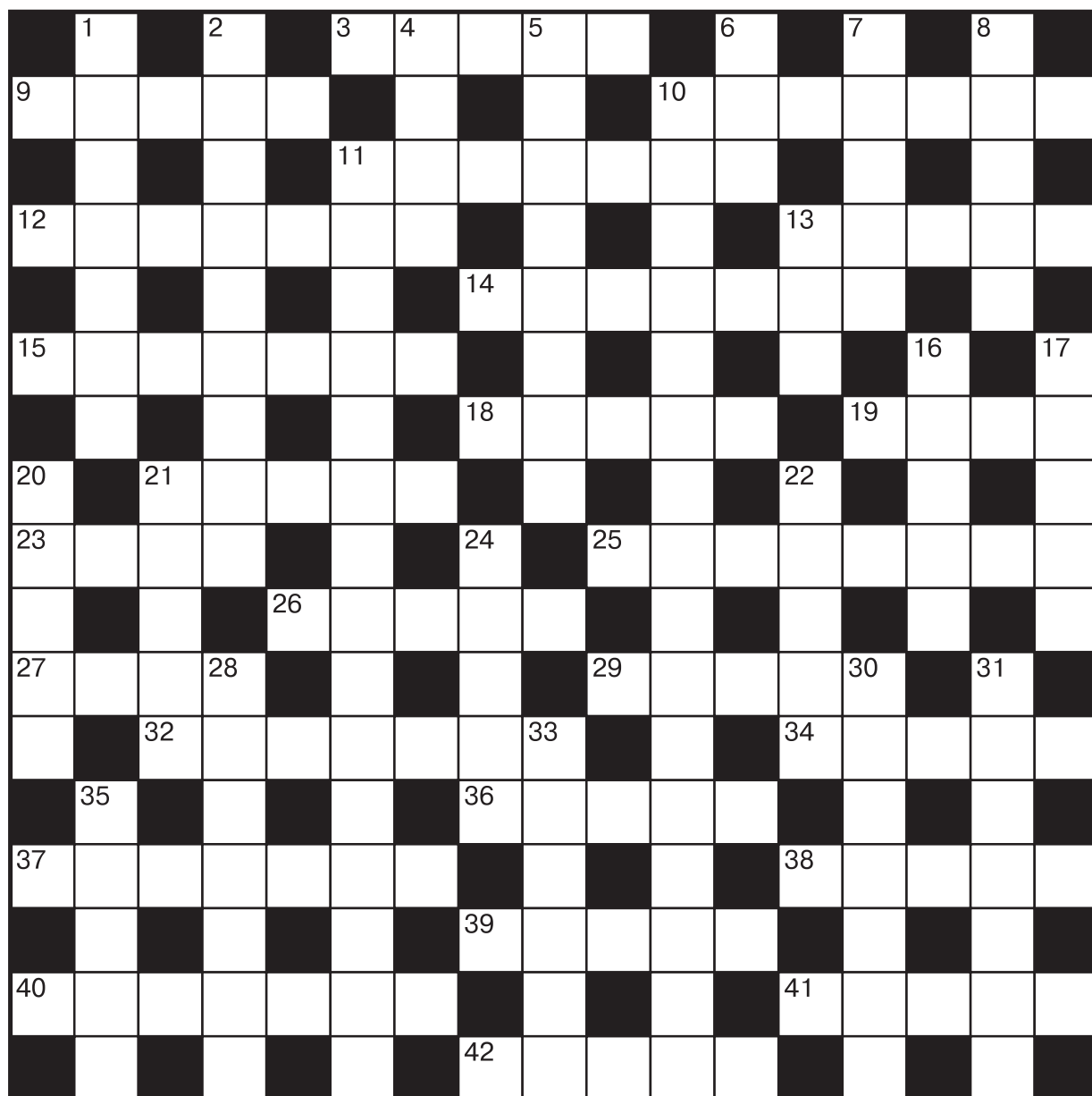
витость, комнатной. **6.** Фонтанирующий зверь. **7.** Кто из героев комиксов обрел в кино лицо Роберта Дауни? **8.** Кто из мировых литературных героев, переиначив перевод крылатой библейской фразы, предлагает свой вариант: «В начале было дело»? **10.** Что в Австрии под угрозой штрафа в десять тысяч евро запретили устанавливать на автомобили? **11.** Допинг для преступности. **13.** Папа римский, короновавший Наполеона Бонапарта. **16.** Цветок на флоринах. **17.** Что слышно от жующего чипсы? **20.** Узы узника. **21.** Какой военный термин может иметь отношение к демографии? **22.** Храм Мельпомены. **24.** Что профессионал до автоматизма оттачивает? **28.** Что превращает звезду в «черную дыру»? **30.** Кто создал капеллу первой казни из романа «Ангелы и демоны» Дэна Брауна? **31.** Капельница для носа. **33.** С каким продуктом Илья Мечников связал большое число долгожителей в Болгарии? **35.** Бургомистр, но не чиновник.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Атлас. **9.** Трюмо. **10.** Водопад. **11.** Биатлон. **12.** Синдбад. **13.** Зомби. **14.** Водолаз. **17.** Сглаз. **20.** Очаг. **23.** Готика. **24.** Паразитолог. **25.** Петр. **26.** Лицо. **27.** Аскет. **29.** Гудок. **31.** Шагал. **32.** Мозг. **33.** Смена. **34.** Котов. **35.** Клодт. **37.** Успех. **38.** Лобстер. **39.** Старр. **40.** Виски. **41.** Склероз. **42.** Гарбо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Армия. **2.** Амаду. **4.** Твид. **5.** Артроз. **6.** Сон. **7.** Мороз. **8.** Барби. **10.** Ворон. **11.** Бангладеш. **13.** Залог. **14.** Валик. **15.** Толпа. **16.** Лапта. **18.** Бибиков. **19.** Каторга. **21.** Гарсоньерка. **22.** Могул. **23.** Головоломка. **28.** Таблетка. **29.** Гардероб. **30.** Эмиссия. **32.** Моисеев. **36.** Чехов.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Самая выносливая в мире порода ездовых собак. **9.** Канал связи. **10.** Какой термин древнегреческой философии соответствовал современному понятию «образование»? **11.** Какой романист из «Мастера и Маргариты» списан Михаилом Булгаковым с Ва-

лентина Катаева? **12.** Какой из звуковых файлов наркотически воздействует на мозг? **13.** Кто из литературных злодеев «смастерил» указатель к тому месту, где зарыты несметные сокровища, из трупа убитого им же матроса? **14.** Лучший сорт итальянской камки. **15.** Историк

в предшественниках Геродота. **18.** «Черная вера» загадочной страны Шамбала. **19.** Прямоугольный балахон. **21.** Какой кулан по Тибету бродит? **23.** Что в России приравняли к 7 верстам? **25.** Из какого ружья стреляет киргизский богатырь Манас? **26.** Высшая форма энергии человеческого тела в йоге. **27.** Какой режиссер снял первый звуковой фильм про Владимира Ленина? **29.** Где расположена биржа жемчуга в Дубаи? **32.** Природные факторы, влияющие на качество продуктов. **34.** Основатель ордена мартинистов. **36.** Шапочка у чувашек. **37.** Французский «блатной». **38.** Пивные шишки. **39.** Бесы из Ветхого Завета. **40.** Безумный ученый из мультиков про черепашек ниндзя. **41.** Рисунок на ткани. **42.** Танец крымских татар.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Неформал из зоны хип-хопа. **2.** «Пищевое довольствие» чиновника в Древнем Риме. **4.** «Ангел любви». **5.** Колпачок на голове ловчей птицы. **6.** В какой коме-

дии Харрисон Форд сыграл хиппи? **7.** Кто из эстрадных певиц закончил ту же школу, что и Эми Уайнхаус? **8.** Какой остров подарили святому Колумбану для основания монастыря? **10.** К какому жанру относится фильм «Эквилибриум» с Кристианом Бейлом в главной роли? **11.** Как сейчас называется та самая станция, где Анна Каренина «бросилась под поезд»? **13.** Приставка к имени итальянского католического священника. **16.** Утопист, чье влияние очевидно в романе «Что делать?». **17.** Американский президент, чье имя носит знаменитая плотина недалеко от Лас-Вегаса. **20.** Какая марка автомобилей родилась благодаря рекламной кампании наручных часов из Швейцарии? **21.** Кто из мировых гениев живописи знаменит «золотыми поцелуями»? **22.** Вампир в индуизме. **24.** «Книга книг» у иудеев. **28.** «Танцующий гриб». **30.** Беличья обезьяна. **31.** Мелкая сельдь горячего копчения. **33.** Четвертый этап алхимического деяния. **35.** Любовная муза, носившая миртовый венок.

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Ямаха». **9.** Фанер. **10.** Сабеизм. **11.** Фарсанг. **12.** Николай. **13.** Шпана. **14.** Ботропс. **17.** Нагой. **20.** Омен. **23.** Гекига. **24.** Бейсджампер. **25.** Снуд. **26.** Уезд. **27.** Софер. **29.** Начос. **31.** Регат. **32.** Кирш. **33.** Дутыш. **34.** Ворон. **35.** Базаг. **37.** Эббот. **38.** Сбитень. **39.** Чопик. **40.** Орикс. **41.** Вилтак. **42.** Ханок.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Такия. **2.** Сенот. **4.** Моаи. **5.** Хосрой. **6.** Баг. **7.** Фелпс. **8.** Цзюнь. **10.** Снарк. **11.** Фаланстер. **13.** Шпееер. **14.** «Боржч». **15.** Фосса. **16.** «Ребус». **18.** Бичерин. **19.** «Ландыши». **21.** Недотыкомка. **22.** Эмпат. **23.** Гемосорбция. **28.** Рефалоса. **29.** Наварино. **30.** Будберг. **32.** «Контакс». **36.** Янтак.

Уважаемые читатели открыта подписка на 1 полугодие 2022 года :

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 211 рублей 20 копеек	За 1 номер — 239 рублей 80 копеек
За полугодие — 1267 рублей 20 копеек	За полугодие — 1438 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны —
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше «мышки»?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению — ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года. Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

